

ФРЭНСИС СКОТТ

ФИЦДЖЕРАЛЬД

ВЕЛИКИЙ ГЭТСБИ

Книги, изменившие мир. Писатели, объединившие поколения.

эксклюзивная классика

Великий Гэтсби

Френсис Скотт Фицджеральд

Аннотация
Фрэнсис Скотт Фицджеральд. Великий Гэтсби
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9

Аннотация

«Бурные» двадцатые годы прошлого столетия…

Время шикарных вечеринок, «сухого закона» и «легких» денег…

Эти «новые американцы» уверены, что расцвет будет вечным, что, достигнув вершин власти и богатства, они обретут и личное счастье…

Таким был и Джей Гэтсби, ставший жертвой бессмысленной погони за пленительной мечтой об истинной и вечной любви, которой не суждено было сбыться…

Перед вами – самый знаменитый роман Ф.С. Фицджеральда в новом переводе!

Фрэнсис Скотт Фицджеральд
Великий Гэтсби

Для нее стань самым бойким и хоть
шляпу золотую надевай в угоду ей,
Прыгай выше всех и только сил, конеч-
но, не жалей,
И тогда она воскликнет: «Мальчик в
шляпе золотой,
Я хочу, чтобы ты был мой!»

Томас Парк д'Инвильер

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2015

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешенияправообладателя запрещается.

Глава 1

В юные годы, когда я более внимательно воспринимал окружающий меня мир и прислушивался к мнению других людей, отец дал мне совет, к которому я вновь и вновь обращался в течение всей своей жизни.

— Если когда-нибудь тебе захочется кого-то критиковать, — сказал он, — вспомни, что далеко не все люди в мире обладают теми преимуществами, которые дарованы тебе.

Больше он не сказал ничего, однако мы никогда особо с ним не откровенничали, и я понял, что в его словах заключается куда более глубокий смысл. В результате я стал проявлять сдержанность в суждениях. Эта привычка позволяла мне открывать в людях любопытнейшие черты характера и вызывать их расположение. В то же время именно из-за нее я не раз становился жертвой занудливых и прилипчивых субъектов. Люди с нестандартным мышлением быстро подмечают в человеке эту особенность и привязываются к ее обладателю. Поэтому в колледже, помимо своей воли оказавшись хранителем сокровенных

тайн весьма сумасбродных и зачастую непредсказуемых людей, я несправедливо прослыл «политиканом». Я вовсе не напрашивался на роль отца-исповедника; заметив, что вот-вот начнутся излияния, я часто делал вид, что хочу спать, что я занят важным делом, или же просто начинал откровенно подтрунивать над собеседником. Причина подобного моего поведения заключалась в том, что потаенные «откровения» молодых людей или, по крайней мере, форма, в которой они преподносятся, всегда грешат неким скрытым плагиатом или явным искажением или утаиванием фактов. Сдержанность в суждениях несет в себе негасимую надежду на лучшее. Я до сих пор боюсь упустить нечто важное, если забуду — как напыщенно выразился мой отец и как я не менее напыщенно повторяю за ним, — что при рождении люди далеко не в равной мере наделяются способностью следовать нравственным устоям.

Похвастав, таким образом, своей терпимостью, я должен признать, что она имеет свои пределы. Поведение человека может основываться на различных мотивах — от твердокаменной непоколебимости до слюнтяйского малодушия, однако в какой-то определенный момент мне

становится все равно, чем человек руководствуется в своих поступках. Когда я минувшей осенью вернулся с Востока, мне казалось, что я хочу видеть окружающий мир одетым в военную форму и стоящим навытяжку. Меня больше не влекли захватывающие путешествия в потаенные уголки людских душ. Исключением был лишь Гэтсби, чьим именем названа эта книга. Гэтсби, воплощавший все, что я откровенно презирал. Он обладал какой-то непостижимой восприимчивостью, обостренной чувствительностью к тому, что сулила ему жизнь, словно был своего рода сложным сейсмографом, регистрирующим землетрясения на десятки тысяч километров. Эта чуткость не имела ничего общего с напускной впечатлительностью, которую принято возвышенно именовать «артистическим складом характера». Это был выдающийся дар следовать надежде, романтический порыв, которого я никогда ни в ком не встречал и вряд ли когда-нибудь встречу. Нет, в самом конце Гэтсби повел себя достойно. Именно то, что довлело над ним, та мерзость и низость, пыльным облаком клубившиеся вокруг него и душившие его мечты, — вот что на время заглушило во мне интерес к мелочным людским печалям и сиюминутным восторгам.

Три поколения моей довольно состоятельной семьи жили в городе на Среднем Западе, где снискали себе определенную известность. Семейство Каррауэев представляет собой нечто вроде клана, и, согласно преданию, мы происходим от герцогов Баклю, однако родоначальником моей линии является брат деда, обосновавшийся здесь в 1851 году. Он нанял человека, который вместо него отправился на Гражданскую войну, а сам основал дело по оптовой торговле скобяными изделиями, которым теперь управляет мой отец.

Я никогда не видел этого своего предка, однако полагают, что я на него похож, судя главным образом по довольно реалистичному портрету, который украшает контору отца. Я окончил Йельский университет в 1915 году, ровно через четверть века после отца. Чуть позже я принимал участие в Первой мировой войне; этим термином принято называть очередное переселение тевтонских племен. Разгром варварских полчищ настолько увлек меня, что по возвращении домой я оказался в некоторой растерянности. Средний Запад, некогда представлявшийся мне уютным центром мироздания, теперь казался задворками Вселенной, поэтому я решил отправиться на Восток и заняться изучением биржевого дела. Все

мои знакомые так или иначе были связаны с биржевыми операциями, и я полагал, что маклерство вполне сможет прокормить еще одного одинокого мужчину. На семейном совете мои дядюшки и тетушки долго обсуждали мое решение, словно речь шла о выборе престижной частной школы. Наконец они с мрачным видом нерешительно изрекли нечто вроде: «Н-ну… да… отчего бы и нет…» Отец согласился в течение года помогать мне материально, и после некоторых проволочек весной 1922 года я отправился на Восток, как мне тогда казалось — навсегда.

Идеальным вариантом было бы найти жилье в городе, но близилось лето, а я только что прибыл из края широких лужаек и тенистых деревьев, так что когда один из моих сослуживцев предложил снять на паях дом в ближайшем пригороде, эта мысль пришлась мне весьма по душе. Он нашел дом — довольно обшарпанное «бунгало» с крытой толем крышей — за восемьдесят долларов в месяц. Однако в самый последний момент фирма откомандировала его в Вашингтон, так что «на лоно природы» я отправился один. Я завел собаку и пробыл ее хозяином всего несколько дней, пока она не сбежала, купил подержанный «додж» и нанял служанку-финку, которая убирала за мной

постель и готовила мне завтрак, орудуя у электрической плиты и бормоча что-то, наверное, весьма мудрое, по-фински себе под нос.

Первые пару дней я чувствовал себя одиноким, пока однажды утром у дороги меня не остановил какой-то человек, появившийся здесь позже меня.

— Вы не подскажете, как попасть в поселок Уэст-Эгг? — растерянно спросил он.

Я объяснил ему, и когда зашагал дальше, от моего одиночества не осталось и следа — я чувствовал себя проводником, следопытом, почти аборигеном. Отныне я ощущал себя полноправным обитателем этого местечка.

Солнце пригревало все сильнее, листва распускалась с фантастической быстротой, словно при ускоренной киносъемке, и я почувствовал знакомую с детства уверенность, что летом жизнь начинается заново.

Надо было так много прочитать и не упустить возможности вдоволь надышаться здешним свежим воздухом. Я купил дюжину руководств по банковскому делу, кредитным операциям и страхованию капиталовложений. Они стояли на книжной полке, сверкая алыми и золотыми корешками, словно только что отчеканенные

монеты, обещая открыть мне заветные тайны, ведомые лишь Мидасу, Моргану и Меценату. Но я не собирался ограничивать свой круг чтения лишь этими фолиантами. Во время учебы в колледже во мне открылся дар литератора — в течение года я написал для университетской газеты серию весьма напыщенных и вместе с тем довольно тривиальных передовиц. Теперь я хотел возобновить свои литературные опыты и вновь сделаться специалистом узкого профиля, так называемым всесторонне образованным человеком. Это не игра слов и даже не парадокс — ведь в конечном итоге на жизнь лучше всего смотреть из одного-единственного окошка. Так она видится шире и полнее.

Волею случая мне выпало снять дом в одном из наиболее примечательных уголков Северной Америки. Он представляет собой вытянутый, покрытый буйной растительностью остров к востоку от Нью-Йорка, где наряду с другими диковинами природы можно увидеть два необычных геологических образования. В тридцати километрах от города два огромных «яйца», два мыса, имеющих совершенно одинаковые очертания и разделенных небольшой бухточкой, выдаются в самый освоенный и оживленный участок океана

в Западном полушарии — в пролив Лонг-Айленд. Оба они — не идеальной овальной формы, поскольку, подобно колумбову яйцу, сплющены в том месте, где стыкуются. Их почти идеальное сходство, должно быть, постоянно сбивает с толку пролетающих над ними чаек. Что же до бескрылых существ, то их глазам предстает куда более удивительное явление — полное несоответствие и разительный контраст во всем, за исключением формы и размера.

Я жил в Уэст-Эгге, в… скажем, менее фешенебельном из двух поселков, хотя этим довольно банальным эпитетом можно лишь поверхностно описать весьма причудливые и даже в какой-то мере жутковатые различия между двумя поселениями. Мой дом располагался у самой оконечности мыса, метрах в пятидесяти от берега. Он каким-то странным образом втиснулся между двумя огромными виллами, сдаваемыми за двенадцать-пятнадцать тысяч долларов за сезон. Стоявший справа особняк поражал своими поистине колоссальными размерами. Он представлял собой копию городской ратуши где-нибудь в Нормандии с неизменной угловой башней, сверкавшей новенькой отделкой сквозь довольно жидкую поросль плюща. К нему при-

легал выложенный мрамором плавательный бассейн. Все это великолепие окружали шестнадцать гектаров лужаек и садов. Это был особняк Гэтсби. Точнее говоря, поскольку я не знал мистера Гэтсби лично, это была вилла, где жил человек с такой фамилией. В подобном соседстве мой дом выглядел словно бельмо на глазу, но был он таким крохотным, что его просто не замечали. Я же мог наслаждаться морским пейзажем, видом на соседскую лужайку и тешить самолюбие своего рода сопричастностью к миру миллионеров. И все это за восемьдесят долларов в месяц.

На другом берегу бухты сверкали над водой ослепительно белые дворцы обитателей более фешенебельного Ист-Эгга. По сути, история того памятного лета начинается летним вечером, когда я отправился на ужин к семейству Бьюкенен. Дейзи приходилась мне троюродной сестрой, с которой мы давно не виделись, а с Томом мы познакомились в колледже. Сразу после войны я пару дней гостил у них в Чикаго.

Муж Дейзи, помимо своих прочих спортивных достижений, считался одним из самых сильных игроков крайней линии, когда-либо выступавших за футбольную команду Йельского университета. Он относился к весьма характерно-

му для Америки типу людей, которые к двадцати с лишним годам достигают таких ослепительных высот, что вся их последующая жизнь имеет привкус некоего разочарования. Его семья владела невообразимыми богатствами, и даже в таком привилегированном университете, как Йельский, его манера швыряться деньгами вызывала антипатию. Теперь он перебрался из Чикаго на Восток с размахом, от которого дух захватывало: например, он перевез из Лейк-Фореста целое стадо пони для игры в поло. У меня в голове не укладывалось, как мой, в общем-то, ровесник может тратить деньги на подобные капризы.

Я не знаю, почему они обосновались на Востоке. Они прожили год во Франции без каких-либо веских на то причин, а затем принялись колесить по миру, ненадолго задерживаясь там, где можно поиграть в поло и побыть в кругу «своих». На сей раз они решили прочно осесть в одном месте, как сказала мне Дейзи по телефону, однако я не очень-то этому поверил. Я, конечно, не мог знать, что действительно у Дейзи на уме, но мне казалось, что Том вечно будет кочевать с места на место, подсознательно тоскуя по острым ощущениям, которые испытываешь, одерживая победу в футбольном матче, который поначалу казался

безнадежно проигранным.

И вот теплым, но ветреным вечером я отправился в Ист-Эгг, чтобы повидать двух старых друзей, которых почти не знал. Их дом выглядел еще более импозантно, чем я ожидал. Это был яркий, красный с белым особняк в георгианском колониальном стиле с видом на залив. Лужайка начиналась у самого берега и простиралась метров на четыреста до парадного входа, перепрыгивая на своем пути через солнечные часы, пешеходные дорожки, посыпанные кирпичной крошкой, и пылающие всеми оттенками радуги цветники. У самого дома она как будто взмывала ввысь по вившимся вдоль стен виноградным лозам, словно они являлись ее продолжением. Фасад украшал ряд французских окон, открытых навстречу теплому ветру и сиявших отраженным золотом предзакатного солнца. А у парадной двери, широко расставив ноги, красовался Том Бьюкенен в костюме для верховой езды.

Он сильно изменился со студенческих времен. Передо мной стоял крепкий тридцатилетний мужчина с соломенного цвета волосами, прямой линией губ и высокомерными манерами. На его лице особо выделялись глаза: их сверкающий дерзкий взгляд придавал ему властности, и ка-

залось, что его обладатель все время угрожающе подается вперед. Даже изящный покрой костюма для верховой езды не мог скрыть его огромную физическую силу. Казалось, что ему жмут в икрах до блеска начищенные сапоги, что шнуровка вот-вот разойдется. Стоило ему слегка повести плечом, как под тонкой материей начинали играть тугие мышцы. Его тело обладало чудовищной силой, вызывавшей подсознательный страх.

Он говорил несколько хрипловатым тенором, что дополняло впечатление, которое он производил — капризного богатея. В его голосе всегда звучала этакая отеческая полупрезрительная снисходительность, даже в дружеских разговорах. А ведь в Йеле были люди, которые ненавидели его до глубины души.

Казалось, он хочет сказать нечто вроде: «Ладно, не считайте мое мнение по этому вопросу истиной в последней инстанции просто оттого, что я сильнее вас и вообще я вам не ровня». На старших курсах мы входили в одно общество, и хотя особо не дружили, у меня создалось впечатление, что он относился ко мне благожелательно и очень хотел по-своему, с присущей ему дерзостью, понравиться мне.

Мы немного поговорили, стоя на залитом солн-

цем крыльце.

— Неплохо у меня тут, — произнес Том, стреляя глазами по сторонам, и плавным движением ладони обвел открывавшийся с крыльца вид.

Моему взору предстали ухоженный ступенчатый сад в итальянском стиле, примерно четверть гектара благоухающих роз и тупоносый катер, покачивавшийся на волнах прибоя.

— В свое время это принадлежало нефтяному магнату Демейну. — Он повернул меня к двери, вежливо, но как-то очень резко. — Идем-ка в дом.

Мы прошли через огромный холл и очутились в одном из внутренних покоев, отделанном в светло-розовых тонах, который, казалось, держался лишь на располагавшихся справа и слева французских окнах. Они были приоткрыты и сияли белизной на фоне сочно-зеленой травы, как будто пытавшейся вползти в дом. По комнате гулял легкий ветерок, играя занавесками, походившими на какие-то бледные флаги, то выдувая их наружу, то втягивая внутрь, то подбрасывая вверх к потолку с лепниной, напоминающему свадебный торт, покрытый глазурью. По темно-вишневому ковру метались тени, словно рябь по водной глади.

Единственным неподвижным предметом в комнате была огромная тахта, на которой, как на привязанном к мачте воздушном шаре, расположились две молодые женщины. Обе они были в белом, и их платья развевались, словно они только что приземлились после недолгого полета по дому. Я, наверное, застыл на несколько мгновений, просто слушая, как вьются и хлопают занавески и тихонько поскрипывает картина на стене. Том Бьюкенен с громким стуком закрыл окна в задней части дома, и тотчас застигнутый врасплох сквозняк стих, занавески опали, тени исчезли с ковра, и в комнате воцарилось спокойствие, а женщины словно плавно переместились с воздушного шара ближе к полу.

Более молодую из них я видел впервые. Она неподвижно лежала на своей половине тахты, вытянувшись во весь рост и слегка приподняв подбородок, словно удерживала там какой-то предмет, который вот-вот должен был упасть. Если она и заметила меня краем глаза, то не подала виду. Я немного растерялся и готов был тут же пробормотать извинения за свое неожиданное вторжение.

Вторая женщина — это и была Дейзи — попыталась встать. Она слегка подалась вперед;

сперва ее лицо выражало некоторое недоумение, а затем она рассмеялась каким-то очаровательно нелепым смехом. Я засмеялся в ответ и шагнул на середину комнаты.

— Меня чуть было не п-парализовало от счастья.

Она снова рассмеялась, словно сказала что-то чрезвычайно остроумное, и на мгновение задержала мою руку в своей. Ее взгляд, казалось, говорил, что она не хочет сейчас видеть вообще никого, кроме меня. Это была одна из присущих ей повадок. Она шепнула мне, что фамилия ее подруги-«эквилибристки» — Бейкер. (Поговаривали, что шепот Дейзи — всего лишь способ заставить собеседника наклониться чуть поближе. Банальная сплетня, правда, ничуть не умалявшая очарования этой ее манеры.)

Как бы то ни было, губы мисс Бейкер шевельнулись, она едва заметно кивнула мне и тотчас же снова запрокинула голову — скорее всего, удерживаемый ею в равновесии предмет сдвинулся, что повергло ее в некоторый испуг. И снова я чуть было не извинился. Практически любое проявление самоуверенности каждый раз ошеломляет и обескураживает меня.

Я перевел взгляд на кузину, которая своим

низким, волнующим голосом принялась расспрашивать меня о моем житье-бытье. Она обладала голосом, который приковывает к себе все внимание собеседника и заставляет прислушиваться к каждому слову, словно это и есть та самая главная музыкальная фраза, которая никогда больше не повторится. На ее грустном и вместе с тем миловидном лице разительно выделялись сверкающие глаза и яркий чувственный рот. Однако в голосе ее присутствовало нечто такое, что неравнодушные к ней мужчины долго не могли забыть: певучее, игривое подчинение своей воле, манящее придыхание слова «послушай-ка», обещание того, что только вот сейчас пережитые радость и безрассудство непременно вернутся.

Я рассказал ей, что по дороге в Нью-Йорк на денек задержался в Чикаго, и передал приветы от десятка наших общих знакомых.

— Так они по мне скучают?! — восторженно воскликнула она.

— Весь город скорбит. У всех машин левое заднее колесо выкрашено в черный цвет в знак траура, а по ночам на набережной озера Мичиган не смолкают рыдания и стоны.

— Какая прелесть! Том, давай вернемся! Завтра же! — выкрикнула она, обращаясь к супругу, и

вдруг совершенно невпопад добавила: — Тебе обязательно надо увидеть нашу малышку.

— Очень бы хотелось на нее посмотреть.

— Сейчас она спит. Ей два годика. Ты ведь никогда ее не видел?

— Да как-то нет…

— Тогда надо обязательно ее тебе показать. Она…

Том Бьюкенен, бесцельно бродивший по комнате, вдруг остановился и положил мне руку на плечо.

— Чем занимаешься, Ник?

— Облигациями и кредитованием.

— У кого?

Я назвал фирму.

— Никогда о них не слышал, — отрезал он.

Меня охватило раздражение.

— Еще услышишь, — отрывисто ответил я, — если надумаешь остаться на Востоке.

— Да уж останусь, не волнуйся, — сказал он, посмотрев на Дейзи и вновь переведя взгляд на меня, словно ждал какого-то подвоха. — Надо быть последним дураком, чтобы уехать отсюда.

— Это точно! — внезапно подала голос мисс Бейкер.

Я немного опешил, поскольку это было первое

слово, произнесенное ею за все время. Очевидно, она удивилась своей короткой реплике не меньше, чем я; зевнув, она в два-три проворных движения встала с тахты и оказалась посреди комнаты.

— Все тело затекло, — недовольно произнесла она, — как будто полжизни пролежала на диване.

— Нечего на меня так смотреть, — парировала Дейзи. — Я весь день стараюсь вытащить тебя в Нью-Йорк.

— Нет, спасибо, — покачала головой мисс Бейкер, когда из буфетной принесли четыре коктейля. — Я поддерживаю спортивную форму.

Хозяин дома смерил ее недоверчивым взглядом.

— Вот уж точно! — Он залпом осушил свой бокал, словно в нем было налито всего несколько капель на донышке. — Только никак в толк не возьму, как у тебя хоть что-то получается.

Я перевел взгляд на мисс Бейкер, пытаясь понять, что же у нее должно получаться. Мне доставляло удовольствие смотреть на нее. Она была стройная, с небольшой грудью, с горделивой прямой осанкой, которая еще больше подчеркивалась ее манерой расправлять плечи, словно

курсант-первогодок. Прищуренные от солнца глаза с вежливым любопытством взирали на меня с миловидного бледного лица, на котором читалось легкое недовольство чем-то. Мне вдруг показалось, что я ее раньше видел — то ли на фотографии, то ли где-то еще.

— Так вы, значит, живете в Уэст-Эгге, — снисходительно заметила она. — Я там кое-кого знаю.

— А я вот ни с кем там не…

— Вы наверняка знакомы с Гэтсби.

— Гэтсби? — удивленно спросила Дейзи. — Какой еще Гэтсби?

Не успел я ответить, что это мой сосед, как объявили, что кушать подано. Крепко ухватив за локоть, Том Бьюкенен буквально вытащил меня из комнаты, словно передвинул с одной клетки на другую шахматную фигуру.

Неторопливо и изящно, слегка придерживая платья на бедрах, женщины прошествовали впереди нас на отделанную в розовых тонах веранду, освещенную лучами закатного солнца, где на накрытом столе присмиревший ветерок играл пламенем четырех свечей.

— А свечи-то зачем? — недовольно нахмурилась Дейзи. Она пальцами погасила их одну за другой. — Через две недели настанет самый дол-

гий день в году, — сказала она, улыбнувшись нам своей лучезарной улыбкой. — Вот вы ждете этого дня, а потом жалеете, что он уже прошел? У меня так каждый год!

— Надо что-то на этот день запланировать, — зевнула мисс Бейкер, усаживаясь за стол с таким усталым видом, словно она ложилась спать.

— Ладно, — согласилась Дейзи. — И какой мы составим план? — Она беспомощно посмотрела на меня. — Что вообще люди назначают на этот день?

Не успел я ответить, как она в ужасе посмотрела на свой мизинец.

— Смотрите! — жалобно вскрикнула она. — Я ушибла палец!

Мы посмотрели: на распухшем суставе красовался синяк.

— Это все ты, Том, — с упреком продолжила она. — Конечно, ты не нарочно, но это все твоя работа. Такова уж моя участь, если я вышла замуж за такого грубияна, за огромного неуклюжего медведя…

— Терпеть не могу, когда меня называют медведем, — раздраженно перебил ее Том. — Даже в шутку.

— Медведь, — назло ему повторила Дейзи. —

Неуклюжий.

Иногда она и мисс Бейкер говорили обе разом, но в их ненавязчивом подтрунивании и пустой болтовне напрочь отсутствовала светская непринужденность. От их женского щебетания веяло холодом, как от их белых платьев и равнодушных глаз, лишенных чувств и желаний. Сидя за столом, они снисходительно принимали наше с Томом присутствие, с деланными улыбками пытаясь развлечь нас или позволяя нам развлечь их. Они знали, что ужин скоро закончится, а чуть позже закончится и вечер, который можно будет с легкостью забыть. На Западе все совсем по-другому: там ты час за часом торопишь вечер, с волнением, надеждой или благоговейным трепетом ожидая его окончания.

— Дейзи, в твоем обществе я чувствую себя совершеннейшим дикарем, — признался я после второго бокала немного отдававшего пробкой, но тем не менее приятного красного вина. — Давай поговорим о более понятных мне материях, например, о видах на урожай.

Я не имел в виду что-то конкретное, но мои слова вызвали в высшей мере неожиданную реакцию.

— Цивилизация рушится буквально на гла-

зах! — раздраженно воскликнул Том. — Я стал пессимистически смотреть на окружающий мир. Ты читал «Рост могущества цветных империй» Годдарда?

— Да как-то не довелось, — ответил я, весьма удивленный его тоном.

— Прекрасная книга, и всем просто необходимо прочесть ее. Главная ее мысль в том, что если мы не будем начеку, то белую расу… ну… полностью сомнут. Там все это доказано с научной точки зрения и с опорой на факты.

— Тома влекут высокие материи, — с легкой грустью произнесла Дейзи. — Он читает умные книги, где много длинных слов. Что за слово мы не могли…

— Это все научные труды, — нетерпеливо перебил ее Том. — Этот парень разложил все по полочкам. Мы, господствующая раса, должны находиться в боевой готовности, иначе другие расы захватят власть над миром.

— Мы должны раздавить их, — прошептала Дейзи, с нарочитой серьезностью подмигнув пылающему предзакатному солнцу.

— Вам бы пожить в Калифорнии… — начала мисс Бейкер, но Том оборвал ее, шумно заворочавшись в кресле:

— Основная мысль в том, что мы — нордическая раса. Я, ты, и ты, и… — чуть замешкавшись, он кивком головы включил Дейзи в число представителей «высшей расы», после чего она снова мне подмигнула. — И мы создали все, из чего состоит цивилизация — ну, науку, искусство и все прочее. Понимаете?

Было что-то жалкое в этом его пафосном монологе, словно ему уже не хватало самодовольства и самолюбования, еще более возросших с течением лет. Когда где-то в доме зазвонил телефон и дворецкий ушел с веранды, Дейзи тотчас же воспользовалась минутной паузой и наклонилась ко мне.

— Я поведаю тебе семейную тайну, — задорно-интригующим тоном прошептала она. — Про нос нашего дворецкого. Хочешь услышать историю про нос дворецкого?

— Именно за этим я нынче и приехал.

— Так вот, дворецким он был не всегда. В свое время он служил в каком-то доме в Нью-Йорке, где, так сказать, «обслуживал» набор столового серебра на двести персон. Он его день-деньской чистил и натирал, пока у него не началось что-то с носом…

— Ему становилось все хуже и хуже, — встави-

ла мисс Бейкер.

— Вот-вот, все хуже и хуже, и в конце концов ему пришлось уволиться.

На мгновение закатное солнце нежно осветило ее сияющее лицо. Я прислушивался к ее голосу, подавшись вперед и затаив дыхание. Спустя миг сияние померкло, с какой-то неохотой и сожалением исчезнув с ее лица, — так ребенок с наступлением сумерек, бросая увлекательную игру, нехотя идет домой.

Вернулся дворецкий и прошептал что-то на ухо Тому, после чего тот нахмурился, резко отодвинул кресло и, не сказав ни слова, пошел в дом. С его уходом внутри Дейзи словно сработал какой-то загадочный ускоритель, и она снова наклонилась ко мне и проворковала своим певучим голосом:

— Ник, как же я рада видеть тебя за своим столом. Ты напоминаешь мне… да, розу, совершеннейшую розу. Ведь так? — Она повернулась к мисс Бейкер, ища подтверждения своим словам. — Он настоящая роза.

Это был чистейшей воды вздор. На розу я ну никак не похож. Ее слова представляли собой некий странный экспромт, но от нее исходило какое-то волнующее тепло, словно ее душа старалась вырваться наружу под прикрытием этих невпопад

сказанных слов. Затем она вдруг швырнула салфетку на стол, извинилась и скрылась в доме.

Мы с мисс Бейкер обменялись ничего не значащими взглядами. Я намеревался заговорить с ней, когда она вдруг настороженно встрепенулась и резко шикнула на меня. Из-за стены глухо доносился чей-то возбужденный голос, и мисс Бейкер, отбросив приличия, подалась вперед, стараясь разобрать слова. Голос взлетел, сделавшись почти внятным, потом приутих, затем раздраженно рванулся ввысь и наконец умолк.

— Мистер Гэтсби, которого вы упомянули, — это мой сосед… — начал было я.

— Помолчите. Я хочу знать, что там происходит.

— А разве там что-то происходит? — наивно спросил я.

— Так вы хотите сказать, что ничего не знаете? — с неподдельным удивлением произнесла мисс Бейкер. — А мне казалось, что все всё знают.

— А что именно?

— Ну… — нерешительно начала она. — У Тома в Нью-Йорке есть какая-то женщина.

— Какая-то женщина? — беспомощно повторил я.

Мисс Бейкер кивнула.

— Могла бы поиметь совесть и не звонить ему во время ужина. Ведь так?

Едва до меня начал доходить смысл ее слов, как послышались шелест платья и скрип кожаных ботинок — это Том и Дейзи вернулись к столу.

— Дело чрезвычайной важности! — воскликнула Дейзи с напускной веселостью.

Она села, пристально посмотрела на мисс Бейкер, затем перевела взгляд на меня и продолжила:

— Я на минутку выглянула на лужайку — там все так романтично. Где-то совсем рядом поет птица; по-моему, это соловей, прибывший к нам трансатлантическим рейсом. А как заливается… — Она сама едва не пела. — Это так романтично, верно ведь, Том?

— Очень романтично, — буркнул тот и повернулся ко мне в надежде загладить какую-то неловкость, переменив тему: — Если не совсем стемнеет, то после ужина я хочу показать тебе конюшню.

В доме снова зазвонил телефон, и, после того как Дейзи с укоризной покачала головой в сторону Тома, начавшийся было разговор о конюшне, да и вообще все разговоры разом смолкли. Из

сумбурных последних пяти минут, что я провел за столом, мне запомнилось лишь то, что зачем-то опять зажгли свечи, а меня охватило желание пристально смотреть на всех, но при этом ни с кем не встречаться взглядом. Я понятия не имел, о чем думают Дейзи и Том, однако почти не сомневался, что даже мисс Бейкер с ее непробиваемым скепсисом не могла полностью игнорировать назойливую навязчивость некоего пятого гостя. Возможно, кому-то эта ситуация могла показаться интригующей и в некотором роде пикантной, однако мне хотелось немедленно вызвать полицию.

О лошадях, само собой разумеется, и думать забыли. В сгущавшихся сумерках Том и мисс Бейкер неторопливо направились в библиотеку, словно им предстояло бдение у гроба усопшего, в то время как я, разыгрывая светскую заинтересованность и притворившись немного глухим, прошел вместе с Дейзи через несколько соединенных галереей веранд до центральной террасы. Уже почти стемнело, когда мы расположились на стоявшем там плетеном диванчике.

Дейзи аккуратно приложила ладони к щекам и подбородку, словно желая удостовериться в дивной форме своего лица, а ее взгляд был устремлен

в бархатистые сумерки. Я видел, что внутри ее бушует ураган эмоций, и постарался успокоить расспросами о дочурке.

— Мы так мало знаем друг о друге, Ник, — вдруг сказала она. — А ведь мы родственники. Ты и на свадьбу ко мне не приехал.

— Я тогда еще не вернулся с войны.

— Да, действительно. — Она немного помолчала. — Знаешь, Ник, мне всякое пришлось пережить, и теперь я смотрю на мир довольно цинично.

Очевидно, у нее для этого были все основания. Я терпеливо ждал, но она больше ничего не говорила, так что я довольно неловко вернулся к разговору о ее малышке.

— Она, наверное, уже говорит… кушает… ну, и все такое…

— Да-да! — Она рассеянно посмотрела на меня. — Слушай, Ник, а давай-ка я тебе расскажу, что я сказала, когда она родилась. Хочешь узнать эту историю?

— Очень.

— Тогда ты поймешь, почему я стала так относиться… ко всему. После родов прошло чуть меньше часа, а Том был неизвестно где. Я проснулась после наркоза с таким чувством, что меня все

бросили, и сразу же спросила акушерку: мальчик или девочка. Она ответила, что девочка, и я тут же отвернулась и расплакалась. «Вот и хорошо, — сказала я. — Я рада, что девочка. Очень надеюсь, что она вырастет дурочкой. Ведь в нашем мире самое лучшее для девочки — быть хорошенькой дурочкой». Знаешь, я склоняюсь к мысли, что все вокруг просто ужасно, — убежденным тоном продолжала она. — И так думают все, и передовые люди тоже. А я это твердо знаю. Я много где побывала и много чего повидала. — Она дерзко сверкнула глазами, почти как Том, и рассмеялась язвительным смехом. — Я умудренная опытом! Боже, в моем-то возрасте — и уже умудренная опытом!

Но как только смолк ее голос, понуждавший меня внимать и верить, я тут же почувствовал неискренность в ее словах. Мне стало неловко, словно весь вечер затевался лишь для того, чтобы я проникся к ней состраданием. Я чего-то ждал, и действительно, через мгновение она смотрела на меня с самодовольной улыбкой на своем дивном лице, словно доказала свою принадлежность к некоему тайному обществу, где они состояли вместе с Томом.

Библиотека пылала багряным светом. Том и

мисс Бейкер сидели по разные концы длинного дивана, и она вслух читала ему что-то из «Сатердей ивнинг пост». Ее слова, произносимые тихим и монотонным голосом, сливались в некую ровную мелодию, напоминавшую колыбельную. Свет лампы отбрасывал яркие блики на ботинки Тома, тускло мерцал в ее волосах цвета осенней листвы, вспыхивал на страницах, которые она переворачивала легкими движениями своих изящных, но сильных пальцев.

Когда мы вошли, она остановила нас легким взмахом руки.

— Продолжение следует, — закончила она, бросив журнал на стол. — Вы прочитаете его в нашем следующем номере.

Нетерпеливо дернув коленом, она одним стремительным движением встала с дивана.

— Десять часов, — заметила она, очевидно, обнаружив на потолке никому не видимые часы. — Примерной девочке пора спать.

— Джордан завтра предстоит выступать на соревнованиях в Уэстчестере, — пояснила Дейзи.

— О, так вы та самая Джордан Бейкер!

Теперь я понял, почему она показалась мне знакомой: ее миловидное лицо с несколько надменной улыбкой смотрело на меня с множества

фотографий, сопровождавших спортивные репортажи из Ашвилла, Хот-Спрингс и Палм-Бич. Я даже слышал о ней какую-то грязную историю, очень напоминавшую сплетню, но давно забыл, о чем там шла речь.

— Спокойной ночи, — тихо произнесла она. — Разбуди меня в восемь, ладно?

— Если ты сможешь встать.

— Смогу. Спокойной ночи, мистер Каррауэй. Еще увидимся.

— Конечно же, увидитесь, — подтвердила Дейзи. — У меня даже есть задумка вас поженить. Приезжай к нам почаще, Ник, и я… вроде как… постараюсь вас свести. Ну… как бы случайно запру вас в бельевой или вытолкну в лодке в открытое море… что-то в этом роде…

— Спокойной ночи, — отозвалась мисс Бейкер уже с лестницы. — Я не слышала ни единого слова.

— Она славная девушка, — чуть позже сказал Том. — Только вот зря они позволяют ей колесить по всей стране.

— Кто это «они»? — холодно поинтересовалась Дейзи.

— Ее семья.

— Вся ее семья — это тетка, которой бог весть

сколько лет. К тому же Ник станет за ней присматривать, ведь так, Ник? Этим летом она будет часто приезжать сюда на выходные. Думаю, семейная атмосфера пойдет ей на пользу.

Какое-то время Том и Дейзи молча смотрели друг на друга.

— А она из Нью-Йорка? — быстро спросил я.

— Из Луисвилла. Мы там вместе провели детство. Наше счастливое детство…

— Так вы, значит, на веранде говорили с Ником по душам? — внезапно спросил Том.

Дейзи удивленно посмотрела на меня.

— Я что-то не припомню, но, по-моему, разговор шел о нордической расе. Да-да, точно. Эта тема возникла как-то сама собой, ну и дальше…

— Не верь всему, что слышишь, Ник, — посоветовал он мне.

Я непринужденно ответил, что ничего такого не слышал, и через несколько минут стал собираться домой. Они проводили меня до парадного входа и стояли рядом на фоне яркого светлого квадрата. Я завел мотор, и тут Дейзи громко крикнула:

— Подожди! Я совсем забыла спросить тебя об одной важной вещи. Мы слышали, что ты помолвлен с какой-то девушкой на Западе.

— Верно-верно, — добродушно подхватил Том. — Мы наслышаны о твоей помолвке.

— Ерунда. Я слишком беден для этого.

— А мы вот слышали, — настаивала Дейзи, и я удивился, что с этими словами она вновь раскрылась, словно распустившийся цветок. — Причем от трех разных людей. Значит, это правда.

Разумеется, я знал, кого они имеют в виду, но о помолвке даже речь не заходила. Росшие словно на дрожжах слухи стали одной из причин, почему я отправился на Восток. Нельзя расстаться со старой «симпатией» из-за неких досужих пересудов, однако, с другой стороны, мне совсем не хотелось, чтобы эти пересуды заставили меня идти под венец.

Их неравнодушие к моей судьбе весьма тронуло меня и чуть уменьшило размеры разделявшей нас финансовой пропасти. И все же по дороге меня не отпускало смущение и какое-то раздражение. Мне казалось, что лучший выход для Дейзи — это схватить ребенка и бежать прочь из этого дома, однако у нее, очевидно, и в мыслях такого не было. Ну а если говорить о Томе, то новость о «какой-то женщине в Нью-Йорке» удивила меня куда меньше, чем его интерес к некой книге, которая вывела его из равновесия. Что-то

заставляло его углубляться в дебри тривиальных идей, словно укоренившееся самолюбование своей силой перестало удовлетворять его властную натуру.

Лето уже полностью вступило в свои права и за день успело сильно разогреть крыши придорожных закусочных и гаражей, перед которыми в свете фонарей красовались новенькие красные бензоколонки. Доехав до своего дома в Уэст-Эгге, я загнал машину под навес и ненадолго присел на оставленную кем-то в саду газонокосилку. Ветер стих, заискрилась ночь, наполненная хлопаньем невидимых крыльев в густой листве и непрерывным «кончерто» лягушек, как будто их неустанно подкачивали мощные мехи матери-земли. В лунном свете промелькнул силуэт бегущей кошки, и, повернув голову ей вслед, я заметил, что я не один. Метрах в пятнадцати от меня из густой тени стоявшего по соседству особняка вышел мужчина и остановился, засунув руки в карманы и любуясь серебристой россыпью звезд. Его непринужденные движения и уверенность, с которой он, широко расставив ноги, стоял на лужайке, навели меня на мысль, что это и есть мистер Гэтсби, вышедший определить, какая часть здешнего небосклона принадлежит ему.

Я решил окликнуть его. Мисс Бейкер упомянула о нем за ужином, и мне бы этого вполне хватило, чтобы отрекомендоваться ему. Однако я передумал, почувствовав вдруг его явное желание побыть наедине с собой. Каким-то странным жестом он протянул руки к темной воде, и, даже находясь не очень близко, я мог поклясться, что его пробивает крупная дрожь. Я невольно взглянул в сторону моря, но не увидел ничего, кроме мерцавшего вдали одинокого зеленого огонька, должно быть, сигнального фонаря на краю причала. Когда я вновь посмотрел в сторону Гэтсби, тот уже исчез, и я опять остался один в беспокойном мраке ночи.

Глава 2

Примерно на полпути между Уэст-Эггом и Нью-Йорком шоссе торопливо устремляется навстречу железной дороге и бежит рядом с ней где-то с полкилометра, словно пытаясь обойти стороной унылый и бесплодный участок земли. Это долина шлака — некая фантастическая ферма, где шлак растет, словно пшеница, образуя хребты, холмы и уродливые сады. Там шлак принимает форму домов с трубами, откуда поднимаются столбы дыма, и какие-то странные человечки снуют в насыщенном ядовитыми испарениями воздухе. Время от времени по невидимым рельсам приползает вереница вагонеток и с жутким скрежетом останавливается. В тот же миг их со всех сторон облепляют пепельно-серые люди с тяжелыми лопатами и поднимают плотную тучу пыли, скрывающую от ваших глаз их непонятные действия.

Однако через некоторое время над безжизненной серой землей с непрестанно витающими над ней облачками пыли вашему взору предстают глаза доктора Т. Дж. Эклберга. Они голубые

и гигантские — с радужной оболочкой в метр диаметром. Они смотрят на вас не с лица, а из-за пары огромных желтых очков, сидящих на несуществующей переносице. Очевидно, какой-то окулист, любитель пошутить, желая расширить свою практику до Куинса, решил поставить здесь рекламный плакат, а потом или сам погрузился в вечную слепоту, или просто забыл о нем и уехал. Но глаза, выцветшие под солнцем и дождем, продолжают взирать на мрачную свалку.

С одной стороны долина шлака упирается в мелкую грязную речушку, и когда поднимали мост, чтобы пропустить баржи, пассажирам вставших в ожидании поездов иногда целых полчаса приходилось наблюдать этот убогий пейзаж. Поезда всегда останавливались там, по крайней мере на минуту, и именно благодаря этому обстоятельству я познакомился с любовницей Тома Бьюкенена.

О том, что у него есть пассия, говорили все и всюду, где его знали. Его знакомых раздражала привычка Тома появляться с ней в дорогих ресторанах и, оставив ее за столиком, бродить по залу, болтая со всеми встреченными приятелями. Хотя мне и было интересно посмотреть на нее, особым желанием познакомиться я не горел. Но все-таки

пришлось. Как-то днем мы с Томом ехали на поезде в Нью-Йорк, и, когда остановились у шлаковых пирамид, он вдруг вскочил с места, схватил меня за локоть и буквально выволок из вагона.

— Давай сойдем здесь, — сказал он тоном, не терпящим возражений. — Хочу познакомить тебя с моей подружкой.

Я подумал, что он выпил лишнего за обедом и решил во что бы то ни стало провести день в моем обществе. Со свойственным ему высокомерием он решил, что воскресным днем мне больше нечем заняться.

Вслед за ним я перелез через низкий беленый забор, служивший железнодорожным ограждением, и мы прошли назад метров сто под недреманным взором доктора Эклберга. На глаза нам попались три строения, представлявшие собой коробки из желтого кирпича, притулившиеся на краю свалки. К ним вела крохотная «главная улица» без каких-либо ответвлений или пересечений. Одно из строений сдавалось внаем, во втором была круглосуточная закусочная, к которой вела пыльная тропинка. Третья постройка оказалась гаражом с вывеской «Ремонт. Джордж Б. Уилсон. Покупка и продажа автомобилей». Мы с Томом зашли внутрь.

В гараже, среди голых стен, царили грязь и запустение. В темном углу приютились покрытые пылью останки «форда». Я вдруг подумал, что этот призрачный гараж — всего лишь декорация, а где-то над ним скрываются потайные романтические апартаменты; мои раздумья прервало появление владельца заведения, вышедшего из двери крохотной конторки и вытиравшего руки какой-то тряпкой. Это был анемичный блондин, несколько флегматичный, с не лишенным привлекательности лицом. При виде нас в его светло-голубых глазах вспыхнула робкая надежда.

— Уилсон! Привет, дружище! — воскликнул Том, весело хлопнув его по плечу. — Как дела?

— Грех жаловаться, — несколько неуверенно ответил Уилсон. — Когда же вы продадите мне машину?

— На следующей неделе. Мой человек как раз этим занимается.

— Что-то долго он занимается, а?

— Ничего не долго, — холодно отрезал Том. — А если вас это не устраивает, я, наверное, продам ее где-нибудь еще.

— Я вовсе не это хотел сказать, — начал торопливо объяснять Уилсон. — Я просто хотел…

Он умолк, а Том обвел гараж нетерпеливым взглядом. Потом я услышал шаги на лестнице, и через мгновение в дверном проеме появилась крепко сбитая женская фигура, заслонив свет, шедший из конторки. Она была лет тридцати пяти, чуть полноватая, но двигалась с особой чувственной грацией, свойственной немногим полным женщинам. Ее лицо, выделявшееся на фоне синего в горошек крепдешинового платья, не отличалось ни красотой, ни правильностью черт, но вся она лучилась такой энергией, словно постоянно пылала внутри. Женщина лениво улыбнулась и прошла мимо мужа, словно это был призрак, после чего поздоровалась с Томом за руку, глядя ему прямо в глаза. Облизнув губы, она, не оборачиваясь, бросила мужу тихим, хрипловатым голосом:

— Хоть стулья принеси, видишь, людям сесть негде.

— Конечно, конечно, — засуетился Уилсон и поспешил в конторку, мгновенно растворившись на фоне бетонной стены. Светло-серая пыль въелась в его некогда темный костюм и светлые волосы так же, как она въелась во все вокруг — кроме его жены, шагнувшей к Тому.

— Хочу тебя увидеть… подольше, — тихо, но

твердо прошептал Том. — Поезжай следующим поездом.

— Договорились.

— Встречаемся внизу у газетного киоска.

Она кивнула и отпрянула от него как раз в тот момент, когда в дверях конторки показался Уилсон с двумя стульями в руках.

Мы отошли подальше по дороге, чтобы никому не попасться на глаза, и стали ждать ее. До праздника Дня независимости 4 июля оставалось несколько дней, и серый от пыли худенький парнишка-итальянец ставил сигнальные петарды вдоль железнодорожного полотна.

— Ужасное место, а? — сказал Том, нахмурившись в ответ на взгляд доктора Эклберга.

— Жуткое.

— Так что ей на пользу иногда сматываться отсюда.

— А муж что — не возражает?

— Уилсон? Он думает, что она ездит в Нью-Йорк проведать сестру. Он такой тупой, что сам не знает — жив он или мертв.

Вот таким образом Том Бьюкенен, его подружка и я вместе отправились в Нью-Йорк — точнее, не совсем вместе, поскольку миссис Уилсон из соображений предосторожности села в другой вагон.

Том пошел на это, щадя щепетильность жителей Ист-Эгга, которые могли ехать тем же поездом.

Когда в Нью-Йорке Том помогал ей сойти на платформу, я заметил, что она переоделась в платье из коричневого узорчатого муслина, туго обтягивающее широкие бедра. В газетном киоске она купила выпуск «Таун тэттл» и киножурнал, а в привокзальной аптеке — кольдкрем и маленький флакончик духов. Наверху, среди глухого рева машин, она пропустила четыре такси, прежде чем выбрала совершенно новый автомобиль светло-сиреневого цвета с серыми сиденьями, после чего мы выехали из исполинской громады вокзала навстречу яркому солнцу. Вдруг она резко отвернулась от окна и подалась вперед, стуча в окошко, отделявшее нас от водителя.

— Хочу собачку, — заявила она. — Чтобы жила дома. Это так мило — иметь собаку.

Мы сдали назад и подъехали к седому старику, до абсурда похожему на миллиардера Джона Рокфеллера. В висевшей у него на шее корзине копошилось с десяток щенков неопределенной породы.

— А какие у вас собаки? — нетерпеливо спросила миссис Уилсон, когда он подошел к машине.

— Всякие разные. А какая вам нужна, дамочка?

— Ну, я хотела бы какую-нибудь сыскную собаку. У вас, наверное, нет таких?

Старик задумчиво посмотрел в корзину, засунул туда руку и вытащил за шкирку извивавшегося щенка.

— Это не сыскная собака, — заметил Том.

— Ну, это не совсем сыскная собака, — смущенно ответил старик. — Она больше похожа на эрдельтерьера. — Он провел рукой по коричневой бархатистой спинке. — Посмотрите на шерсть. Вот это шерсть. Такая собака у вас никогда не простудится.

— Какая миленькая! — восторженно воскликнула миссис Уилсон. — Сколько?

— За эту собаку? — Он горделиво посмотрел на щенка. — Она обойдется вам в десять долларов.

Эрдельтерьер — безусловно, что-то от эрдельтерьера в щенке присутствовало, хотя у него оказались на удивление белые лапы — перекочевал из корзины в такси и устроился на коленях миссис Уилсон, которая с восторгом принялась гладить его по всепогодной шерстке.

— А это мальчик или девочка? — деликатно спросила она.

— Эта собака? Этот пес — мальчик.

— Сука она, — отрезал Том. — Вот ваши деньги.

Пойдите и купите на них еще десять собак.

Мы доехали до Пятой авеню, теплой и уютной, почти пасторальной в летний воскресный день, и я бы не удивился, увидев, как из-за поворота появляется огромное стадо овец.

— Остановите где-нибудь, — сказал я. — Мне придется вас здесь покинуть.

— Ни в коем случае! — моментально возразил Том. — Миртл очень обидится, если ты не посетишь ее квартиру. Верно, Миртл?

— Поедемте, — принялась уговаривать она. — Я позвоню своей сестре Кэтрин. Знающие люди говорят, что она просто красотка.

— Ну, я бы с удовольствием, однако…

Мы поехали дальше, срезали угол, миновали Центральный парк и оказались в западной части Сотых улиц. На Сто пятьдесят восьмой улице такси остановилось у довольно протяженного квартала многоквартирных домов, напоминающего кусок сливочного торта. Окинув окрестности взглядом августейшей особы, вернувшейся в свои владения, миссис Уилсон подхватила щенка и остальные покупки и величественно вошла в одно из зданий.

— Хочу пригласить Макки, пусть зайдут в гости, — щебетала она, когда мы поднимались в

лифте. — И, конечно, мне надо позвонить сестре.

Квартира располагалась на верхнем этаже — маленькая гостиная, небольшая столовая, крохотная спальня и ванная. Гостиная была буквально забита громоздкой мебелью с гобеленовой обивкой, так что постоянно приходилось натыкаться на изображения манерных дам, раскачивавшихся на качелях в садах Версаля. Единственная висевшая на стене картина представляла собой увеличенную фотографию какой-то курицы, сидевшей на скале, выписанной резкими размытыми мазками. Однако при взгляде издалека курица превращалась в дамскую шляпку, из-под которой находившимся в комнате улыбалась дородная старушка. На столе лежали старые номера «Таун тэттл» и книжка под названием «Симон по прозвищу Петр», а также какие-то бродвейские журналы-«сплетники». Первым делом миссис Уилсон озаботилась щенком. Мальчик-лифтер с недовольной миной на лице отправился за коробкой, соломой и молоком, к которым он по собственной инициативе добавил банку сухого корма для собак. Один из кусочков весь остаток дня уныло размокал в блюдце с молоком. Тем временем Том достал из запертого ящика комода бутылку виски.

Я напивался до полубессознательного состояния лишь дважды и в тот день отметился во второй раз, так что все происходящее я воспринимал сквозь какой-то волнистый туман, хотя до восьми вечера во всей квартире царило яркое солнце. Сидя на коленях у Тома, миссис Уилсон названивала каким-то людям; потом кончились сигареты, и я поплелся за ними в аптеку на углу. Когда я вернулся, Том с подружкой куда-то исчезли. Я тактично расположился в гостиной и прочитал главу из «Симона по прозвищу Петр», но так ничего и не понял — то ли книжка оказалась дрянной, то ли выпивка слишком крепкой.

Не успели вернуться Том и Миртл (после первой рюмки мы с миссис Уилсон перешли на «ты»), как начала собираться компания.

Сестра Миртл, Кэтрин, оказалась стройной разбитной дамочкой лет тридцати со стриженными под мальчика рыжими волосами и напудренным до молочной белизны лицом. Брови у нее были начисто выщипаны, а затем заново нарисованы лихим полукругом, но стремление природы вернуться к истокам придавало ее облику некую незавершенность. Любое ее движение сопровождалось постукиванием и позвякиванием бесчисленных керамических браслетов,

болтавшихся на ее руках. Она вошла быстрым, уверенным шагом и с таким хозяйским видом оглядела мебель, что я было решил, что она здесь живет. Но когда я спросил ее об этом, она громко расхохоталась, вслух повторила мой вопрос и ответила, что они с подружкой снимают номер в гостинице.

Мистер Макки, живший этажом ниже, оказался бледным женоподобным субъектом. Он только что побрился — у него на щеке красовался клочок пены — и с преувеличенной учтивостью поздоровался со всеми присутствующими. Он поведал мне, что вращается в «артистических кругах». Чуть позже я догадался, что он фотограф и что именно он увеличил фото матушки миссис Уилсон, призрачно паривше в воздухе на стене гостиной. Его жена была симпатичной, горластой, неинтересной и законченной стервой. Она с гордостью объявила мне, что со дня свадьбы муж фотографировал ее сто двадцать семь раз.

Миссис Уилсон успела в очередной раз переодеться — теперь она красовалась в изящном платье из кремового шифона, шелестевшем всякий раз, когда она передвигалась по комнате. Очевидно, перемена платья вызвала перемену в ней самой. Та кипучая энергия, которую она

излучала в гараже, превратилась в бьющее через край высокомерие. Ее смех, жесты, фразы с каждой минутой становились все более манерными. И чем заносчивее она становилась, тем меньше делалась комната, пока, как мне показалось, она не принялась крутиться в облаках табачного дыма на какой-то скрипучей жердочке.

— Дорогуша, — визгливо говорила она сестре, — все эти людишки только и думают, чтобы тебя одурачить. Им только деньги подавай. Неделю назад ко мне приходила одна женщина делать педикюр — так она мне такой счет предъявила, как будто аппендицит вырезала.

— А как зовут эту женщину? — спросила миссис Макки.

— Миссис Эбергардт. Она делает педикюр на дому у клиенток.

— Мне очень нравится ваше платье, — заметила миссис Макки. — Просто потрясающее.

Миссис Уилсон отвергла комплимент, надменно подняв бровь.

— Но это же такое старье, — прощебетала она. — Я изредка надеваю его, когда мне все равно, как я выгляжу.

— Но выглядите вы в нем прекрасно, уж верьте слову, — настаивала миссис Макки. — Если бы

Честеру удалось заснять вас в этой позе, думаю, у него могло бы получиться нечто стоящее.

Мы все молча посмотрели на миссис Уилсон, которая откинула с глаз прядку волос и одарила нас лучезарной улыбкой. Мистер Макки пристально смотрел на нее, склонив голову набок, затем протянул вперед руку и стал двигать ладонью, то приближая ее к своему лицу, то снова отдаляя.

— Надо бы изменить освещение, — задумчиво произнес он. — Хотелось бы акцентировать черты лица. И нужно постараться втиснуть в кадр шикарную прическу.

— А я бы не меняла освещение! — воскликнула миссис Макки. — По-моему, все и так…

Муж шикнул на нее, и мы снова воззрились на объект съемки, в то время как Том Бьюкенен громко зевнул и поднялся.

— Супругам-творцам надо что-нибудь выпить, — сказал он. — Миртл, принеси-ка еще льда и минеральной воды, пока мы все тут не уснули.

— Я уже послала мальчишку за льдом. — Миртл скорбно подняла брови, словно негодуя по поводу нерасторопности низшего сословия. — Вот ведь людишки! За ними нужен глаз да глаз!

Она посмотрела на меня и рассмеялась безо

всякой причины. Потом стремительно схватила щенка, восторженно расцеловала его и удалилась на кухню с таким видом, словно десяток поваров ждали там ее указаний.

— На Лонг-Айленде я сделал несколько милых вещиц, — самодовольно произнес Макки.

Том уставился на него с непонимающим видом.

— Две из них висят у нас дома в рамках.

— Две чего? — опешил Том.

— Два этюда. Один я назвал «Монток-Пойнт. Чайки», а второй — «Монток-Пойнт. Море».

Кэтрин уселась рядом со мной на диван.

— А вы тоже живете на Лонг-Айленде? — спросила она.

— Я живу в Уэст-Эгге.

— Правда? Месяц назад я была там на одной вечеринке. У какого-то Гэтсби. Вы его знаете?

— Я живу по соседству с ним.

— Так вот, говорят, что он вроде племянник или двоюродный брат кайзера Вильгельма. Вот откуда у него такие деньжищи.

— Правда?

Она кивнула.

— Я боюсь его. А вдруг он станет меня шантажировать?

Этот поток ценнейшей информации о моем соседе был прерван репликой миссис Макки, которая вперила указательный палец в Кэтрин.

— Честер, мне кажется, с ней тоже стоит поработать, — заявила она, но мистер Макки лишь рассеянно кивнул и повернулся к Тому.

— Я бы еще поработал на Лонг-Айленде — мне бы только туда пробраться. Мне нужно лишь начать, а дальше я сам пробьюсь.

— А вы Миртл попросите, — коротко хохотнул Том, в то время как в комнату вошла миссис Уилсон с подносом в руках. — Она даст вам рекомендательное письмо, верно, Миртл?

— Даст что? — не поняла она.

— Ты дашь Макки рекомендательное письмо к своему мужу, чтобы он сделал с него несколько этюдов. — Том пошевелил губами в поисках названия. — «Джордж Б. Уилсон у бензонасоса» или что-то в этом роде.

Кэтрин придвинулась ближе и прошептала мне на ухо:

— Она терпеть не может своего мужа, а он — свою жену.

— Неужели?

— Просто на дух не переносят. — Она взглянула сначала на Миртл, а потом на Тома. — Я что хочу

сказать: зачем с кем-то жить, если его терпеть не можешь? На их месте я бы развелась, и они тут же бы поженились.

— Выходит, Уилсон ей не по душе?

Ответ прозвучал совершенно неожиданно — из уст самой Миртл, краем уха услышавшей вопрос: громогласно и непечатно.

— Вот видите! — восторженно вскричала Кэтрин. Она снова понизила голос: — Вся загвоздка в его жене. Она католичка, а они не признают развода.

Дейзи никогда не была католичкой, и меня поразила изощренность, с которой состряпали эту ложь.

— Когда же они все-таки поженятся, — продолжала Кэтрин, — то уедут на Запад и поживут там, пока не уляжется шум.

— Было бы осмотрительнее уехать в Европу.

— А, так вам нравится Европа? — удивленно воскликнула она. — Я только что вернулась из Монте-Карло.

— Неужели?

— Ну, в прошлом году. Ездила туда с подругой.

— Надолго?

— Нет, мы только до Монте-Карло и сразу обратно. Через Марсель. Было у нас тысяча двести

долларов, но за пару дней в тамошних казино нас обчистили до нитки. Как домой вернулись — просто ужас, верьте слову. Боже, как же я ненавижу этот город!

На какое-то мгновение предзакатное небо в окошке подернулось ласковой средиземноморской лазурью — но тут визгливый голосок миссис Макки вернул меня к реальности.

— Я тоже чуть не совершила роковую ошибку, — с вызовом объявила она. — Я едва не вышла замуж за одного плюгавого еврейчика, который несколько лет ухлестывал за мной. Я знала, что он мне не пара. И все вокруг говорили мне: «Люсиль, он во всех смыслах ниже тебя!» Но если бы я не встретила Честера, он бы меня заполучил.

— Да-да, однако, послушайте, — произнесла Миртл Уилсон, качая головой. — Вы ведь все-таки не вышли за него.

— Верно, не вышла.

— А я вот вышла за такого, — с какой-то двусмысленностью ответила Миртл. — В этом и разница между вами и мной.

— А зачем ты за него вышла-то? — спросила Кэтрин. — Тебя ведь никто не заставлял.

Миртл задумалась.

— Вышла потому, что думала, он джентль-

мен, — наконец сказала она. — Мне казалось, что он человек воспитанный, а он и мизинца моего не стоит.

— Одно время ты просто с ума по нему сходила, — заметила Кэтрин.

— С ума сходила?! — с негодованием вскричала Миртл. — Это кто тебе такое сказал? Я сходила по нему с ума не больше, чем… вон по нему.

Она вдруг ткнула пальцем в мою сторону, и все осуждающе уставились на меня. Я всем своим видом пытался показать, что не имею к ее прошлому никакого отношения.

— Я и вправду сошла с ума после того, как вышла за него. Я сразу поняла, что совершила ошибку. Он взял у кого-то прекрасный костюм, чтобы покрасоваться в нем на свадьбе, а мне и словом об этом не обмолвился. Так вот, владелец костюма как-то заявился к нам, когда Джорджа не было дома, и потребовал его назад.

Она обвела глазами комнату и убедилась, что все внимательно слушают.

— «А, так это ваш костюм? — удивилась я. — Впервые в жизни об этом слышу». Но костюм я все-таки отдала, а потом рухнула на кровать и проревела целый день.

— Ей и вправду надо уйти от него, — подвела

итог Кэтрин, глядя на меня. — Они уже одиннадцать лет живут в этой каморке над гаражом. А Том у нее — первый настоящий кавалер.

Появилась бутылка виски — уже вторая, — и к ней сразу потянулись все присутствующие, кроме Кэтрин, которая «и так веселилась от души». Том позвонил привратнику и послал его за какими-то удивительными сандвичами, которые якобы заменяли целый ужин. Мне захотелось выйти на улицу и прогуляться в ласковых сумерках в сторону Центрального парка, но всякий раз, когда я порывался уйти, я втягивался в какую-то жуткую, визгливую перепалку, в результате которой снова оказывался в своем кресле, словно привязанный к нему канатами. Я вдруг подумал, что досужий наблюдатель, глядящий на погружавшиеся в темноту улицы поверх крыш, мог бы увидеть множество человеческих тайн за нашими окнами, желтевшими среди мириад подобных им квадратов и прямоугольников. Я сам был таким наблюдателем, смотревшим и не устававшим удивляться. Я одновременно находился внутри и снаружи, очарованный и в то же время повергнутый в ужас бесконечным разнообразием проявлений бытия.

Миртл вдруг придвинула свое кресло вплот-

ную к моему и жарким шепотом поведала мне историю о том, как она познакомилась с Томом.

— Мы оказались с ним в одном поезде и сидели друг напротив друга на боковых местах у тамбура, которые занимают в последнюю очередь. Я ехала в Нью-Йорк к сестре и собиралась у нее заночевать. На нем были фрак и лакированные туфли. Я просто глаз не могла отвести от него, но каждый раз, когда он смотрел на меня, я притворялась, что гляжу на рекламу у него над головой. Когда мы приехали и стали выходить, он оказался рядом со мной и прижался манишкой к моему плечу. Я пригрозила позвать полицейского, но он словно заранее знал, что я этого не сделаю. Голова у меня шла кругом, и когда я села с ним в такси, то с трудом поняла, что я не в подземке. А в голове все билась и билась одна мысль: живешь лишь раз, живешь лишь раз.

Она повернулась к миссис Макки, и гостиная огласилась ее притворным смехом.

— Дорогая моя! — воскликнула она. — Я подарю вам это платье, как только перестану его носить. Завтра же, потому что завтра я куплю себе другое. Мне надо составить список всех неотложных дел. Массаж, потом завивка, купить ошейник собаке, не забыть миленькую пепельницу, такую, знаете,

с пружинкой, и венок на могилу маме с дужкой, обшитой черным шелком, который не вылиняет за лето. Надо срочно составить список, иначе я что-нибудь забуду.

Было девять часов — почти сразу же я снова посмотрел на циферблат и с удивлением обнаружил, что уже десять. Мистер Макки спал в кресле, положив сжатые кулаки на колени, словно энергичный, всегда готовый к действиям человек, позирующий перед фотографом. Вынув платок, я стер с его щеки остатки засохшей пены для бритья, раздражавшие меня весь день и вечер.

Щенок сидел на столе, щуря от табачного дыма свои подслеповатые глазки, и время от времени еле слышно скулил. Вокруг меня исчезали и вновь появлялись люди, они собирались куда-то ехать, потом терялись, искали друг друга, затем находили в двух шагах от себя. Где-то около полуночи я увидел, как Том Бьюкенен и миссис Уилсон стоят друг против друга и яростно спорят, есть ли у миссис Уилсон какое-либо право упоминать имя Дейзи.

— Дейзи! Дейзи! Дейзи! — надрывалась миссис Уилсон. — Говорю и стану повторять, когда захочу! Дэй…

Без замаха, коротким и выверенным движе-

нием раскрытой ладони Том Бьюкенен разбил ей нос.

Потом я помню окровавленные полотенца на полу ванной, изрыгающие ругательства женские голоса и над всей этой неразберихой — долгий и надрывный крик боли. Мистер Макки очнулся ото сна и в каком-то отрешенном оцепенении направился к двери. Одолев полпути, он повернулся и уставился на разыгравшуюся перед ним сцену: его жена и Кэтрин кого-то одновременно ругали и утешали, держа в руках какие-то предметы из аптечки и поминутно спотыкаясь о мебель; на диване лежала пострадавшая, обильно истекающая кровью, и пыталась прикрыть выпуском «Таун тэттл» гобеленовые сцены садов Версаля. Макки повернулся и продолжил свой путь к двери. Сняв с канделябра свою шляпу, я последовал за ним.

— Давайте как-нибудь отобедаем вместе, — учтиво пригласил он, когда мы спускались в грохочущем лифте.

— Где?

— Где вам будет угодно.

— Уберите руки с рычага! — взвился мальчишка-лифтер.

— Прошу прощения, — с достоинством извинился мистер Макки. — Я не заметил, что

дотронулся до него.

— Хорошо, — согласился я. — С удовольствием.

Помню, как я стоял у его постели, а он сидел на ней в одном белье, завернувшись в простыню, сжимал в руках огромный альбом для фотографий и бормотал:

— Красавица и чудовище… Одиночество… Старая ломовая лошадь… Бруклинский мост…

Потом я лежал в полусне на холодной скамье перрона Пенсильванского вокзала, уставившись в утренний выпуск «Трибьюн», и ждал четырехчасового поезда.

Глава 3

Летними вечерами в доме моего соседа звучала музыка. В его расцвеченном голубой иллюминацией саду, словно мотыльки, кружились пары, окруженные шепотом, ароматом шампанского и сиянием звезд. Днем, во время прилива, я мог наблюдать, как его гости ныряют с вышки, пристроенной к причалу, или загорают на горячем песке его персонального участка пляжа, в то время как два его катера рассекают воды пролива, поднимая ввысь аквапланы над пенистыми гребешками морских волн. По выходным его «роллс-ройс» превращался в некое подобие рейсового автобуса, возившего группы гостей в город и обратно; это начиналось где-то в девять утра и заканчивалось далеко за полночь. Многоместный универсал, словно быстрый желтый жук, мчался на станцию к каждому поезду. А по понедельникам восемь слуг, включая второго садовника, вооружались швабрами, щетками, молотками и садовыми ножницами и выходили на уборку, ликвидируя последствия вчерашней вакханалии.

Каждую пятницу от фруктовщика из Нью-Йорка доставляли пять огромных ящиков с апельсинами и лимонами, а в понедельник те же самые цитрусовые выносили с черного хода в виде груды корок-полушарий, из которых было выжато все, что только можно выжать из фрукта. На кухне стояла машина, способная за полчаса получать сок из двухсот апельсинов. Для этого требовалось двести раз нажать на небольшую кнопку.

По крайней мере раз в две недели особняк заполоняла целая армия обслуги и оформителей. Они привозили с собой десятки метров парусины и столько разноцветных лампочек, что их бы вполне хватило, чтобы превратить сад Гэтсби в целый лес рождественских елок. На фуршетных столах, украшенных изысканными холодными закусками, теснились копченые со специями окорока, пестрые салаты, запеченные в тесте поросята и индейки, сверкавшие золотистыми хрустящими корочками. В большом зале сооружали бар с настоящим медным приступком для ног; полки его ломились от множества видов и сортов джина, ликеров и прочих напитков, в том числе так давно позабытых, что большинство приглашенных юных дам не могли различить их

по названиям или по вкусу.

К семи вечера собирался оркестр: не какой-то там скромный квинтет, а полновесный исполнительский ансамбль, включавший гобои, тромбоны, саксофоны, виолы, корнет-а-пистоны, флейты-пикколо, большие и малые барабаны. Последние купавшиеся уже вернулись с пляжа и переодевались наверху; прибывшие из Нью-Йорка автомобили в пять рядов сгрудились на подъездной дороге, а залы, гостиные и веранды уже засверкали всеми цветами радуги, заискрились прическами по последнему крику моды и газовыми накидками, о которых уроженки Кастилии могут только мечтать. Бар работает на полную мощность, и один за другим уставленные коктейлями подносы уплывают в сад, наполненный звонким смехом, болтовней, двусмысленными намеками, знакомствами, забываемыми в тот же миг, и слащаво-истеричными приветствиями женщин, так и не запомнивших имен своих новых подружек.

Огни горят все ярче по мере того, как солнце закатывается за горизонт. Оркестр играет легкую, ненавязчивую музыку, и многоголосый хор звучит все громче. С каждой минутой смех становится все непринужденнее, он льется щедрым

потоком, которому не дают иссякнуть веселые шутки. Тут и там гости собираются в группки и кружки, которые то разрастаются за счет вновь прибывших, то распадаются, то образуются вновь, чтобы исчезнуть через пару минут. Уже появляются «скиталицы» — самоуверенные девицы, которые то и дело прибиваются к группкам из солидных и импозантных людей, на какой-то мимолетный, радостный миг привлекают к себе всеобщее внимание, а затем, воодушевленные своим успехом, плывут дальше в постоянно меняющемся свете сквозь калейдоскоп лиц, голосов и красок.

Вдруг одна из таких «скиталиц» в одеянии опалового цвета хватает словно появившийся из воздуха коктейль, залпом выпивает его для храбрости и, движениями рук подражая Джо Фриско, начинает в одиночку танцевать на парусиновом настиле. Оркестр на мгновение умолкает, затем дирижер меняет ритм, подстраиваясь под нее. Среди гостей мгновенно разносится слух, что это дублерша Гилды Грей из варьете «Фоллиз». Вечеринка началась.

Полагаю, что в самый первый вечер, когда я отправился на виллу Гэтсби, я оказался одним из немногих гостей, кого действительно пригла-

сили. Людей не приглашали — они туда просто приезжали. Они садились в автомобили, которые довозили их до Лонг-Айленда, и каким-то образом оказывались у входа в особняк Гэтсби. Потом их представлял кто-то из тех, кто лично знал хозяина дома, после чего они вели себя согласно правилам поведения в парке развлечений. Иногда гости приезжали и уезжали, так и не увидев самого Гэтсби. Они посещали его вечеринки с искренним простодушием и непосредственностью, которые сами по себе вполне могли служить входным билетом.

Я же получил официальное приглашение. В то субботнее утро у моего дома появился шофер в сине-зеленой униформе и передал мне послание от своего хозяина, написанное весьма изысканным и даже высокопарным слогом. В нем говорилось, что мистер Гэтсби почтет за честь, если я соблаговолю пожаловать к нему нынче вечером на «малый прием». Он несколько раз видел меня и собирался нанести визит, однако этому воспрепятствовало неблагоприятное стечение обстоятельств. Подпись: «Джей Гэтсби», выполненная твердым и изящным почерком.

Нарядившись в белый фланелевый костюм, я в начале восьмого вечера пересек лужайку перед

его домом и некоторое время бродил просто так, чувствуя себя не в своей тарелке в водовороте незнакомых людей, хотя изредка мне попадались лица, которые я видел в вагоне пригородного поезда. Меня сразу поразили молодые англичане, тут и там мелькавшие в толпе. Все они были прекрасно одеты, с несколько голодным блеском в глазах, и все они негромко и с самым серьезным видом о чем-то говорили с солидными и процветающими американцами. Я был уверен, что они что-то продают: облигации, страховые полисы или автомобили. По крайней мере, они остро ощущали близость легких денег и убежденность в том, что эти деньги достанутся им, — надо лишь сказать нужные слова с правильно подобранной интонацией.

Оказавшись в поместье Гэтсби, я сразу же попытался разыскать хозяина, однако два или три гостя, которых я спросил, как мне найти мистера Гэтсби, посмотрели на меня с таким удивлением и столь страстно стали убеждать меня в том, что понятия не имеют, где его искать, что я в нерешительности направился к столу с коктейлями. Он казался мне единственным местом в саду, где одинокий мужчина мог задержаться без риска выглядеть жалким и одиноким.

Я уже собрался было напиться от охвативших меня чувств замешательства и смущения, когда увидел, как из дома вышла мисс Бейкер и остановилась на верхней ступеньке мраморной лестницы, слегка откинув назад голову и с каким-то высокомерным интересом обозревая происходившее внизу.

Я понятия не имел, обрадует ли ее мое появление, однако чувствовал, что мне надо найти хоть какую-то знакомую душу, прежде чем я начну откровенничать с совершенно незнакомыми людьми.

— Здравствуйте! — закричал я, поднимаясь ей навстречу. Мой голос неестественно громким эхом разнесся по саду.

— Я так и думала, что вы когда-нибудь здесь появитесь, — рассеянно ответила она, когда я подошел к ней. — Помнится, вы говорили, что живете по соседству с…

Она равнодушно взяла меня за руку, словно обещая уделить мне внимание чуть позже, и повернулась к двум девицам в абсолютно одинаковых желтых платьях, стоявшим у подножия лестницы.

— Здравствуйте! — воскликнули они хором. — Как жаль, что вы не победили.

Они имели в виду турнир по гольфу. На прошлой неделе она проиграла финальный поединок.

— Вы, наверное, нас не помните, — сказала одна из девиц в желтом. — А мы ведь познакомились здесь примерно месяц назад.

— С тех пор вы успели перекрасить волосы, — заметила Джордан.

Я вздрогнул от удивления, но девицы уже удалялись с самым непринужденным видом. Получилось так, что эта ее ремарка адресовалась нарождавшейся, еще не созревшей луне, которая могла появиться тут вместе с привезенным из города угощением. Придерживая руку Джордан, покрытую золотистым загаром, я помог ей спуститься по ступеням, и мы принялись фланировать по саду. Из сумерек прямо на нас выплыл поднос с коктейлями, и мы подсели к столу, где уже сидели те две девицы в желтом и трое мужчин, каждого из которых нам представили как мистера Бр-Мр.

— Вы часто бываете здесь на вечеринках? — поинтересовалась Джордан у сидевшей рядом с ней девицы.

— В последний раз именно тогда, когда мы с вами познакомились, — прощебетала та. Она

повернулась к подружке: — Ты ведь тоже тогда была здесь, Люсиль?

Люсиль кивнула, подтверждая, что и она тоже.

— Мне нравятся здешние вечеринки, — продолжала она. — Я тут делаю, что хочу, и всегда веселюсь от души. В последний раз я порвала платье, когда вставала со стула. Так он спросил, как меня зовут, и потребовал назвать мой адрес. А потом где-то на неделе мне привезли коробку от Круарье с новым вечерним платьем.

— Вы оставили его себе? — спросила Джордан.

— Конечно, оставила. Я собиралась надеть его нынче вечером, но оно мне великовато в груди, так что надо его чуть переделать. Шикарное платье: светло-синее, с отливом, отделанное бледно-лиловым бисером. Двести шестьдесят пять долларов.

— Все-таки он чудак, раз делает подобные вещи, — с какой-то горячностью в голосе выпалила другая девица. — Он не хочет ни с кем иметь никаких неприятностей.

— Кто не хочет? — поинтересовался я.

— Гэтсби. Кто-то мне рассказывал…

Обе девицы и Джордан заговорщически подались вперед.

— Кто-то мне рассказывал, что он вроде бы

когда-то убил человека.

Всех нас охватили неподдельное возбуждение и любопытство. Три мистера Бр-Мр тоже подались вперед и жадно прислушивались к нашему разговору.

— Да нет, быть того не может, — скептически возразила Люсиль. — Куда вероятнее, что во время войны он был немецким шпионом.

Один из мужчин утвердительно кивнул.

— Я слышал это от человека, который знает о нем абсолютно все, потому что они вместе выросли в Германии, — заверил он нас с важным видом.

— Да нет же! — вскричала первая девица. — Как так могло быть, если в войну он служил в американской армии? — Вновь завоевав наше доверие, она с торжествующим видом изрекла: — Вы присмотритесь к нему, когда ему кажется, что его никто не видит. Он как пить дать кого-то убил.

Она прищурилась и вздрогнула. Люсиль поежилась. Мы все повернулись и начали высматривать Гэтсби. Наше поведение свидетельствовало о том, что этот человек действительно был окружен романтическом ореолом, коль скоро о нем шептались даже те, кто понятия не имел, что есть в мире вещи, о которых принято говорить

только шепотом.

Начали подавать первую перемену блюд — вторая перемена планировалась после полуночи, — и Джордан пригласила меня присоединиться к ее компании, сидевшей за столиком в дальнем углу сада. Компания состояла из трех семейных пар и кавалера Джордан, довольно настырного студента-старшекурсника, питавшего слабость к двусмысленным намекам и явно уверенного в том, что рано или поздно Джордан частично или полностью капитулирует перед его неослабным натиском. Вместо того чтобы хаотично вращаться в обществе, они держались особняком, всей своей чопорной величавостью давая понять, что представляют здесь местную элиту, аристократию: Ист-Эгг, снизошедший до Уэст-Эгга и стойко противостоящий феерическому веселью последнего.

— Давайте уйдем отсюда, — прошептала Джордан через полчаса, прошедших в пустой светской болтовне. — Я по горло сыта всей этой чопорной учтивостью.

Мы встали из-за стола, и она объяснила, что нам нужно разыскать хозяина дома: ведь меня ему так и не представили, и оттого я чувствую некоторую неловкость. Студент меланхолично кивнул, на его лице вспыхнула и тут же погасла

циничная усмешка.

Для начала мы заглянули в бар, где толпилось множество гостей, но Гэтсби там не нашли. Мисс Бейкер не смогла высмотреть его с верхней ступени лестницы, и на веранде его тоже не было. Мы решили попытать счастья и открыли первую попавшуюся массивного вида дверь и тут же оказались в библиотеке с высоким сводчатым потолком в готическом стиле и стенами, отделанными резными панелями из черешчатого дуба. Все убранство, очевидно, целиком вывезли из какого-нибудь полуразвалившегося замка в Европе.

Дородный мужчина лет сорока в огромных очках с толстенными круглыми линзами сидел, пьяненько покачиваясь из стороны в сторону, на краю необъятного стола и пытался сфокусировать нетвердый взгляд на книжных полках. Когда мы вошли, он резко повернулся и оценивающе осмотрел Джордан с головы до ног.

— И что вы думаете? — отрывисто спросил он.

— О чем?

Он махнул рукой в сторону книжных полок.

— Вот об этом. Собственно говоря, вам не стоит утруждать себя, если захотите их проверить. Я уже проверял. Они настоящие.

— Книги?

Он кивнул.

— Абсолютно настоящие… там страницы… все как положено. Я сначала подумал, что это добротные картонные муляжи. На самом деле это действительно книги. Страницы… Да вот! Я вам сейчас покажу…

Принимая наш скепсис как должное, он рванулся к полкам и вернулся с первым томом «Лекций» Джона Л. Стоддарда.

— Смотрите! — торжествующе воскликнул он, передавая книгу мне в руки. — Настоящее печатное издание, все сделано как надо. На это-то я и купился. Этот парень — прямо второй Дэвид Беласко. Это просто триумф. Какая тщательность! Какой реализм! Однако он знал, когда остановиться — страницы-то не разрезаны. А что вы хотели? Чего ожидали?

Он выхватил у меня книгу и торопливо поставил ее обратно на полку, бормоча себе под нос, что стоит вытащить один кирпичик, как вся библиотека тотчас рухнет.

— Кто вас привел? — спросил он. — Или вы сами взяли и пришли? Меня вот привели. Сюда почти всех приводят.

Джордан внимательно на него посмотрела,

благосклонно улыбнулась, но не ответила.

— Меня лично привела некая дама по фамилии Рузвельт, — продолжил он. — Миссис Клод Рузвельт. Вы ее знаете? Вчера вечером мы с ней где-то познакомились. Я пью уже почти неделю, вот и подумал, что если посижу немного в библиотеке — может, слегка протрезвею.

— И как успехи?

— Да вроде немного помогает. Хотя наверняка не скажу. Я тут только час просидел. О книгах я вам рассказывал? Они настоящие, они…

— Вы нам все рассказали.

Мы торжественно пожали ему по очереди руку и вышли.

Тем временем в саду на натянутом поверх лужайки парусиновом настиле начались танцы. Старики толкали молодых девиц, выписывая неуклюжие круговые па; более изящные пары танцевали с краю, изгибаясь согласно последним велениям моды. Многие девицы танцевали сами по себе, каждая на свой манер. Иногда давали чуть-чуть передохнуть банджисту или ударнику. К полуночи веселье достигло апогея. Знаменитый тенор спел арию из итальянской оперы, а прославленная обладательница контральто попробовала себя в джазовом репертуаре. В пе-

рерывах между номерами публика дурачилась и веселилась на свой лад, и к небу то и дело взлетали взрывы счастливого и беззаботного смеха. Дуэт «близнецов», которыми оказались те самые девицы в желтом, сыграл костюмированную детскую сценку. Шампанское подавали в бокалах, своими размерами превосходивших чаши для омовения рук на протокольных обедах. Луна поднялась еще выше, и на волнах пролива покачивался серебристый чешуйчатый треугольник, слегка пританцовывая под звонкие переливы банджо.

Я по-прежнему находился в обществе Джордан Бейкер. Мы сидели за одним столом с мужчиной примерно моих лет и веселой девицей небольшого роста, готовой расхохотаться по малейшему поводу, а то и вовсе без него. Я пребывал в превосходном настроении. После двух чаш шампанского все происходящее вокруг виделось мне преисполненным значительности и некой особой философской глубины.

Когда веселье ненадолго поутихло, мужчина посмотрел на меня и улыбнулся.

— Ваше лицо кажется мне знакомым, — вежливо произнес он. — Вам не доводилось во время войны служить в Третьей дивизии?

— Да, было дело. Я воевал в Девятом пулеметном батальоне.

— А я — в Седьмом пехотном батальоне до июня семнадцатого года. Я так и знал, что где-то вас раньше видел.

Мы вспомнили войну и серые, утопавшие в жидкой грязи французские деревушки. Очевидно, мой собеседник жил где-то по соседству, поскольку он сказал мне, что недавно купил гидроплан и собирается опробовать его утром.

— Не хотите присоединиться, старина? Полетаем чуть-чуть у берега пролива.

— Во сколько?

— В любое время, когда вам будет удобно.

Я собирался спросить, как его зовут, когда Джордан с улыбкой повернулась ко мне.

— Ну что, повеселели? — спросила она.

— Да, весьма. — Я снова посмотрел на своего нового знакомого. — Весьма необычная вечеринка, по крайней мере, для меня. Я ведь даже не видел хозяина. Я живу вон там, — продолжил я, махнув рукой в сторону невидимой живой изгороди. — А хозяин этого дома по имени Гэтсби прислал шофера с приглашением.

Какое-то мгновение он смотрел на меня, словно чего-то не понимая.

— Я и есть Гэтсби, — вдруг сказал он.

— Что?! — удивленно воскликнул я. — О, прошу прощения великодушно.

— Не стоит. Я думал, вы знаете, старина. Боюсь, я не очень хороший хозяин.

Он понимающе мне улыбнулся — нет, гораздо больше, чем понимающе. Это была одна из тех редкостных улыбок, полных ободрения и сочувствия, которую встретишь очень редко: четыре-пять раз в жизни. На какое-то мгновение она обращалась — или казалась обращенной — ко всему окружающему миру, а затем вдруг становилась предназначенной только вам и исполненной безграничной к вам симпатии. Эта неотразимая улыбка понимала вас настолько, насколько вы хотели быть понятым, верила в вас так же, как вы сами хотели бы в себя верить, и убеждала вас в том, что вы производите именно то впечатление, которое стремитесь произвести. Именно в этот миг она исчезла, и я вновь смотрел на элегантного молодого возмутителя спокойствия лет тридцати с небольшим, питавшего слабость к светским оборотам речи, которая порой граничила с абсурдом. Незадолго до того, как он представился, у меня создалось довольно сильное впечатление, что он тщательно подби-

рает слова.

Не успел мистер Гэтсби отрекомендоваться, как к нему торопливой походкой подошел дворецкий и сообщил, что на проводе Чикаго. Он извинился, слегка поклонившись каждому из нас.

— Если что-то захотите, просто кликните кого-нибудь из слуг, старина, — ободрил он меня. — Прошу прощения. Я присоединюсь к вам чуть позже.

Едва он отошел, как я тотчас же повернулся к Джордан, стремясь поделиться с ней своим изумлением. Я ожидал, что мистер Гэтсби окажется румяным толстяком лет сорока-пятидесяти.

— Кто он все-таки такой? — поинтересовался я. — Вы что-нибудь знаете?

— Он просто человек по фамилии Гэтсби.

— Я в том смысле, что откуда он. Чем занимается?

— Теперь и в вас взыграло любопытство, — ответила она со слабой улыбкой. — Ну… мне он как-то сказал, что окончил Оксфорд.

Начали смутно вырисовываться какие-то черты его биографии, но ее следующая ремарка напрочь стерла их.

— Однако я этому не верю.

— Почему же?

— Не знаю, — упрямо произнесла она. — Просто мне кажется, что никогда он там не учился.

Что-то в ее тоне напомнило мне слова одной из девиц «Он как пить дать убил человека», и это еще больше разожгло мое любопытство. Я бы не колеблясь поверил рассказу о том, что Гэтсби выбился в люди откуда-нибудь из болотистых краев Луизианы или из бедных кварталов нью-йоркского Ист-Сайда. Это было бы объяснимо и правдоподобно. Но молодые люди никоим образом — по крайней мере так казалось мне, не очень сведущему провинциалу, — не могли просто так выныривать из ниоткуда и покупать себе дворцы на берегу Лонг-Айленда.

— В любом случае он закатывает шикарные, многолюдные вечеринки, — сказала Джордан, переменив тему с чисто светской неприязнью ко всякой конкретике. — А мне они нравятся. Здесь так уютно. На небольших приемах негде уединиться и побыть одной.

Раздалось буханье большого барабана, и звонкий голос дирижера вдруг взлетел над гвалтом веселившихся в саду гостей.

— Дамы и господа! — воскликнул он. — По просьбе мистера Гэтсби мы исполним для вас последнее произведение мистера Владимира

Тостоффа, которое столь благосклонно приняли в Карнеги-холле в мае прошлого года. Если вы читали газеты, то знаете, что оно произвело настоящую сенсацию. — Он улыбнулся добродушно-снисходительной улыбкой и добавил: — Ну просто сенсацию! — После чего все дружно рассмеялись.

— Пьеса называется, — торжественно объявил он, — «Джазовая история мира». Автор — Владимир Тостофф!

Я не смог оценить глубокий смысл опуса мистера Тостоффа, поскольку после первых же тактов вступления вдруг заметил Гэтсби, в одиночестве стоявшего на мраморных ступенях и одобрительным взглядом осматривавшего одну группу гостей за другой. Я не заметил в нем ничего зловещего: гладкая кожа на лице, покрытая ровным загаром, аккуратная короткая стрижка, словно его ежедневно посещал парикмахер. Возможно, то, что он ничего не пил, помогало ему некоторым образом отстраниться от гостей, поскольку мне казалось, что он становился все более корректным по мере того, как гостей все сильней охватывало веселое пьяное панибратство. Когда «Джазовая история мира» закончилась, одни девицы стали компанейски склонять мужчинам

на плечи свои кукольные головки, другие начали шутливо падать в обморок на руки мужчин и даже просто в середину кружка, уверенные, что их подхватят. Но никто не падал на руки Гэтсби, ни одна головка с короткой стрижкой не склонилась ему на плечо, и ни один импровизированный квартет не пропел ему здравицу.

— Прошу прощения.

Рядом с нами вдруг оказался дворецкий Гэтсби.

— Мисс Бейкер? — осведомился он. — Прошу прощения, но мистер Гэтсби хотел бы поговорить с вами с глазу на глаз.

— Со мной? — удивленно воскликнула она.

— Да, сударыня.

Она медленно встала, взглянула на меня, удивленно подняв брови, и направилась к дому вслед за дворецким. Я заметил, что в вечернем платье, да и вообще во всех платьях она держалась так, словно на ней спортивный костюм — во всех ее движениях присутствовала некая элегантная небрежность, как будто она училась ходить на лужайках для гольфа ясным солнечным утром.

Я остался один, мои часы показывали почти два. Некоторое время какие-то невнятные и оттого еще более интригующие звуки раздавались

из комнаты с множеством окон, расположенной прямо над террасой. Отвязавшись от студента Джордан, говорившего об акушерстве с двумя хористками и старавшегося втянуть меня в эту беседу, я вошел в дом.

Большой зал был полон людей. Одна из девиц в желтом играла на фортепиано, а рядом с ней стояла высокая рыжеволосая молодая женщина из известного хора и пела какую-то песню. Она, очевидно, чуть ранее увлеклась шампанским и теперь, во время исполнения, отчего-то решила, что все вокруг грустно и печально, и ее пение перемежалось плачем. Она заполняла каждый инструментальный проигрыш сдавленными рыданиями и начинала очередной куплет срывающимся сопрано. Из глаз у нее текли слезы, однако они не лились ручьем, поскольку этому мешали ее густо накрашенные ресницы. Из-за этого слезы становились какого-то чернильного цвета и медленно струились по ее щекам грязно-черными ручейками. Кто-то из слушателей пошутил, что она поет по нотам, появляющимся у нее на лице, после чего она всплеснула руками, рухнула в кресло и забылась тяжелым пьяным сном.

— Она поругалась с человеком, который утвер-

ждает, что он ее муж, — объяснила стоявшая рядом со мной девица.

Я огляделся. Большинство остававшихся дам занимались тем, что ссорились со своими якобы мужьями. Раздор возник даже в компании Джордан, квартете из Ист-Эгга. Один из мужчин был целиком поглощен разговором с какой-то молоденькой актрисой, а его жена после попыток реагировать на это с насмешливо-высокомерным равнодушием отбросила светские приличия и перешла к фланговым атакам. Время от времени она набегала на него то справа, то слева, сверкая драгоценностями, сама похожая на взбешенный алмаз, и негодующе шипела ему на ухо:

— Ты же обещал, обещал!

Нежелание ехать домой одолевало не только заблудших мужей. Теперь в большом зале оставались двое до неприличия трезвых мужчин со своими донельзя разгневанными женами. Дамы сочувствовали друг другу на слегка повышенных тонах.

— Как только он видит, что я веселюсь, ему сразу хочется домой.

— Никогда в жизни не встречала такого своеволия.

— Мы всегда уходим первыми.

— Мы тоже.

— А нынче мы почти последние, — виновато-покорно возразил один из мужчин. — Оркестр уехал полчаса назад.

Несмотря на полное согласие жен в том, что поведение мужей переходит всякие границы, перебранка закончилась небольшой стычкой, после которой обеих отчаянно упиравшихся дам подхватили под белы руки и утащили куда-то во мрак ночи.

Пока я ждал в холле, когда мне подадут шляпу, открылась дверь библиотеки, и оттуда вышли Джордан Бейкер и Гэтсби. Он что-то взволнованно говорил ей, но тут же обрел прежнюю светскую невозмутимость, как только увидел, что несколько человек направляются к нему, чтобы попрощаться.

Компания Джордан что-то нетерпеливо кричала ей с парадного крыльца, но она задержалась на несколько секунд, чтобы пожать мне руку на прощание.

— Я только что услышала нечто совершенно потрясающее, — прошептала она. — Мы там долго были?

— Ну, около часа.

— Это… просто поразительно, — рассеянно

повторила она. — Но я дала слово молчать, и вот — я уже вас дразню… — Она изящно зевнула мне в лицо. — Заходите как-нибудь в гости… Телефон в справочнике… Ищите миссис Сигурни Говард… Это моя тетя…

Последние слова она произнесла почти на бегу, ее загорелая рука небрежно махнула мне на прощанье — и она скрылась среди своих спутников, ждавших ее на крыльце.

Несколько устыдившись того, что мой первый же визит столь затянулся, я подошел к небольшой группе задержавшихся гостей, стоявших рядом с Гэтсби. Я хотел объяснить, что искал его с самого начала вечеринки, и извиниться за то, что не узнал его в саду.

— Не стоит, — добродушно прервал он меня. — Даже и не думайте об этом, старина. — В его непринужденном обращении было не больше фамильярности, чем в ободряющем похлопывании по плечу. — И не забудьте, что завтра в девять утра мы отправляемся в полет на гидроплане.

У него за спиной снова вырос дворецкий.

— Филадельфия на линии, сэр.

— Хорошо, минуту. Скажите, что я уже иду… Спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

— Спокойной ночи. — Он улыбнулся — и мне вдруг показалось, что есть некая милая многозначительность в том, что я оказался среди последних гостей, словно он хотел этого с самого начала. — Спокойной ночи, старина… Спокойной ночи.

Однако, спускаясь по лестнице, я увидел, что вечер еще не кончился. Метрах в пяти от парадного подъезда в ярком свете десятка автомобильных фар моему взору предстало странное и немного гротескное зрелище. В придорожном кювете, завалившись на левый борт и выставив вверх сиротливо торчавшую правую ось без колеса, лежал новенький двухдверный автомобиль, пару минут назад отъехавший от дома Гэтсби. Острый выступ стены объяснял потерю колеса, и это происшествие привлекло внимание пяти-шести любопытствующих шоферов. Однако, как только они вылезли из машин, образовалась пробка, вызвавшая разноголосое гудение стоявших сзади автомобилей. Продолжавшийся некоторое время яростный рев клаксонов придавал неразберихе на дороге еще большую сумятицу.

Мужчина в длинном пыльнике вылез из покореженной машины и стоял посреди дороги, с веселым изумлением переводя взгляд с машины

на колесо и с колеса на зевак.

— Полюбуйтесь! — воскликнул он, словно что-то объясняя. — Прямо в кювет.

Авария вызывала у него безграничное изумление, и я узнал сперва это чувство искреннего удивления, а потом и обладателя этого чувства. Им оказался давешний очкарик из библиотеки Гэтсби.

— Как это случилось?

Он пожал плечами.

— Я вообще не разбираюсь в механизмах, — последовал решительный ответ.

— Но как же это все-таки произошло? Вы что, врезались в стену?

— Да не спрашивайте вы меня, — огрызнулся очкарик, словно умывая руки. — О вождении я знаю очень мало, почти ничего. Вот случилось, и все тут.

— Если вы никудышный водитель, то не пытались бы ехать ночью.

— Но я даже и не пытался! — возмущенно объяснил он. — Никак не пытался.

Стоявшие рядом в ужасе ахнули.

— Вы что, хотите покончить с собой?

— Вам повезло, что вы отделались только колесом! Никудышный водитель, да к тому же и не

пытается рулить!

— Ничего вы не понимаете, — объяснил очкарик. — Я вообще не рулил. Там, в машине, еще один остался.

Это заявление вызвало настоящий шок. Все громко ахнули, когда дверца машины начала медленно открываться. Толпа — теперь уже толпа — невольно подалась назад, и, когда дверь полностью распахнулась, воцарилась зловещая тишина. Затем очень медленно, по частям, из разбитой машины выбрался бледный субъект, которого шатало из стороны в сторону, и начал осторожно искать на земле точку опоры, водя туда-сюда огромным лакированным ботинком.

Ослепленный светом фар и сбитый с толку неумолкающим ревом клаксонов, он несколько мгновений неуверенно покачивался, пока не заметил мужчину в пыльнике.

— В чем д-дело? — спокойно поинтересовался он. — Бензин к-кончился?

— Глядите!

С полдюжины пальцев показали на ампутированное колесо: какое-то мгновение он смотрел на него пустым взглядом, а потом задрал голову вверх, словно подозревая, что колесо свалилось с неба.

— Оно отлетело, — объяснил кто-то.

Он кивнул.

— Сперва я даже не з-метил, что мы ос-навились.

Пауза. Затем, сделав глубокий вдох и расправив плечи, он твердым голосом осведомился:

— Кто-нить знает, где тут з-заправка?

По меньшей мере десять человек, которые были немногим трезвее его, стали объяснять ему, что колесо и автомобиль уже ничем между собой не связаны.

— Задним ходом, — предложил он, чуть подумав. — Передачу пер-ключить, и все.

— Но колеса-то нет!

Он задумался.

— Попробовать не повредит, — решил он.

От пронзительного воя клаксонов уже начало закладывать уши, так что я повернулся и прямо через лужайку пошел к дому. По дороге я оглянулся. Яркий диск луны освещал дом Гэтсби, оставляя ночи ее прежнее очарование, хотя смех и музыка уже перестали звучать в саду, все еще расцвеченном иллюминацией. Казалось, что из окон и огромных дверей внезапно заструилась пустота, делая еще более одинокой фигуру хозяина, стоявшего на парадном крыльце с рукой,

поднятой в прощальном жесте.

Перечитывая свои записки, я понимаю, что создается впечатление, будто больше всего меня занимали события тех трех вечеров, разделенных интервалами в несколько недель. Напротив, они являлись всего лишь обычными эпизодами того бурного лета и до поры до времени интересовали меня куда меньше, нежели мои личные дела.

Большую часть времени я работал. Ранним утром длинной тенью, обращенной на запад, я спешил по грязновато-серым ущельям деловых кварталов Нью-Йорка в контору под названием «Пробити трест». Я знал по именам других клерков и молодых продавцов облигаций и обедал с ними в полутемных переполненных ресторанчиках, поглощая маленькие свиные сосиски с картофельным пюре и запивая все это кофе. У меня даже случился мимолетный роман с девушкой из Джерси-Сити, которая работала у нас в бухгалтерии, однако ее брат начал метать в мою сторону зловещие взгляды; поэтому, когда она в июле уехала в отпуск, я потихоньку свел наши отношения на нет.

Ужинал я обычно в Йельском клубе (по каким-то причинам эта трапеза являлась самым мрачным эпизодом за весь день), после чего под-

нимался в библиотеку и где-то в течение часа добросовестно штудировал литературу по инвестициям и страхованию. В клубе всегда сидело несколько заводил и гуляк, но в библиотеку они не заходили, так что работалось мне там хорошо. Потом, если вечер выдавался теплым, я неторопливо шел пешком по Мэдисон-авеню мимо старого отеля «Мюррей Хилл» до Пенсильванского вокзала.

Мне начинал нравиться Нью-Йорк с его стремительными, сулящими самые неожиданные повороты судьбы вечерами, с его ласкающим беспокойный взор нескончаемым калейдоскопом людей и машин. Я любил гулять по Пятой авеню и выискивать в толпе романтично выглядевших женщин, воображая при этом, что через несколько минут я войду в жизнь одной из них, и об этом никто никогда не узнает, и никто никого не упрекнет. Иногда в своих мечтах я провожал их домой в укромные уголки большого города, где они оборачивались и улыбались мне, прежде чем открыть дверь и исчезнуть в теплом полумраке. Иногда в этих колдовских городских сумерках мне становилось невыносимо одиноко, и я чувствовал это одиночество в других — бедных молодых клерках, слонявшихся вдоль сверкаю-

щих витрин в ожидании того, когда наступит время ужина в ресторане наедине только с собой, молодых клерках в уличном полумраке, впустую растрачивающих драгоценные мгновения не только этого вечера, но и всей своей жизни.

Примерно в восемь вечера, когда темные мостовые Сороковых улиц в пять рядов кишели таксомоторами, спешащими в сторону «театральной мили», я вновь ощущал внутри себя холодную пустоту. Неясные силуэты склонялись друг к другу в салонах стоявших в пробках такси, я слышал смех в ответ на не услышанные мною шутки, а огоньки зажженных сигарет чертили замысловатые узоры. Воображая, что я тоже тороплюсь туда, где меня ждет веселье, и разделяя их радостное возбуждение, я желал этим незнакомым людям только хорошего.

На какое-то время я потерял Джордан Бейкер из виду, но где-то в середине лета снова встретил ее. Сперва мне льстило появляться с ней в обществе, поскольку она была чемпионкой по гольфу и все ее знали. Потом это ощущение собственной значимости переросло в нечто большее. Не то чтобы я влюбился — я испытывал любопытство пополам с нежной симпатией. За пресыщенно-высокомерным лицом, которое она являла миру,

определенно что-то скрывалось — почти всегда показное поведение служит прикрытием чему-то, хотя вначале это не так заметно, — и однажды я выяснил, что именно. Когда мы вместе были на вечеринке в загородном доме в Уорике, она оставила взятую у кого-то машину под дождем с опущенным верхом, а затем солгала, когда об этом зашла речь. И тут я вдруг вспомнил одну историю, которую слышал о ней в гостях у Дейзи и которой тогда не придал особого значения. Когда Джордан впервые участвовала в престижном турнире по гольфу, возник скандал, едва не просочившийся в газеты. Появилось подозрение, что во время полуфинала она сдвинула свой мяч, оказавшийся в проигрышной позиции. Скандал разрастался все больше, но его кое-как замяли. Подносчик клюшек отказался от своего заявления, а второй остававшийся свидетель признал, что вполне мог ошибиться. Это происшествие и ее имя связались воедино в моем сознании.

Джордан Бейкер инстинктивно избегала людей умных и проницательных, и теперь я знал причину этого. Она чувствовала себя увереннее там, где любое отклонение от принятых правил поведения считалось невозможным. Она была неисправимо, патологически лжива и бесчестна.

Она терпеть не могла проигрывать, и, учитывая ее нежелание предстать в невыгодном свете, я предположил, что она с младых ногтей в совершенстве овладела искусством выкручиваться из любых ситуаций, дабы взирать на мир с холодной высокомерной улыбкой и одновременно с этим поступать так, чтобы исполнялось все, чего пожелает ее крепкое холеное тело.

Я не очень-то расстраивался по этому поводу. Лживость в женщине не относится к числу тех пороков, за которые следует строго судить. Я немного погрустил, а потом благополучно забыл об этом. Именно в тот вечер у нас произошел любопытный разговор о вождении автомобиля. Поводом стал случай на дороге, когда она проехала мимо группы рабочих так близко, что задела бампером пуговицу на куртке одного из них.

— Вы никудышный водитель! — возмутился я. — Или старайтесь вести поосторожнее, или вообще не садитесь за руль.

— Я и так осторожна.

— Вот уж нет.

— Ну так найдутся осторожнее меня, — беззаботно ответила она.

— А они-то тут при чем?

— Они станут давать мне дорогу, — не уни-

малась она. — Для столкновения нужны две машины.

— А если вам попадется такой же беспечный водитель, как и вы?

— Надеюсь, что не попадется, — ответила она. — Ненавижу беспечных. Именно поэтому вы мне и нравитесь.

Ее серые, прищуренные от солнца глаза неотрывно смотрели на дорогу, но она что-то намеренно изменила в наших отношениях, так что на мгновение мне показалось, что я в нее влюблен. Однако я в некотором роде тугодум, к тому же надо мной довлеет множество моих собственных принципов, которые тормозят мои желания. Я знал одно — перво-наперво мне необходимо разрешить запутанную ситуацию, сложившуюся дома, на Западе. Раз в неделю я писал письма с подписью «Целую. Ник», однако перед моим внутренним взором представала лишь одна картинка: некая девушка играет в теннис, и над ее верхней губой выступают крохотные бисеринки пота. Тем не менее нас связывали ставшие уже почти эфемерными узы, от которых надо было тактично избавиться, прежде чем я с полным основанием мог считать себя совершенно свободным.

Каждый из нас втайне считает себя обладате-

лем хотя бы одной основополагающей добродетели, и признаюсь: я один из немногих честных людей, которых когда-либо знал.

Глава 4

По утрам в воскресенье, когда в прибрежных деревнях звонили колокола, светские львы и львицы возвращались в дом Гэтсби и ослепительно блистали на просторных лужайках.

— Он бутлегер, — говорили молодые дамы, непринужденно двигаясь между подносами с коктейлями и корзинами с цветами. — Когда-то он убил человека, который узнал, что он — племянник фон Гинденбурга и троюродный брат дьявола. Подай мне розу, дорогуша, и плесни-ка чуть-чуть вон в тот хрустальный бокал.

Какое-то время я записывал на полях расписания пригородных поездов имена и фамилии тех, кто тем летом приезжал в дом Гэтсби. Оно давным-давно устарело, бумага истерлась на сгибах, но еще можно прочесть надпись «Действует с 5 июля 1922». Я до сих пор разбираю выцветшие строчки с именами, и по ним легче, чем по моим абстрактным рассуждениям, составить представление о тех, кто пользовался гостеприимством Гэтсби и воздавал ему дань уважения, ничего о нем не зная.

Итак, из Ист-Эгга приезжали семейства Честера Беккера и Личи, а также некий Бансен, которого я знал по университету, и доктор Уэбстер Сивет, который в прошлом году утонул где-то в штате Мэн. Частенько наезжали Хорнбимы, Вольтеры и целый клан Блэкбаков, которые всегда забивались в угол и принюхивались ко всем проходившим мимо, словно козы в загоне. Бывали там Исмеи и Кристи (точнее, Губерт Ауэрбах и жена мистера Кристи) плюс Эдгар Бивер, который, как говорят, совершенно поседел всего за один зимний день, причем безо всякой веской причины.

Кларенс Эндайв был, насколько я помню, из Ист-Эгга. Он приехал лишь однажды в ослепительно белых бриджах и подрался в саду с каким-то бездельником по имени Этти. Из отдаленных районов Лонг-Айленда наведывались семейства Чидлов и Шредеров, а также Стонуолл Джексон Эбрамс (родом из Джорджии) вкупе с Фишгардами и семейством Рипли Снелла. Снелл был там за три дня до того, как попал в тюрьму, и напился так, что рухнул на подъездную дорожку, где миссис Улисс Суэтт проехалась своим авто по его правой руке. Дэнси также приезжали вместе с С. Б. Уайтбейтом, которому было под семьдесят; частенько навещали этот гостеприимный дом и

Морис Флинк, и семья Хаммерхедов, и импортер табака Белуга со своими девицами.

Из Уэст-Эгга приезжали Поулы и Малреди, а также Сесил Роубак и Сесил Шён, сенатор Гулик и Ньютон Оркид, владелец компании «Филмз пар экселанс», Экхауст и Клайд Коэн, Дон Шварц-младший и Артур Маккарти. Все они так или иначе имели отношение к миру кино. Плюс к тому Кэтлипы, Бемберги и Эрл Малдун, брат того самого Малдуна, который впоследствии задушил свою жену. Туда наведывались владелец рекламного агентства Да Фонтано, Эд Легрос, Джеймс Феррет по кличке Сучок, Де Джонги и Эрнест Лилли. Они приезжали, чтобы сыграть по-крупному, и когда Феррет принимался бродить по саду, это означало, что он проигрался и назавтра компании «Ассошиэйтед трэкшн» предстоит искусно лавировать на бирже, чтобы ее акции поднялись в цене.

Некто по фамилии Клипспрингер наезжал так часто и оставался так надолго, что получил кличку Постоялец, поскольку, как я подозреваю, своего жилья у него не было. Из театральных деятелей здесь бывали Гас Уэйз, Хорас О'Донован, Лестер Майер, Джордж Дакуид и Фрэнсис Булл. Из Нью-Йорка также наведывались Кромы, Бэкхиссоны,

Денникеры, Рассел Бетти и семья Корриганов, семейства Келлехеров, Дьюаров и Скалли, С. Белчер, семья Смирков и молодые Куинны (сейчас они в разводе), а также Генри Пальметто, который покончил с собой, бросившись под поезд подземки на станции «Таймс-сквер».

Бенни Макленнан постоянно приезжал с четырьмя девицами. Девицы эти всегда были разные, но они так походили друг на друга, что неизбежно казалось, что раньше они уже тут бывали. Имен их я не помню — одну, по-моему, звали Жаклин, других, кажется, Консуэла или Глория, или Джуди, или Джун. Фамилии их представляли собой ласкающие слух названия цветов или месяцев, однако же иногда называли громкие фамилии промышленных или финансовых магнатов, и если вы проявляли настойчивость, то они по секрету признавались, что являются их кузинами или еще какими-то родственницами.

В дополнение ко всему я припоминаю, что по меньшей мере однажды я встретил там Фаустину О'Брайен, а кроме нее — сестер Бедекер, молодого Брюэра, потерявшего на войне нос, мистера Альбруксбергера и его невесту мисс Хааг, Ардиту Фицпитерс и мистера П. Джуэтта, некогда стоявшего во главе Американского легиона, и мисс

Клаудию Хип со своим спутником, официально считавшимся ее шофером, и принца какого-то королевства, которого мы прозвали Герцогом, чье имя я давно позабыл, если вообще знал его.

Все эти люди приезжали в дом Гэтсби тем летом.

Как-то в конце июля, часов в девять утра, к моему дому, подпрыгивая на ухабах подъездной дорожки, подкатил роскошный автомобиль Гэтсби и огласил тишину мелодичным гудком клаксона. Это был его первый визит ко мне, хотя до этого я дважды побывал на его вечеринках, летал вместе с ним на гидроплане и, поддавшись его настойчивым уговорам, довольно часто загорал на его пляже.

— Доброе утро, старина. Мы условились нынче вместе пообедать, и я решил за вами заехать.

Он сидел в машине, небрежно облокотившись о приборную панель и слегка раскачиваясь из стороны в сторону. В его движениях ощущалась некая свобода, свойственная, пожалуй, только американцам. Подобная манера, на мой взгляд, обусловлена тем, что человек не занимался работой, связанной с поднятием тяжестей, а в детстве его не заставляли сидеть прямо; добавьте к этому довольно своеобразную грацию наших спортив-

ных игр — нервных и динамичных. У Гэтсби это проявлялось в беспокойстве, постоянно пробивавшемся сквозь светскую сдержанность его поведения. Он ни секунды не мог пребывать в неподвижности — то притопывал ногой, то нетерпеливо сжимал и разжимал кулак.

Он заметил, что я с восхищением разглядываю автомобиль.

— Хороша, верно, старина? — Он спрыгнул на землю, чтобы я мог получше рассмотреть машину. — Вы ее раньше видели?

Я видел ее. Ее все видели. Она играла сочно-кремовой покраской и сверкала хромом и никелем. Во всю ее невообразимую длину горделиво выстроились отделения для шляп, закусок и инструментов; причудливо изогнутые ветровое и боковые стекла дробили солнце на мириады слепящих зайчиков. Мы расположились в оранжерее зеленой кожи за рядами стеклянных створок и зеркал и поехали в Нью-Йорк.

За последний месяц я разговаривал с ним пять-шесть раз и, к своему удивлению, обнаружил, что сказать ему было практически нечего. Так что мое первое впечатление о нем как о загадочной и значительной личности постепенно улетучилось, и он стал просто владельцем находившегося

по соседству роскошного особняка, время от времени превращавшегося в огромную ресторацию.

Да тут еще эта непонятная поездка. Не успели мы доехать до Уэст-Эгга, как он начал обрывать на полуслове свои изысканно построенные фразы и в нерешительности похлопывать себя по колену, обтянутому светло-коричневыми костюмными брюками.

— Послушайте, старина, что вы все-таки обо мне думаете? — вдруг огорошил он меня вопросом.

Придя в легкое замешательство, я принялся отвечать расхожими штампами, которые и служат ответами на подобные вопросы.

— Так вот, я расскажу вам о своей жизни, — прервал он меня. — Я не хочу, чтобы у вас сложилось обо мне превратное мнение, основанное на услышанных сплетнях и небылицах.

Выходит, он знал о странных обвинениях, придававших особый привкус приглушенным разговорам на его вечеринках.

— Расскажу все как на духу. — Он вдруг поднял правую руку, словно призывая кару небесную немного подождать. — Я — единственный отпрыск богатого семейства Среднего Запада, остальные его члены уже отошли в мир иной. Вы-

рос я в Америке, но учился в Оксфорде, поскольку все мои предки получали образование именно там. Это семейная традиция.

Он искоса посмотрел на меня — и тут-то я понял, откуда у Джордан Бейкер такая уверенность в том, что он лжец. Слова «учился в Оксфорде» он произнес скороговоркой, едва не глотая их, чуть ли не давясь ими, словно они причиняли ему какое-то беспокойство. И эта неуверенность перечеркивала все им сказанное, наводя меня на мысль, что в его прошлом все-таки есть какие-то темные пятна.

— А откуда со Среднего Запада? — вскользь поинтересовался я.

— Из Сан-Франциско.

— Ах вот как…

— Все мои родственники умерли, и я унаследовал большое состояние.

Его голос сделался напыщенно-скорбным, словно до сих пор его одолевали воспоминания о безвременно отошедшем в небытие клане Гэтсби. Я было решил, что он меня разыгрывает, но один-единственный взгляд на него убедил меня в обратном.

— После этого я жил, как молодой раджа, в европейских столицах — в Париже, Венеции,

Риме, — собирая драгоценные камни, преимущественно рубины, охотился на крупного зверя, немного рисовал — так, для себя — и пытался забыть нечто очень печальное, что произошло со мной много лет назад.

Усилием воли я подавил в себе язвительный смех. Все его фразы были настолько ходульными, что создавалось впечатление, будто передо мной некий кукольный персонаж в тюрбане, у которого изо всех дыр сыплются опилки, в то время как он преследует тигра в Булонском лесу.

— Потом разразилась война, старина. Я воспринял ее с облегчением, и мне очень хотелось погибнуть, но смерть обходила меня стороной, словно заколдованного. Я начал воевать в чине старшего лейтенанта. В Аргоннском лесу я с двумя пулеметными полуротами вырвался так далеко вперед, что на обоих флангах у нас образовались разрывы метров по шестьсот, где пехота продвинуться не смогла. Мы удерживали позиции двое суток, сто тридцать человек с шестнадцатью «льюисами», и когда наконец пехоте удалось прорваться нам на выручку, среди гор вражеских трупов по нашивкам убитых установили, что нас пытались отбросить три немецкие дивизии. Меня повысили до майора, и я получил награды

от всех союзных держав — даже от Черногории, крохотной Черногории на берегу Адриатики!

Крохотной Черногории! Эти слова он произнес с подъемом и, улыбнувшись, кивнул. Его улыбка словно включала в себя бурную историю Черногории и выражала солидарность с мужественной борьбой ее маленького, гордого народа. Она выражала понимание всех политических предпосылок, послуживших причиной для вручения этого скромного, но чистосердечного дара. Мое недоверие сменилось восхищением; я как будто наскоро перелистал десяток журналов.

Он полез в карман, и в мою ладонь упал кусочек металла на шелковой ленте.

— Это та самая награда от Черногории.

К моему удивлению, она выглядела как настоящая. На аверсе я прочел круговую надпись: «Ordery di Danilo. Montenegro, Nicolas Rex».

— Переверните.

«Майору Джею Гэтсби, — прочел я на реверсе. — За исключительную доблесть».

— Вот еще одна вещица, которая всегда при мне. На память об Оксфорде. Снято во внутреннем дворе Тринити-Колледжа. Слева от меня — нынешний граф Донкастер.

На фотографии шестеро молодых людей в блей-

зерах непринужденно улыбались в объектив, стоя под высокой аркой, за которой виднелись многочисленные шпили. Одним из них был Гэтсби с крикетной битой в руке. На фото он выглядел моложе, но не намного.

Значит, все это было правдой. Я представил себе тигровые шкуры, украшавшие его палаццо на Большом канале в Венеции; ясно увидел, как он открывает ларец с рубинами, чтобы их темно-багряное сияние ненадолго уняло неотступную боль в его разбитом сердце.

— У меня к вам нынче будет огромная просьба, — сказал он, с видимым удовлетворением пряча свои сувениры в карманы, — поэтому я решил, что вам следует кое-что обо мне знать. Мне не хотелось, чтобы вы считали меня очередным ничтожеством. Видите ли, я, как правило, оказываюсь в окружении незнакомых мне людей, поскольку я скитаюсь с места на место, пытаясь забыть печальную историю, случившуюся со мной много лет назад. — Он на мгновение умолк. — Сегодня вы ее услышите.

— За обедом?

— Нет, чуть позже. Я случайно узнал, что вы пригласили мисс Бейкер на чай.

— Вы хотите сказать, что влюблены в мисс

Бейкер?

— Нет, старина, отнюдь нет. Однако мисс Бейкер любезно согласилась поговорить с вами об одном деле.

Я понятия не имел, в чем может заключаться это самое «дело», и ощутил скорее раздражение, нежели любопытство. Я приглашал Джордан на чай не для того, чтобы обсуждать мистера Джея Гэтсби и его дела. Я был уверен, что его просьба окажется совершенно фантастической, и пожалел о том, что в свое время вообще согласился ступить на его лужайку, переполненную гостями.

Больше он не произнес ни слова. По мере нашего приближения к городу к нему возвращалась холодная корректность. Мы проехали Порт-Рузвельт, где нам на минуту открылись стоявшие на рейде океанские лайнеры с красными полосами на трубах и бортах, после чего помчались по мощенным булыжником улицам трущоб мимо темных салунов конца девятнадцатого века с облупившейся позолотой на вывесках. Затем по обе стороны дороги потянулась долина шлака, и я мельком увидел миссис Уилсон, надрывавшуюся у ручного насоса бензоколонки.

Рассекая воздух, словно крыльями, широким

бампером, мы с ходу проскочили половину Астории — однако лишь половину, поскольку не успели мы оказаться среди частокола опорных свай нью-йоркской надземки, как я услышал знакомое тарахтенье мотоцикла, и с нами поравнялся рассерженный полицейский.

— Все в порядке, старина, — прокричал Гэтсби.

Мы остановились. Достав из бумажника какую-то белую карточку, Гэтсби помахал ею перед лицом полисмена.

— Вопросов нет, — кивнул патрульный, вскинув руку к козырьку. — В следующий раз узнаю вашу машину, мистер Гэтсби. Прошу извинить.

— Что это вы ему показали? — поинтересовался я. — Фотографию из Оксфорда?

— Мне как-то довелось оказать услугу начальнику полицейского управления, и теперь каждый год он присылает мне открытку к Рождеству.

За огромным мостом, сквозь фигурные фермы которого пробивалось солнце, играя мириадами зайчиков на стеклах мчавшихся машин, лежал исполинский город, словно выраставший прямо из воды нагромождением сахарно-белых бастионов и башен, воздвигнутых с нерушимой верой в то, что деньги не пахнут. Глядя на город с моста Куинсборо, всегда видишь его словно впервые,

и он всегда, словно в первый раз, сулит тебе все тайны и красоты мира.

Мимо нас проехал катафалк, утопавший в цветах, за ним — два черных экипажа с задернутыми шторками и несколько менее мрачных повозок. Родные и близкие смотрели на нас скорбными взглядами; короткая верхняя губа выдавала в них выходцев из Юго-Восточной Европы. Я порадовался, что вид роскошного авто Гэтсби хоть немного скрасит их печальный выходной. Когда мы пересекали остров Блэкуэлл, нас обогнал лимузин, который вел белый шофер, а сзади сидели трое разодетых по последней моде негров, два парня гангстерского вида и девица. Я расхохотался, когда они, сверкнув белками, покосились на нас ревниво-высокомерными взглядами.

«Теперь всякое может случиться, коль скоро мы проехали этот мост, — подумал я, — что угодно и с кем угодно…»

Даже с Гэтсби — и этому никто особо не удивится.

Бурлящий нью-йоркский полдень. Мы встретились с Гэтсби в прохладном погребке на Сорок второй улице, чтобы пообедать. Часто моргая, дабы привыкнуть к полумраку подвальчика после залитой солнцем улицы, я разглядел его

в вестибюле. Он разговаривал с каким-то человеком.

— Мистер Карраузй, позвольте вам представить — мой друг мистер Вольфсхайм.

Небольшого роста еврей с приплюснутым носом поднял огромную голову и уставился на меня пучками волос, пышно выбивавшихся из его ноздрей. Через пару мгновений мне удалось разглядеть в полутьме его крохотные глазки.

— Я только раз взглянул на него, — произнес мистер Вольфсхайм, крепко пожимая мне руку, — и что бы вы думали, я сделал?

— Что? — вежливо осведомился я.

Однако он явно обращался не ко мне, поскольку выпустил мою руку и вперился в Гэтсби своим колоритным носом.

— Я передал деньги Кацпо и сказал: «Ладно, Кацпо, только не плати ему ни цента, пока он не заткнется». И он так сразу и заткнулся.

Гэтсби взял нас под руки и повел в ресторан. Мистер Вольфсхайм проглотил новую фразу, которую он было начал, и впал в какую-то сомнамбулическую задумчивость.

— Виски с содовой и льдом? — спросил метрдотель.

— Прекрасный здесь ресторанчик, — произнес

мистер Вольфсхайм, разглядывая пресвитерианских нимф на потолке. — Однако мне больше нравится заведение напротив!

— Да, со льдом и содовой, — сказал Гэтсби метрдотелю и повернулся к мистеру Вольфсхайму: — Там слишком душно.

— Душно и тесно — это да, — согласился мистер Вольфсхайм. — Но зато сколько воспоминаний…

— А что это за заведение? — поинтересовался я.

— Старый «Метрополь».

— Старый «Метрополь», — печально протянул мистер Вольфсхайм. — Полный лиц, давно ушедших. Полный друзей, что никогда не вернутся. Сколько буду жив, не забуду ночь, когда там застрелили Рози Розенталя. Мы сидели за столом вшестером, и Рози ел и пил от души. Уже где-то под утро к нему подходит официант и с такой странной улыбочкой говорит, что вас там просят на разговорчик. Ладно, иду, отвечает Рози и начинает вставать, так я его сажаю обратно на стул и говорю: «Если им нужен разговорчик, так пусть эти ублюдки идут сюда, а ты, Рози, и не думай никуда идти, так я тебе говорю». Время подходило к четырем утра, и если бы не жалюзи, то было бы уже светло.

— И он пошел? — простодушно спросил я.

— Конечно, пошел! — Нос мистера Вольфсхайма негодующе дернулся в мою сторону. — У самой двери он обернулся и говорит: «Пусть официант не уносит мой кофе». Потом он вышел на тротуар и получил три пули в брюхо. А те умчались прочь.

— Четверо из них угодили на электрический стул, — заметил я, вспомнив этот известный случай.

— Пятеро, если считать Беккера. — Его ноздри раздулись, выказав заинтересованность. — Я так понимаю, что вы ищете деловые… гм… контакты…

Переход одной фразы в другую просто ошарашил меня, но тут вмешался Гэтсби.

— Нет-нет! — воскликнул он. — Это не тот, о ком вы подумали.

— Разве нет? — огорчился мистер Вольфсхайм.

— Это просто мой друг. Я же говорил вам, что это дело мы обсудим в другой раз.

— Прощенья просим, — буркнул мистер Вольфсхайм. — Я вас с кем-то спутал.

Подали сочное рагу, и мистер Вольфсхайм, вмиг позабыв о сентиментальной атмосфере старого «Метрополя», с яростной утонченностью при-

нялся за еду. В то же время он медленно обводил глазами зал и закончил осмотр, бросив взгляд на сидевших у него за спиной. Я подумал, что, не будь нас рядом, он непременно заглянул бы и под стол.

— Послушайте, старина, — произнес Гэтсби, наклонившись ко мне, — я, случаем, не рассердил вас нынче утром в машине?

Снова появилась его обезоруживающая улыбка, но на сей раз я устоял перед ней.

— Не люблю тайн, — ответил я, — и не понимаю, почему бы вам откровенно не сказать мне, чего вы хотите. Зачем действовать через мисс Бейкер?

— О, здесь решительно нечего понимать, — заверил он меня. — Мисс Бейкер, как вы знаете, известная спортсменка, и она никогда не ввяжется во что-то предосудительное.

Он вдруг взглянул на часы, вскочил и стремительно выбежал из зала, оставив меня наедине с мистером Вольфсхаймом.

— Ему надо позвонить по телефону, — заметил тот, проводив Гэтсби взглядом. — Прекрасный парень, верно? Красавец и настоящий джентльмен.

— Да-да.

— Окончил Оксфорд.

— Вот как!

— Он учился в Оксфордском колледже в Англии. Вы знаете Оксфордский колледж?

— Да, слышал о таком.

— Это один из самых известных колледжей в мире.

— А вы давно знаете Гэтсби? — поинтересовался я.

— Несколько лет, — с довольным видом ответил он. — Я имел удовольствие познакомиться с ним сразу после войны. Поговорив с ним какой-то час, я сразу понял, что передо мной прекрасно воспитанный человек. И я сказал себе: вот такого человека можно пригласить к себе домой и познакомить с матерью и сестрой. — Он помолчал. — Я вижу, вы смотрите на мои запонки.

Я не смотрел на них, но теперь взглянул. Они были сделаны из кусочков слоновой кости, своей формой что-то смутно напоминавших.

— Лучшие образцы человеческих коренных зубов, — просветил он меня.

— Надо же! — Я присмотрелся поближе. — Интересная задумка.

— Да уж. — Он поддернул манжеты, спрятав их под рукавами пиджака. — Гэтсби очень ще-

петилен в отношении женщин. Он никогда не посмотрит на жену друга.

Когда объект этого безграничного доверия вернулся к столику и сел, мистер Вольфсхайм залпом выпил кофе и поднялся.

— Благодарю за угощение, — сказал он. — Должен оставить ваше общество, молодые люди, дабы не злоупотреблять вашим гостеприимством.

— Не торопитесь, Мейер! — запротестовал Гэтсби, впрочем, без особого энтузиазма.

Мистер Вольфсхайм поднял руку, словно благословляя нас.

— Вы очень любезны, но в моем возрасте свои заботы, — торжественно произнес он. — Посидите, поговорите о спорте, о молодых дамах, о… — Он описал воображаемую тему разговора еще одним взмахом руки. — А мне уже пятьдесят, так что не смею более докучать вам своим присутствием.

Когда он жал нам руки и поворачивался, чтобы уйти, его нос трагически подрагивал. Я стал вспоминать, не обидел ли я его каким-то неосторожным словом.

— Иногда он становится очень сентиментальным, — объяснил Гэтсби. — Сегодня на него нашла ностальгия. Он достаточно известная в

Нью-Йорке фигура — в некотором роде бродвейская знаменитость.

— Он что, актер?

— Нет.

— Зубной врач?

— Мейер Вольфсхайм? Нет, он игрок и букмекер. — Гэтсби задумался, словно что-то взвешивая, а потом добавил ледяным тоном: — Это именно он приложил руку к скандалу с «Мировой серией» в 1919 году.

— К скандалу с «Мировой серией»? — остолбенело повторил я.

Его слова повергли меня в шок. Я, конечно, помнил, что в 1919 году результаты игр «Мировой серии» стали итогом череды договорных матчей, но тогда я думал, что все это произошло как бы само по себе и венчало собой целую цепь событий. Мне бы и в голову не пришло, что один-единственный субъект мог обвести вокруг пальца пятьдесят миллионов человек с целеустремленностью взломщика, вскрывшего сейф.

— Как ему это удалось? — спросил я после минутной паузы.

— Он просто воспользовался представившейся возможностью.

— Почему же он не в тюрьме?

— Не было веских доказательств, старина. Он очень хитер и изворотлив.

Я настоял на том, чтобы заплатить по счету. Когда официант принес сдачу, я заметил Тома Бьюкенена в противоположном конце переполненного зала.

— Пойдемте со мной на минутку, — попросил я Гэтсби. — Мне надо кое с кем поздороваться.

Увидев нас, Том вскочил из-за стола и двинулся нам навстречу.

— Ты куда запропастился? — с жаром спросил он. — Дейзи просто вне себя, ведь ты даже не звонишь!

— Позвольте представить… Мистер Гэтсби… Мистер Бьюкенен…

Они обменялись дежурным рукопожатием, и лицо Гэтсби приняло неведомое мне напряженно-смущенное выражение.

— Как жизнь, как дела? — не унимался Том. — Каким ветром тебя сюда занесло?

— Я здесь обедал с мистером Гэтсби.

Я повернулся к мистеру Гэтсби, но тот как сквозь землю провалился.

Как-то раз, в октябре тысяча девятьсот семнадцатого года (начала свой рассказ Джордан Бейкер ближе к вечеру того же дня, сидя подчерк-

нуто прямо на стуле с прямой спинкой в чайном павильоне отеля «Плаза»), я просто так бродила по городу, то и дело сворачивая с тротуаров на газон и обратно. На газоне мне нравилось больше, поскольку на мне были английские туфли с резиновыми шипованными подошвами, которые упруго вминались в мягкую землю. В тот день я решила обновить клетчатую юбку, которая развевалась на ветру, и всякий раз, когда ветер парусил ее, все красно-бело-синие флаги на фасадах домов разворачивались и неодобрительно щелкали и трещали.

Дом Дейзи Фей выделялся среди других самым большим флагом и самой широкой лужайкой. Ей тогда было восемнадцать (она на два года старше меня), и ни одна девушка в Луисвилле не пользовалась таким потрясающим успехом, как она. Она одевалась во все белое и ездила в маленьком белом родстере; в их доме день-деньской звонил телефон, и восторженные молодые офицеры добивались привилегии провести вечер в ее обществе: «Когда угодно, хоть на часок!»

Когда я в то утро оказалась напротив ее дома, родстер стоял на обочине. В нем сидела Дейзи с каким-то лейтенантом, которого я раньше никогда не видела. Они были так поглощены друг

другом, что она не заметила меня, пока я не подошла почти вплотную.

— Привет, Джордан, — неожиданно сказала она. — Подойди к нам, пожалуйста.

Я была польщена тем, что она заговорила первой, поскольку из всех девушек старше меня она мне импонировала больше всего. Она спросила, пойду ли я нынче в Красный Крест свертывать бинты. Я ответила, что да. Ну, тогда не могла бы я передать, что она не сможет прийти? Когда она говорила, офицер смотрел на нее таким взглядом, о каком любая девушка может только мечтать. Мне все это показалось очень романтичным, поэтому я и запомнила тот случай. Звали ее кавалера Джей Гэтсби, и после этого я не видела его четыре с лишним года — даже когда мы встретились с ним на Лонг-Айленде, мне и в голову не пришло, что это тот самый молодой офицер.

Это произошло в девятьсот семнадцатом. На следующий год у меня появились свои ухажеры, я начала участвовать в соревнованиях, так что с Дейзи мы виделись не очень часто. Она встречалась с молодыми людьми чуть постарше, если вообще с кем-либо встречалась. О ней ползли какие-то дикие слухи: будто бы мать застала ее, когда она зимним вечером укладывала чемодан,

чтобы отправиться в Нью-Йорк и проститься с каким-то военным, отбывавшим на фронт в Европу. Никуда ее, разумеется, не пустили, но после этого она несколько недель вообще не разговаривала ни с кем из родни. С военными она больше не встречалась, а переключилась на близоруких молодых людей с плоскостопием, непригодных к армейской службе.

К осени девятьсот восемнадцатого года она вновь обрела свою прежнюю веселость и жизнерадостность. Вскоре после Перемирия 11 ноября состоялся ее первый выход в большой свет, а в феврале пошли разговоры о ее помолвке с каким-то молодым человеком из Нового Орлеана. В июне она вышла замуж за чикагца Тома Бьюкенена, причем свадьбу сыграли с таким блеском и размахом, каких Луисвилл никогда не видывал. Он прибыл с сотней гостей в четырех специально арендованных вагонах, снял целый этаж в отеле «Зельбах», а за день до брачной церемонии преподнес ей жемчужное ожерелье стоимостью в триста пятьдесят тысяч долларов.

Я была подружкой невесты. Зайдя к ней в комнату за полчаса до свадебного застолья, я увидела ее лежащей на кровати, прекрасной, как июньская ночь, в ее убранном цветами платье — и

пьяной в стельку. В одной руке она держала бутылку белого вина, в другой — какое-то письмо.

— П-здравь м-меня, — пролепетала она. — Никогда раньше не пила, а счас до чего ж здорово!

Я перепугалась, честно говорю вам, я никогда не видела девушку в таком состоянии.

— Вот, дор-рогуша. — Она пошарила в мусорной корзине, стоявшей на кровати, и вытащила оттуда жемчужное ожерелье. — Отнеси его вниз и в-верни за-кон-ному в-лдельцу. Да скаж-жи там всем, что Дейзи пер-редумала. Вот так! Дей-зи пер-редумала!

Она заплакала; нет, зарыдала в голос. Я пулей вылетела из комнаты, разыскала служанку ее матери, после чего мы закрылись на ключ и затолкали Дейзи в холодную ванну. Она буквально вцепилась в письмо и так и сидела с ним в ванне, скомкав его в мокрый шарик. Она лишь тогда позволила мне положить его в мыльницу, когда увидела, что бумага расползается, как снежные хлопья.

Но больше она ни слова не сказала. Мы дали ей понюхать нашатыря, положили лед на голову и снова втиснули ее в платье. Через полчаса, когда мы вышли из комнаты, ожерелье красовалось у нее на шее, и инцидент можно было считать ис-

черпанным. Назавтра в пять вечера она как ни в чем не бывало обвенчалась с Томом Бьюкененом и уехала на три месяца в свадебное путешествие по южным морям.

Я встретила их в Санта-Барбаре, когда они уже вернулись, и поймала себя на мысли, что никогда не видела женщины, столь безумно влюбленной в своего мужа. Если он хоть на минуту выходил из комнаты, она начинала беспокойно озираться и спрашивать: «А где же Том?» Она успокаивалась лишь тогда, когда он появлялся в дверях. Она часами сидела на пляже, держа его голову у себя на коленях, нежно массируя ему веки и глядя на него с невообразимым обожанием. Это было столь трогательное зрелище, что так и хотелось тайком прыснуть в кулак, завидуя при этом их счастью. Это было в августе. Через неделю после моего отъезда из Санта-Барбары Том как-то ночью врезался в фургон на Вентура-роуд, при этом у него отлетело переднее колесо. Ехавшая с ним девица тоже попала в газеты, потому что сломала руку — она оказалась одной из горничных гостиницы «Санта-Барбара».

В апреле следующего года Дейзи родила дочку, после чего они на год уехали во Францию. Как-то весной я встретила их в Каннах, чуть позже — в

Довиле, а потом они вернулись в Чикаго и там обосновались. Вы сами знаете, как ее любили в Чикаго. Они вращались в тамошнем свете, среди разгульной золотой молодежи, но ей удалось сохранить совершенно незапятнанную репутацию. Возможно, потому, что она не пьет. Это огромное преимущество — оставаться трезвым в пьяной компании. Никому ничего не сболтнешь, а если и вздумается пошалить, то всегда можно выбрать момент, когда все напились до такой степени, что тебя просто не замечают и всем все равно. Скорее всего, Дейзи никогда не крутила романы на стороне, однако в ее голосе иногда проскальзывает что-то такое…

Так вот, месяца полтора назад она впервые за много лет вновь услышала фамилию Гэтсби. Это было как раз тогда, когда я вас спросила — помните? — знаком ли вам Гэтсби из Уэст-Эгга. После того как вы уехали домой, она вошла ко мне в комнату, разбудила меня и спросила: «Что это за Гэтсби?» Когда я спросонья описала его, она престранным голосом сказала, что это, должно быть, человек, которого она в свое время знала. И только тогда я поняла, что Гэтсби и молодой офицер в ее белом родстере — один и тот же человек.

Когда Джордан Бейкер закончила свою исто-

рию, мы уже с полчаса как вышли из «Плазы» и ехали по Центральному парку в открытом экипаже. Солнце закатилось за небоскребы Западных Пятидесятых улиц, где жили кинозвезды, и в жарких сумерках звенели веселые голоса девчушек, распевавших песенку:

Арабский шейх – да, это я,
Мне отдана любовь твоя,
Когда ты спишь – а я хитер! —
Я прокрадусь к тебе в шатер…

— Какое странное совпадение, — задумчиво проговорил я.

— Никакое это не совпадение.

— Почему же?

— Да потому что Гэтсби специально купил этот дом, чтобы быть рядом с Дейзи — только бухту переплыть.

Значит, в ту июньскую ночь он простирал руки не только к звездам. Он вдруг предстал передо мной живым человеком, освободившись от кокона своего напускного великолепия.

— Он просил узнать, — продолжала Джордан, — не могли бы вы как-нибудь днем пригласить Дейзи к себе, а потом позволить ему заглянуть к вам, словно случайно.

Непритязательность и скромность этой просьбы потрясли меня. Он ждал пять лет и купил особняк, где щедро раздавал сияние звезд ничтожной мошкаре, — и все только для того, чтобы однажды днем «словно случайно заглянуть» в гости к незнакомому человеку.

— И мне надлежало все это узнать, прежде чем он смог бы обратиться ко мне с такой пустяковой просьбой?

— Он боится и стесняется, потому что так долго ждал. Ему кажется, что вы можете оскорбиться. Видите ли, под всей его светскостью скрывается неотесанный простолюдин.

Что-то тут было не так.

— А почему он не попросил вас устроить встречу?

— Он хочет, чтобы она увидела его особняк, — объяснила Джордан. — А ваш дом как раз по соседству.

— Ах вот как!

— Мне кажется, он все время надеялся, что она как-нибудь случайно окажется у него на вечеринке, — продолжала Джордан, — но этого так и не произошло. Тогда он принялся как бы между прочим расспрашивать о ее знакомых, и я оказалась первой, кого он нашел. И в тот самый вечер, когда

уже начались танцы, он послал за мной дворецкого. Знали бы вы, как тщательно он готовился к нашему разговору. Разумеется, я тут же предложила организовать приватный обед в Нью-Йорке, но он отказался. «Я не хочу совершать ничего предосудительного, — твердил он. — Я просто хочу встретиться с ней где-то по соседству». Когда я сказала, что вы с Томом давние приятели и даже родственники, он хотел отказаться от этого плана. О Томе он знает немного, хотя утверждает, что многие годы выписывал чикагские газеты в надежде увидеть там упоминание о Дейзи.

Стемнело, и когда мы нырнули под маленький мостик, я обнял Джордан за загорелое плечо, слегка притянул к себе и пригласил ее на ужин. Мне вдруг захотелось думать не о Дейзи и Гэтсби, а об этой чистой, самоуверенной, ограниченной особе, скептически относившейся к окружающему миру, которая небрежно откинулась на мою руку. В голове у меня застучала навязчивая фраза: «Ты или охотник, или добыча, или действуешь, или устало ждешь своего часа».

— А Дейзи надо тоже иметь какую-то отдушину, — тихо промолвила Джордан.

— Сама-то она хочет увидеться с Гэтсби?

— Она не должна ничего знать. Гэтсби просил.

От вас требуется лишь пригласить ее на чай.

Мы проехали по темной аллее, и вдали бледными квадратами засветились фасады домов на Пятьдесят девятой улице. В отличие от Гэтсби и Тома Бьюкенена, у меня не было дамы сердца, чей эфемерный образ парил бы среди темных карнизов и слепящих огней реклам, так что я крепче обнял девушку, сидевшую рядом. Ее бледные губы насмешливо улыбнулись мне, и я притянул ее еще ближе к своему лицу.

Глава 5

Когда я уже за полночь вернулся к себе в Уэст-Эгг, я на какое-то мгновение перепугался, что у меня горит дом. В два часа ночи вся оконечность полуострова полыхала огнем, который каким-то потусторонним светом выхватывал из темноты заросли кустарника и причудливо змеился в придорожных проводах. Повернув за угол, я увидел, что это особняк Гэтсби сияет огнями от чердака до подвала.

Сначала я решил, что там опять вечеринка, и развеселившиеся гости разбежались по всему дому, играя в прятки или в «сардинки». Однако оттуда не доносилось ни звука. Лишь ветер шумел в листве деревьев, раскачивая их ветви, задевавшие провода, так что огни то гасли, то зажигались вновь, словно дом подмигивал ночной тьме. Когда мое такси с ревом уехало, я увидел Гэтсби, шедшего ко мне прямо по своей лужайке.

— Ваш дом похож на Всемирную выставку, — сказал я.

— Правда? — Он рассеянно оглянулся. — Я просто так прошелся по комнатам. Поедемте на

Кони-Айленд, старина. В моем авто.

— Да поздно уже…

— Ну, тогда давайте окунемся в бассейне, а? Я за все лето так и не удосужился там поплавать.

— Спасибо, но мне пора спать.

— Ну ладно.

Он ждал продолжения разговора, глядя на меня с плохо скрываемым нетерпением.

— Я говорил с мисс Бейкер, — начал я, чуть помедлив. — Я завтра же позвоню Дейзи и приглашу ее к себе на чай.

— О, замечательно, — небрежно обронил он. — Я очень бы не хотел вас обременять.

— Когда вам будем удобно?

— А когда будет удобно вам? — тотчас же поправил он меня. — Вы же понимаете, что я не хочу вас обременять.

— Как насчет послезавтра?

Он на мгновение задумался. Затем как-то нерешительно произнес:

— Надо будет покосить траву.

Мы оба посмотрели на четкую линию, отделявшую буйные заросли моего «газона» от его ухоженной лужайки. Во мне шевельнулась мысль, что речь шла о моем участке.

— И вот еще что… — неуверенно начал он и

умолк.

— Быть может, перенесем чаепитие на несколько дней? — подсказал я.

— О, я не об этом. В любом случае… — Он явно не знал, как начать. — Я вот что подумал… Послушайте, старина, вы ведь не так много зарабатываете, верно?

— Не очень много.

Мои слова, казалось, придали ему решительности, и он продолжил более уверенным тоном:

— Я так и предполагал, и если вы простите мне мою… Видите ли, я тут веду одно небольшое дельце, так, побочная работа, ну, вы понимаете… Так вот, я подумал — коль скоро вы не так много зарабатываете… Вы ведь продаете ценные бумаги, верно, старина?

— Пытаюсь.

— Так вот, это может вас заинтересовать. Времени вы много не потратите, однако сможете прилично заработать. Только учтите, что это дело весьма конфиденциального свойства.

Теперь я понимаю, что в иных обстоятельствах тот разговор мог бы стать поворотным пунктом моей жизни. Однако поскольку предложение было сделано столь явно и бестактно с расчетом на оказание в будущем услуги или услуг, мне

ничего не оставалось, как отказаться от него раз и навсегда.

— У меня уйма работы, — ответил я. — Премного обязан, но я не смогу заниматься чем-то еще.

— Вам не придется иметь никаких дел с Вольфсхаймом. — Очевидно, он решил, что я хочу отмежеваться от «деловых контактов», которые упоминались за обедом, но я заверил его, что он ошибается. Гэтсби немного помедлил, надеясь, что я продолжу разговор, однако я был слишком поглощен своими мыслями, чтобы возобновлять беседу, так что он с явной неохотой направился домой.

После романтического вечера у меня голова кружилась от счастья, так что я заснул, едва коснувшись головой подушки. Поэтому мне неизвестно, отправился ли Гэтсби на Кони-Айленд или же долгие часы «прохаживался по комнатам» своего сияющего огнями особняка. На следующее утро я из конторы позвонил Дейзи и пригласил ее на чай.

— Только не бери с собой Тома, — предупредил я.

— Что-что?

— Приезжай без Тома.

— А кто это — Том? — нарочито удивленно

спросила она.

В назначенный день шел проливной дождь. В одиннадцать утра ко мне в дверь постучал человек в плаще, притащивший с собой газонокосилку, и сказал, что мистер Гэтсби послал его скосить траву у моего дома. Это напомнило мне, что я забыл предупредить свою финку о сегодняшнем чаепитии, так что пришлось поехать в близлежащий поселок, дабы разыскать ее среди промокших улиц с одинаковыми белеными домиками, а также купить чашки, пирожные и цветы.

Последние оказались лишними, поскольку в два часа дня от Гэтсби доставили столько корзин с цветами, что их хватило бы на целую оранжерею. Еще через час распахнулась входная дверь, и в дом вбежал Гэтсби в белом фланелевом костюме, серебристой рубашке и галстуке с золотым отливом. На его бледном лице выделялись темные круги под глазами — следы бессонницы.

— Все в порядке? — тотчас же спросил он.

— Если вы о лужайке, то все просто замечательно.

— Какой лужайке? — не понял он. — А-а, траву покосили…

Он выглянул в окно, однако, судя по выраже-

нию его лица, вообще ничего не увидел.

— Очень даже хорошо, — рассеянно заметил он. — В какой-то газете нынче писали, что дождь прекратится около четырех. По-моему, в «Джорнал». У вас все готово для… чая?

Я повел его в кладовую, где он несколько неодобрительно посмотрел на финку. Вместе с ним мы тщательно изучили двенадцать лимонных пирожных из кондитерской.

— Такие подойдут? — спросил я.

— Конечно, конечно! Все просто замечательно! — воскликнул он и вдруг глухо добавил: — Старина…

К половине четвертого дождь сменился туманной моросью, в которой изредка проскальзывали капли, похожие на росу. Гэтсби рассеянно перелистывал «Экономику» Клэя, каждый раз вздрагивая, когда финка принималась тяжело топать на кухне, и время от времени поглядывая в покрытые бисером дождевых капель окна, словно снаружи происходили какие-то невидимые глазу, не сулившие ничего хорошего события. Наконец он поднялся и неуверенным тоном объявил, что уходит домой.

— Отчего же?

— К чаю уже никто не приедет. Слишком позд-

но! — Он посмотрел на часы с таким видом, словно опаздывал на какую-то важную встречу. — Я не могу ждать целый день.

— Не глупите, сейчас всего лишь без двух четыре.

Он покорно сел в кресло, словно я его толкнул туда, и в то же мгновение раздался рев машины, сворачивавшей к дому. Мы оба вскочили на ноги, и я, сам немного взвинченный, вышел во двор.

По дорожке под ронявшими вниз крупные капли отцветшими кустами сирени ехала большая открытая машина. Она остановилась, и из-под треугольной шляпки нежно-лилового цвета выглянуло личико Дейзи, на котором сияла ослепительно-радостная улыбка.

— Так вот ты где обосновался, дорогой мой!

Волнующее журчание ее голоса органично вплеталось в негромкий шелест небесных струй. Сперва я воспринял на слух лишь интонации с плавным переходом тона и только потом услышал сами слова. На ее щеке мазком синеватой краски лежала мокрая прядь волос, бисеринки капель блестели на руке, поданной мне, когда я помогал ей выйти из кабриолета.

— Ты наверняка в меня влюбился, — прошептала она мне на ухо. — Иначе зачем мне приезжать

одной?

— Это тайна замка с привидениями. Скажи своему шоферу, чтобы он с часок где-нибудь покатался.

— Вернетесь через час, Ферди. — Затем гробовым шепотом: — Его зовут Ферди.

— А у него нет идиосинкразии на бензин?

— По-моему, нет, — простодушно ответила она. — С чего бы это вдруг?

Мы вошли в дом. К моему величайшему удивлению, в гостиной никого не было.

— Вот это здорово! — воскликнул я.

— Что здорово?

Раздался негромкий, но настойчивый стук в дверь, и она оглянулась. Я отправился открывать. На пороге в луже воды стоял Гэтсби, бледный как смерть, и смотрел на меня трагическим взором. Его сжатые в кулаки руки, засунутые в карманы, торчали в разные стороны, словно гири.

Не вынимая рук из карманов, он прошествовал мимо меня в прихожую, затем резко повернулся, как на пружинах, и скрылся в гостиной. Мне стало совсем не смешно. С громко бьющимся сердцем я подошел к двери, за которой снова разошелся дождь, и закрыл ее.

Примерно с полминуты стояла мертвая ти-

шина. Затем из гостиной донесся какой-то сдавленный шепот, затем смешок, после чего я услышал, как Дейзи ровным и неестественным голосом сказала:

— Я действительно ужасно рада, что мы снова встретились.

Последовала пауза, которой, казалось, не будет конца. В прихожей мне делать было решительно нечего, так что я вошел в гостиную.

Гэтсби, все так же засунув руки в карманы, стоял, прислонившись к камину, всеми силами стараясь придать себе непринужденно-скучающий вид. Он так сильно откинул голову, что она упиралась в циферблат давным-давно остановившихся каминных часов, и оттуда смущенным взглядом взирал на Дейзи, сидевшую на краешке жесткого стула, несколько испуганную, но, как всегда, элегантную.

— Мы когда-то прежде встречались, — пробормотал Гэтсби.

Он мельком взглянул на меня, и губы его шевельнулись, тщетно пытаясь изобразить некое подобие улыбки. К счастью, разрядить обстановку помогли часы, которые угрожающе накренились и непременно бы упали, если бы Гэтсби не повернулся, не подхватил их дрожащими пальцами и

не водворил на место. Затем он сел, неестественно выпрямив спину, положив руку на подлокотник дивана и оперевшись подбородком на ладонь.

— Прошу прощения за часы, — произнес он.

Лицо у меня вспыхнуло ярким пламенем. В голове вихрем проносились тысячи банальных ответов, но я не смог выбрать из них ни одного.

— Это старые часы, — объявил я с идиотским видом.

Мне показалось, что мы на какое-то мгновение поверили, что они упали на пол и разлетелись вдребезги.

— Когда же мы в последний раз виделись? — спросила Дейзи сухим, несколько отстраненным голосом.

— В ноябре пять лет исполнится.

Четкий, словно щелчок арифмометра, ответ Гэтсби заставил нас замолчать по меньшей мере на минуту. Вконец отчаявшись, я попросил их помочь мне на кухне приготовить чай, но не успели мы встать, как в дверях выросла угрюмая финка с подносом в руках.

Возникшая неразбериха с расстановкой чашек и раскладыванием пирожных оказалась очень кстати, и вскоре воцарилась атмосфера хотя бы напускной непринужденности. Пока мы с Дейзи

болтали, Гэтсби отступил в тень и смущенно глядел на нас напряженным и каким-то несчастным взором. Однако, не считая воцарившееся спокойствие конечной целью, я при первой же представившейся возможности извинился и встал из-за стола.

— Вы далеко? — встревоженно спросил Гэтсби.

— Я скоро вернусь.

— Мне надо поговорить с вами, прежде чем вы уйдете.

Он широкими шагами проследовал за мной на кухню, закрыл дверь и горестно прошептал:

— О Господи!

— В чем дело?

— Это ужасная ошибка, — произнес он, качая головой. — Страшная, чудовищная ошибка.

— Вы просто растерялись, вот и все, — ответил я и, по счастью, добавил: — Дейзи тоже смутилась.

— Смутилась? — недоуменно переспросил он.

— Точно так же, как и вы.

— Тише, не так громко.

— Вы ведете себя, как мальчишка, — нетерпеливо вразумлял я его. — К тому же очень невежливо. Дейзи там одна скучает.

Он поднял руку, чтобы остановить поток моих наставлений, посмотрел на меня с укором, кото-

рый трудно забыть, осторожно открыл дверь и вернулся в гостиную.

Я вышел через заднюю дверь — так же, как разнервничавшийся Гэтсби полчаса назад отправился на обход дома — и побежал к огромному дереву с темными, узловато закрученными ветвями: густая листва могла послужить защитой от дождя. Снова полило как из ведра, и моя неровная лужайка, подстриженная садовником Гэтсби, превратилась в скопище мутных болотцев и доисторических топей. Смотреть оттуда было не на что, кроме как на огромный особняк Гэтсби, так что добрых полчаса я таращился на него, словно Кант на колокольню собора. Лет десять назад, в период повального увлечения европейской архитектурой, его построил какой-то пивовар. Поговаривали, что он согласился платить налоги за всех соседей в течение пяти лет, если те покроют свои крыши соломой. Возможно, их отказ разрушил все его планы стать родоначальником «благородного семейства», после чего он быстро разорился и умер. Его дети продали дом, когда на дверях еще висел погребальный венок. Американцы, иногда готовые стать крепостными, никогда не соглашаются сделаться крестьянами.

Примерно через полчаса снова выглянуло солн-

це, и к дому Гэтсби вырулил фургон бакалейщика с продуктами для ужина слуг — я был уверен, что хозяину кусок в горло не полезет. Служанка начала по очереди открывать окна на верхнем этаже, выглядывая из каждого из них, и, высунувшись из огромного центрального эркера, задумчиво сплюнула вниз. Пора было возвращаться. Пока шел дождь, мне казалось, что я слышу их приглушенные голоса, то и дело взлетавшие ввысь от избытка чувств. Но в наступившей тишине я почувствовал, что в доме тоже воцарилось молчание.

Я вошел в гостиную, предварительно основательно пошумев на кухне (разве что плиту не перевернув), но мне показалось, что они не услышали ни звука. Они сидели в противоположных углах дивана, глядя друг на друга так, словно был задан вопрос или он вот-вот прозвучит. От былого смущения не осталось и следа. На лице Дейзи виднелись полоски от слез, и когда я вошел, она вскочила на ноги и начала стирать их платком, глядя в зеркало. Однако больше всего меня поразила перемена, произошедшая с Гэтсби. Он буквально светился, не произнося при этом ни слова и оставаясь неподвижным, но все его существо излучало какое-то неведомое мне раньше

блаженство и умиротворение.

— О, здравствуйте, старина! — воскликнул он, словно мы не виделись много лет. На мгновение мне показалось, что он встанет и пожмет мне руку.

— Дождь перестал.

— Разве? — Когда он понял, о чем я, и заметил метавшиеся по комнате солнечные зайчики, он улыбнулся, словно метеоролог или ревностный солнцепоклонник, и повторил эту новость Дейзи: — Что вы об этом думаете? Дождь перестал.

— Я очень рада, Джей. — В ее грустном и полном тоски голосе послышалась неожиданная радость.

— Я приглашаю вас с Дейзи ко мне, — произнес он. — Хочу показать ей дом.

— Вы уверены, что мое присутствие обязательно?

— Абсолютно уверен, старина.

Дейзи поднялась наверх, чтобы умыться (я с запоздалым ужасом вспомнил о своих полотенцах), а мы с Гэтсби стали ждать ее на лужайке.

— Неплохо смотрится мой дом, а? — спросил он. — Смотрите — весь фасад на солнечную сторону.

Я согласился, что вид просто великолепный.

— Да… — Он тщательнейшим образом осмотрел свое владение, не пропустив ни единой арочки или башенки. — Я целых три года работал, чтобы купить его.

— Мне казалось, что вы унаследовали свое состояние.

— Верно, старина, — машинально кивнул он, — однако я лишился большей его части во время неразберихи, связанной с войной.

Я подумал, что он едва ли отдает себе отчет в том, что говорит, поскольку, когда я спросил его, чем он занимается, он ответил: «Это мое личное дело», но тут же спохватился, поняв свою бестактность.

— О, я много чем занимался, — быстро поправился он. — Сначала фармацевтикой, потом нефтяным бизнесом. Но это все в прошлом. — Он вдруг внимательно посмотрел на меня. — Вы хотите сказать, что задумывались над моим недавним предложением?

Не успел я ответить, как из дома вышла Дейзи; два ряда металлических пуговиц на ее платье ослепительно сверкали на солнце.

— Это вон тот огромный дом?! — воскликнула она, указывая на особняк.

— Вам нравится?

— Очень, но я не представляю, как вы живете там совсем один.

— Мой дом всегда открыт для гостей, день и ночь. Здесь бывают очень интересные люди и всякие знаменитости.

Вместо того чтобы идти напрямик по берегу пролива, мы кружным путем выбрались на дорогу и вошли через боковой вход. Очаровательно воркуя, Дейзи восхищалась видами с разных точек и любовалась средневековым силуэтом здания на фоне неба. Сад привел ее в полный восторг: пьянящий аромат нарциссов, искристый запах цветущего боярышника и слив, бледно-золотистое благоухание жимолости. Подойдя к мраморным ступеням, мы остановились. Было очень странно не видеть вихря ярких платьев, носившегося в дом и обратно, и не слышать ничего, кроме пения птиц в густой листве деревьев.

Внутри, когда мы бродили по музыкальным гостиным в стиле Марии-Антуанетты и салонам в стиле Реставрации, мне казалось, что за каждым диваном и под каждым столом прячутся гости, которым строго-настрого приказано молчать, пока мы не пройдем. Когда Гэтсби закрывал дверь «университетской библиотеки», я мог поклясться, что услышал зловещий смех очкастого

посетителя.

Мы поднялись наверх и пошли по бесчисленным спальням, убранным розовым и бледно-лиловым шелком, где стояли свежие цветы, по гардеробным и бильярдным, по купальням с утопленными в пол ваннами. В одной из комнат мы обнаружили мужчину в пижаме с взъерошенными волосами, лежавшего на полу и делавшего лечебную гимнастику. Это был мистер Клипспрингер по прозвищу Постоялец. Тем утром я видел, как он с голодным видом слонялся по пляжу. Наконец мы оказались в апартаментах самого Гэтсби, состоявших из спальни, ванной и кабинета в неоклассическом английском стиле, где мы присели и выпили по рюмке ликера, который он достал из стенного бара.

Во все время этой экскурсии он не сводил глаз с Дейзи, и мне показалось, что он заново оценивал все содержимое своего особняка в зависимости от того, как на ту или иную вещь реагировали столь любимые им глаза. Иногда он изумленно взирал на свои владения, как будто ее нежданное, но несказанно обрадовавшее его появление сделало их чем-то нереальным. Один раз он чуть было не упал с лестницы.

Его спальня отличалась самым скромным

убранством, за исключением комода с зеркалом, украшением которого служил туалетный набор из матового золота. Дейзи с восторгом схватила щетку и принялась приглаживать волосы, в то время как Гэтсби сел, прикрыл глаза рукой и засмеялся.

— Вот ведь забавно, старина! — весело воскликнул он. — Сам не могу… едва лишь попытаюсь…

Судя по всему, он прошел две стадии перемены настроения и теперь вступал в третью. После смущения и некой неосознанной радости его поглотило чудо ее присутствия рядом с ним. Он так долго его предвкушал, в своих мечтах он выверил его до малейшей мелочи, он ждал его, так сказать, стиснув зубы, каждую секунду находясь в невероятном напряжении. И вот теперь, казалось, в нем, как в часах, лопнула сильно закрученная пружина.

Через минуту, несколько придя в себя, он открыл два массивных платяных шкафа с бесчисленными костюмами, халатами, галстуками и рубашками, сложенными в штабеля, словно кирпичи, по дюжине в каждом.

— У меня в Англии есть человек, который подбирает мне одежду. Он высылает мне новую коллекцию к началу каждого сезона — весной

и осенью.

Он вытащил стопку рубашек и стал одну за другой разбрасывать их перед нами: рубашки из тончайшего льняного полотна, плотного шелка и легкой фланели. Они разворачивались на лету и беспорядочно устилали стол яркой разноцветной мишурой. Пока мы наслаждались этим великолепием, он стал вытаскивать новые стопки, и пышный холм начал расти: рубашки в полоску, в клетку, в каких-то завитушках; ярко-красные, нежно-зеленые, светло-лиловые и светло-оранжевые, с монограммами темно-синего цвета. Дейзи, вдруг жалобно застонав, зарылась лицом в рубашки и бурно разрыдалась.

— Такие дивные рубашки, — всхлипывала она сквозь приглушавшие ее плач складки материи. — Мне так грустно, потому что я никогда раньше не видела таких… таких прекрасных рубашек.

После дома по плану шли плавательный бассейн, гидроплан, лужайки и многочисленные клумбы, однако снова начался дождь, и мы стояли у окна, глядя на вспененные мелкой рябью воды пролива.

— Если бы не туман, мы бы увидели ваш дом на том берегу бухты, — сказал Гэтсби. — У вас на

краю причала по ночам всегда горит зеленый огонек.

Дейзи вдруг взяла его под руку, но он, казалось, был поглощен своими мыслями. Возможно, он подумал, что некогда имевший для него громадное значение огонек теперь утратил всякий смысл. Долгое время этот огонек был, казалось, совсем рядом с ней, чуть ли не касался ее, словно звезда, касающаяся луны. Теперь он снова стал обычным сигнальным огнем на причале. Число обожаемых Гэтсби предметов уменьшилось на одну единицу.

Я принялся разгуливать по комнате, рассеянно разглядывая в полутьме все, что попадалось на глаза. Мое внимание привлекла висевшая над письменным столом фотография пожилого мужчины в костюме яхтсмена.

— Кто это?

— Это? Мистер Дэн Коуди, старина.

Имя показалось мне знакомым.

— Он уже умер. Когда-то он был моим лучшим другом.

На комоде стояло маленькое фото Гэтсби, тоже в костюме яхтсмена, с дерзко откинутой назад головой. На вид ему там было лет восемнадцать.

— Какая прелесть! — воскликнула Дейзи. —

«Помпадур»! Понятия не имела, что вы носили прическу «помпадур»! И о яхте вы мне никогда не рассказывали!

— Взгляните сюда, — быстро проговорил Гэтсби. — Здесь целая пачка газетных вырезок — и все про вас.

Они стали вместе рассматривать их. Я хотел было спросить про рубины, как вдруг зазвонил телефон. Гэтсби взял трубку.

— Да… Нет, сейчас не могу… Не могу говорить, старина… Я же сказал — маленький городок… Он должен знать, что это такое… Ну, тогда он нам не подходит, если считает Детройт маленьким городком…

Он повесил трубку.

— Быстрее сюда! — крикнула Дейзи от окна.

Дождь все еще шел, но на западе тучи разошлись, и над морем заклубились золотисто-розовые облака.

— Вы только посмотрите, — прошептала она и через мгновение продолжила: — Как бы мне хотелось взять такое розовое облачко, посадить вас туда, а потом крутить его.

Я попытался было уйти, но они и слышать не хотели: возможно, в моем присутствии они куда больше чувствовали себя наедине друг с другом.

— Я знаю, что нам делать, — встрепенулся Гэтсби. — Мы заставим Клипспрингера поиграть нам на рояле.

Он вышел из комнаты с криками «Юинг! Юинг!» и через несколько минут вернулся вместе со смущенным и несколько помятым молодым человеком в роговых очках и с взъерошенными светлыми волосами. Теперь он выглядел более-менее прилично в спортивной рубашке с открытым воротом, теннисных туфлях и парусиновых брюках с каким-то звездно-серебристым отливом.

— Мы не оторвали вас от гимнастики? — учтиво осведомилась Дейзи.

— Я уснул, — смущенно оправдывался мистер Клипспрингер. — То есть я спал. Потом я проснулся…

— Клипспрингер играет на рояле, — перебил его Гэтсби. — Ведь так, старина Юинг?

— Я не очень хорошо играю. Я… почти не умею… Я давно не иг…

— Идемте вниз, — не унимался Гэтсби.

Он щелкнул выключателем, серые окна вмиг исчезли, и весь дом озарился ярким светом.

В музыкальной гостиной Гэтсби включил лишь лампу у рояля. Трепетной рукой он поднес спичку

к сигарете Дейзи, затем они сели на диван в другом конце комнаты, куда доносились лишь блики света от натертого до блеска пола в коридоре.

Сыграв «Любовное гнездышко», Клипспрингер повернулся на табурете и стал несчастным взором искать Гэтсби в полумраке гостиной.

— Вы же видите, я давно не играл. Я же говорил, что почти не умею. Я давно не иг…

— Меньше слов, старина, — скомандовал Гэтсби. — Играйте!

И рано утром,

И поздно ночью

Мы развлекаемся, порою слишком…

За окном завывал ветер, и над проливом глухо перекатывались раскаты грома. В Уэст-Эгге зажглись все огни, переполненные электрички прорывались сквозь дождь, везя пассажиров из Нью-Йорка домой. Настал час очередного витка в круговороте людского мира, и в воздухе скапливалось какое-то нетерпеливое ожидание.

При этом их становится все больше:

У богачей – деньжат, у бедных – ребятишек.

Всем ясно это,

Понятно очень...

Когда я подошел проститься, я заметил, что лицо Гэтсби вновь обрело смущенное выражение, словно он сомневался, наяву ли свалившееся на него счастье. Почти пять лет! Вероятно, даже в тот день бывали мгновения, когда Дейзи не соответствовала женщине его мечты — и не по своей вине, а из-за колоссальной силы созданной им иллюзии, которая была идеальнее ее самой, идеальнее всего на свете. Он погрузился в свою иллюзию со всей страстью творца, неустанно совершенствуя ее и связывая ее со всеми радостными событиями своей жизни. Никакое пламя или шквальный ветер не в силах разрушить то, что человек хранит в потаенных уголках своей души.

И все же мне показалось, что он немного совладал с собой. Он взял ее за руку и, когда она что-то прошептала ему на ухо, резко повернулся к ней, явно переполняемый чувствами. Мне кажется, что он тянулся к ее голосу с его лихорадочно-вибрирующим жаром, который не оставлял никаких сомнений — в нем звучала бессмертная песнь.

Обо мне они забыли, хотя Дейзи посмотрела на меня и протянула на прощание руку; для Гэтсби я на время вообще перестал существовать. Я еще

раз взглянул на них, и они ответили мне какими-то отрешенными взорами, погруженными внутрь себя. Я вышел из комнаты, спустился по мраморным ступеням и нырнул под дождь, оставив их наедине.

Глава 6

Примерно в ту же пору некий молодой амбициозный репортер из Нью-Йорка как-то утром появился у дверей Гэтсби и спросил, может ли тот что-либо сказать.

— О чем именно? — учтиво поинтересовался Гэтсби.

— Ну… сделайте какое-нибудь заявление.

После пятиминутного замешательства и наводящих вопросов выяснилось, что репортер услышал имя Гэтсби где-то у себя в редакции в связи с чем-то таким, о чем он или не хотел распространяться, или сам до конца не понял. И вот в свой выходной он с достойным похвалы любопытством поспешил разузнать, что к чему.

Это был своего рода выстрел наудачу, однако журналистское чутье не подвело молодого человека. Сомнительная известность Гэтсби росла в течение всего лета, пока он чуть было не попал на первые полосы газет. Росту его скандальной славы способствовали сотни людей, пользовавшихся его гостеприимством и на этом основании считавших себя знатоками его прошлого. Его

имя постоянно обрастало свежими небылицами вроде «подземного трубопровода в Канаду»; ходили упорные слухи о том, что он живет вовсе не в особняке, а на огромной яхте размером с дом, тайно курсирующей вдоль берегов Лонг-Айленда. Трудно сказать, почему подобные домыслы тешили самолюбие Джеймса Гетца из Северной Дакоты.

Его звали Джеймс Гетц — по крайней мере, это имя значилось в его метрике. Он поменял его в семнадцать лет, в судьбоносный момент, ставший началом его карьеры — когда он увидел, что яхта Дэна Коуди бросила якорь на самой коварной отмели озера Верхнее. Именно Джеймс Гетц в тот день слонялся по берегу, одетый в рваную зеленую фуфайку и парусиновые штаны, но уже Джей Гэтсби у кого-то попросил или украл гребную шлюпку, подошел на ней к борту «Туоломеи» и сообщил Коуди, что через полчаса налетит ветер и в щепки разнесет его посудину.

Мне кажется, что это имя он заготовил себе давным-давно, задолго до того памятного случая. Его родители были заурядными и неудачливыми фермерами — в глубине души он никогда не воспринимал их как отца и мать. По сути дела, Джей Гэтсби из Уэст-Эгга, Лонг-Айленд, являлся

порождением идеального представления Джеймса Гетца о самом себе. Он был своего рода Сыном Божьим — в самом прямом смысле слова — с предназначением исполнять волю Отца Своего, выражавшуюся в служении безграничной, тривиальной и нарочито безвкусной красоте. Поэтому он придумал Джея Гэтсби, который полностью соответствовал фантазиям семнадцатилетнего юнца, и этому образу остался верен до конца.

Больше года он скитался по южному побережью озера Верхнее, добывал моллюсков, ловил лосося, не брезгуя никакой работой, чтобы добыть себе пищу и кров. Его смуглое тело естественным образом закалялось то в изнуряющих, то в неторопливых трудах тех дней, когда он получал бесценные жизненные уроки. Он рано познал женщин и, поскольку они его избаловали, стал презирать их: юных девственниц — за их неопытность, всех остальных — за истерики и визг по поводу того, что он, в своем неуемном самолюбовании, считал чем-то само собой разумеющимся.

Но дух его пребывал в постоянном и необузданном смятении. По ночам его преследовали затейливые и причудливые видения. На умывальнике тикали часы, лунный свет лил бледно-молочную влагу на ворох его одежды, брошенной на пол.

А в это время его внутреннему взору открывалась ослепительно яркая и красочная вселенная. Каждую ночь он добавлял к своим фантазиям витиеватые узоры, пока сон не окутывал его забвением, прервав очередную тщеславную мечту. Некоторое время эти видения служили своего рода отдушиной для его воображения, убеждая в иллюзорности его тогдашнего бытия и утверждая в мысли о том, что весь мир незыблемо покоится на крыльях феи.

За несколько месяцев до того инстинктивное стремление к славе привело его в небольшой лютеранский колледж Святого Олафа на юге Миннесоты. Там он продержался две недели, возмущенный нестерпимым равнодушием к барабанам его судьбы, к судьбе вообще и унизительной работой дворника, за которую пришлось взяться, чтобы платить за обучение. После этого он снова подался на озеро Верхнее и все еще подыскивал себе хоть какую-то работу, когда на отмели бросила якорь яхта Дэна Коуди.

В ту пору Коуди было пятьдесят лет. Он прошел серебряные прииски Невады, Юкон, все «золотые» и прочие лихорадки начиная с 1875 года. Операции с монтанской медью, сделавшие его мультимиллионером, благотворно повлияли на

его физическую форму, но поставили на грань психического расстройства, чем не преминули воспользоваться во множестве увивавшиеся вокруг него женщины, пытавшиеся разлучить его с капиталом. В 1902 году вся бульварная пресса смаковала пикантные подробности ухищрений, с помощью которых журналистка Элла Кей утвердилась в статусе фаворитки и опекунши при слабоумном миллионере и отправила его путешествовать на яхте. Коуди уже пять лет плавал вдоль многочисленных гостеприимных берегов, и вот он появился в заливе Литтл-Герл и стал для Джеймса Гетца вестником судьбы.

Юному Гетцу, табанившему веслом и смотревшему снизу вверх на ограждение палубы, яхта представлялась воплощением всей красоты и сияния мира. Мне кажется, он улыбнулся Коуди — к тому времени он, возможно, усвоил, что людям нравится его улыбка. В любом случае Коуди задал ему несколько вопросов (ответом на один из них стало его новое имя) и понял, что юноша расторопен и чрезвычайно честолюбив. Через несколько дней он поехал с ним в Дулут, где купил ему синюю куртку, шесть пар белых парусиновых штанов и фуражку яхтсмена. А когда «Туоломея» отправилась к берегам Вест-Индии и

к южному побережью Средиземного моря, на ее борту находился Гэтсби.

Его обязанности менялись в зависимости от обстановки: на службе у Коуди он попеременно был то стюардом, то первым помощником, то шкипером, то секретарем и даже тюремщиком. Ведь трезвый Дэн Коуди прекрасно знал, на какие выкрутасы способен Дэн Коуди пьяный, и ограждал себя от непредвиденных последствий, все больше и больше доверяясь Гэтсби. Эта служба продолжалась пять лет, за которые яхта три раза обошла вокруг континента. Она продолжалась бы гораздо дольше, если бы в Бостоне Элла Кей однажды ночью не взошла на борт «Туоломеи». Через неделю Дэн Коуди, проявив «негостеприимство», скоропостижно скончался.

Я помню его портрет, висевший в спальне Гэтсби: седой румяный человек с суровым лицом и пустым взглядом. Этакий первопроходец-дебошир, в свое время вернувший на Восточное побережье необузданную жестокость и разврат салунов и борделей Дикого Запада. Отчасти благодаря Коуди Гэтсби так мало пил. Иногда на веселой вечеринке женщины обрызгивали его шампанским, но сам он позволял себе лишь немного ликера.

Именно Коуди оставил ему наследство — ему причиталось двадцать пять тысяч долларов. Их он не получил. Он так и не понял сути юридической казуистики, использованной против него, однако все, что осталось от миллионов, целиком отошло Элле Кей. Ему пришлось довольствоваться бесценным жизненным опытом; неясный образ Джея Гэтсби наполнился содержанием и стал реальным человеком.

Он рассказал мне все это гораздо позже, однако я решил поместить его рассказ именно здесь с целью развеять совершенно дикие слухи о его прошлом, в которых нет ни капли правды. Более того, он рассказал мне свою историю в период некоторого замешательства, когда я достиг той черты, что мог поверить всему, что о нем говорят, или не поверить ничему. Поэтому я воспользуюсь этим небольшим отступлением, пока Гэтсби, так сказать, переводит дух, чтобы раз и навсегда покончить с этими недоразумениями.

Некоторая пауза возникла и в нашем с ним общении. Я не видел его несколько недель, мы даже не перезванивались. Почти все время я проводил в Нью-Йорке, гуляя с Джордан и пытаясь втереться в доверие к ее престарелой тетке. Наконец как-то воскресным днем я направился к

его особняку. Не прошло и двух минут, как кто-то привел Тома Бьюкенена, чтобы выпить с ним. Я, разумеется, поразился этому, но по-настоящему удивительным было то, что подобное не произошло раньше.

Они прибыли втроем верхом на лошадях: Том, какой-то мужчина по фамилии Слоун и хорошенькая особа в коричневой амазонке, которой доводилось бывать здесь раньше.

— Очень рад вас видеть, — произнес Гэтсби, стоя на парадном крыльце. — Весьма польщен тем, что вы ко мне заглянули.

Словно это их волновало!

— Прошу садиться. Сигареты, сигары? — Он быстро заходил по комнате, звоня в колокольчик. — Через минуту принесут чего-нибудь выпить.

Он очень разволновался, видя Тома у себя. Однако он все равно бы не успокоился, пока не угостил их, смутно осознавая, что именно за этим они и явились. Мистер Слоун от всего отказывался. Лимонад? Нет, спасибо. Шампанское? Спасибо, ничего не надо… Извините…

— Вы довольны прогулкой?

— Здесь у вас прекрасные дороги.

— Полагаю, что автомобили…

— Да…

Повинуясь какому-то необоримому порыву, Гэтсби повернулся к Тому, который вел себя так, словно их только что познакомили.

— Мне кажется, что мы с вами где-то встречались, мистер Бьюкенен.

— Да-да, — резко, но вежливо ответил Том, очевидно, так ничего и не вспомнив. — Конечно же. Прекрасно помню.

— Примерно недели две назад.

— Точно. Вы еще были с Ником.

— Я знаком с вашей супругой, — продолжил Гэтсби почти с вызовом.

— Вот как?

Том повернулся ко мне.

— Ты ведь живешь где-то рядом, Ник?

— По соседству.

— Вот как?

Мистер Слоун не ввязывался в разговор и сидел, самодовольно развалившись на стуле. Дама тоже не говорила ни слова, пока вдруг после двух коктейлей на нее не нашло благодушие.

— Мы все прибудем на вашу следующую вечеринку, мистер Гэтсби, — произнесла она. — Что скажете?

— Ну разумеется. Буду искренне рад видеть

вас у себя.

— Оч-хорошо… — отозвался мистер Слоун без какого-либо намека на благодарность. — Ну… Нам пора по домам…

— Побудьте еще немного, — настаивал Гэтсби. Он уже овладел собой, и ему хотелось подольше пообщаться с Томом. — Отчего бы вам… не остаться к ужину? Не удивлюсь, если приедет еще кто-нибудь из Нью-Йорка.

— А поедемте ужинать ко мне, — с подъемом в голосе предложила дама. — Вы оба.

Это «оба» относилось и ко мне. Мистер Слоун поднялся.

— Поехали, — сказал он, обращаясь только к ней.

— Я серьезно, — настаивала она. — Как мило будет видеть вас у себя. Места на всех хватит.

Гэтсби вопросительно посмотрел на меня. Ему хотелось поехать, и он, кажется, не заметил, что мистер Слоун уже решил этот вопрос отрицательно.

— Боюсь, что не смогу, — ответил я.

— Ну же, едемте, — не отставала она от Гэтсби.

Мистер Слоун что-то пробормотал ей на ухо.

— Мы не опоздаем, если выедем прямо сейчас, — вслух огрызнулась она.

— У меня нет лошади, — сказал Гэтсби. — В армии я ездил верхом, но здесь лошадью так и не обзавелся. Мне придется следовать за вами на авто. Прошу прощения, я вернусь буквально через минуту.

Мы вчетвером вышли на крыльцо, где Слоун и дама начали пререкаться друг с другом.

— Господи, он и вправду собрался ехать, — произнес Том. — Неужели не понимает, что он ей ни к черту не нужен?

— Она сказала, что очень даже нужен.

— Она дает большой званый ужин, а он там вообще никого не знает. — Том нахмурился. — Чертовски интересно, где он познакомился с Дейзи. Клянусь Богом, я, наверное, старомоден, но мне совсем не нравится, что нынче женщины слишком много разъезжают сами по себе и знакомятся со всякими подозрительными типами.

Внезапно мистер Слоун с дамой спустились по ступеням и сели на лошадей.

— Поехали! — крикнул мистер Слоун Тому. — Мы опаздываем. Пора в путь. — Затем мне: — Скажите ему, что мы не могли так долго ждать, хорошо?

Я пожал Тому руку, в отношении остальных ограничившись холодными кивками, и они сразу

же понеслись рысью по подъездной аллее. Не успели они исчезнуть под покровом густой августовской листвы, как из парадных дверей вышел Гэтсби с легким пальто и шляпой в руках.

Тома, очевидно, очень беспокоило, что Дейзи слишком много разъезжает одна, так что в следующую субботу он приехал на вечеринку к Гэтсби вместе с ней. Возможно, его присутствие привнесло нечто тягостное и гнетущее в обыкновенно праздничную атмосферу. Тот вечер запомнился мне непохожим на остальные приемы, которые Гэтсби давал тем летом. Там были те же люди — по крайней мере, люди того же круга, — так же рекой лилось шампанское, так же буйно веселилась разноцветная толпа гостей. Однако я чувствовал, что в воздухе настойчиво витало нечто неприятное и даже зловещее, чего раньше никогда не ощущал. Возможно, я просто уже привык и начал воспринимать Уэст-Эгг как некий мир в себе со своими ценностями и своими кумирами, мир непревзойденный и идеальный, поскольку он сам этого не осознавал, и теперь снова взирал на него, на сей раз глазами Дейзи. Невыразимо грустно смотреть свежим взглядом на то, с чем ты уже успел свыкнуться ценой немалых трудов.

Они приехали уже на закате дня, и когда мы гуляли среди шумных и нарядных гостей, Дейзи издавала какие-то мурлыкающие звуки.

— Здесь так все здорово, — шептала она. — Если тебе этим вечером захочется меня поцеловать, дай мне знать, Ник, и я это с радостью устрою. Просто произнеси мое имя. Или предъяви зеленую карточку. Я выдаю зеленые…

— Смотрите по сторонам, — порекомендовал Гэтсби.

— Я и смотрю. Здесь так шикарно…

— Возможно, вы воочию увидите тут многих, о ком раньше только слышали.

Том ощупывал толпу бесцеремонным взглядом.

— Мы не очень-то много выезжаем, — ответил он. — Думаю, на самом деле я вообще здесь никого не знаю.

— Возможно, вы узнаете вон ту даму. — Гэтсби указал на роскошную красавицу, больше похожую на орхидею, чем на женщину, неподвижно сидевшую под тенистой сливой. Том и Дейзи уставились на нее теми особыми недоверчивыми взглядами, которыми смотрят на бестелесных кинозвезд, пока наконец не убеждаются, что перед ними живые люди.

— Просто прелесть, — произнесла Дейзи.

— Мужчина, который над ней наклонился, — ее режиссер.

Гэтсби церемонно переводил их от одного кружка гостей к другому:

— Миссис Бьюкенен… И мистер Бьюкенен… — Чуть поколебавшись, он добавил: — Великолепный игрок в поло.

— О нет! — быстро возразил Том. — Ничего подобного.

Однако Гэтсби, скорее всего, понравилось само звучание этих слов, так что Том остался «великолепным игроком в поло» до конца вечера.

— Никогда в жизни не встречала так много знаменитостей! — воскликнула Дейзи. — Мне очень понравился вон тот — как его звать? — с таким синеватым носом.

Гэтсби высмотрел его в толпе, добавив, что это мелкий продюсер.

— Ну, все равно он мне понравился.

— Я предпочел бы не становиться «великолепным игроком в поло», — с напускной любезностью ответил Том. — Мне бы хотелось смотреть на всех этих знаменитостей из… издалека.

Дейзи и Гэтсби пошли танцевать. Я помню, как меня удивила его грациозная, несколько старо-

модная манера танцевать фокстрот — до этого я никогда не видел, как он танцует. Потом они направились к моему дому и с полчаса просидели на ступеньках, в то время как я по ее просьбе «стоял на часах» в саду. «На случай пожара, наводнения, — пояснила Дейзи, — или еще какого стихийного бедствия».

Том появился из своего «далека», когда мы втроем садились ужинать.

— Не возражаете, если я составлю компанию вон тем ребятам? — спросил он. — Там один рассказывает уморительные вещи.

— Конечно, иди, — добродушно ответила Дейзи. — А если захочешь записать чей-нибудь адресок, вот тебе мой золотой карандашик.

Через пару мгновений она повернулась ко мне и сказала, что девица простовата, но хорошенькая. И тут я понял, что за исключением получаса наедине с Гэтсби вечер был ей совсем не в радость.

Мы оказались за одним столом с компанией, которая уже успела основательно набраться. Это был мой промах — Гэтсби позвали к телефону, а эти самые люди мне очень понравились пару недель назад. Но то, что развеселило меня тогда, теперь отравляло все веселье.

— Как самочувствие, мисс Бедекер?

Означенная девица безуспешно пыталась прикорнуть у меня на плече. Услышав вопрос, она села прямо и открыла глаза.

— Чего-чего?

Массивная, несколько флегматичная матрона, только что приглашавшая Дейзи на завтра в свой клуб сыграть партию в гольф, выступила в защиту мисс Бедекер:

— О, с ней все в порядке. Когда она выпьет пять-шесть коктейлей, то принимается обычно визжать. Я постоянно повторяю, что ей совсем нельзя пить.

— А я совсем и не пью, — глухим голосом подтвердила обвиняемая.

— Мы услышали ваши крики, и я тут же сказала доктору Сивету: здесь кому-то нужна ваша помощь, док.

— Уверен, она вам очень признательна, — вставил кто-то из компании без всякого намека на благодарность. — Однако вы замочили ей все платье, когда макали головой в бассейн.

— Ненавижу, когда макают головой в бассейн, — пробормотала мисс Бедекер. — В Нью-Джерси меня однажды чуть не утопили.

— Значит, вам надо бросить пить, — заключил

доктор Сивет.

— На себя посмотрите! — взревела мисс Бедекер. — У вас же руки трясутся! К вам под нож — да ни за что на свете!

И все в том же духе. Последнее, что я отчетливо запомнил: мы с Дейзи стоим и смотрим на кинорежиссера и на звезду. Они так и оставались под тенистой сливой, их лица почти соприкасались, разделенные тонкой бледной полоской лунного света. Я вдруг подумал, что он весь вечер медленно наклонялся к ней, чтобы ликвидировать этот просвет, и прямо на моих глазах достиг своей цели и поцеловал ее в щеку.

— Она мне нравится, — сказала Дейзи. — Она просто душка.

Но все остальное, бесспорно, задевало и раздражало ее. Это было не притворство, а истинное чувство. Она пришла в ужас от Уэст-Эгга, этого поразительного места, в которое бродвейские нравы превратили рыбацкую деревушку Лонг-Айленда. Ее напугала какая-то первобытная энергия, рвавшаяся наружу из-под вороха старых эвфемизмов, и чересчур показной фатализм, с которым обитатели Уэст-Эгга кратчайшим путем перемещались из одного небытия в другое. Ей виделось нечто ужасное в самой простоте проис-

ходящего, которую она была не в силах постичь.

Я сидел вместе с ними на ступенях парадного крыльца, пока они ждали свою машину. Было темно — лишь приоткрытая дверь бросала небольшой прямоугольник света в предрассветную мглу. Иногда на фоне задернутой шторы гардеробной появлялась чья-то тень, затем другая, сливавшиеся в неясную процессию теней, красившихся и пудрившихся перед невидимым зеркалом.

— А кто вообще этот Гэтсби? — внезапно спросил Том. — Какой-нибудь крупный бутлегер?

— С чего ты взял? — поинтересовался я.

— Да ни с чего. Я просто подумал. Ведь большинство этих скоробогатых типов — просто бутлегеры крупного пошиба, сам знаешь.

— Только не Гэтсби, — отрезал я.

Он на мгновение умолк. Под подошвами его ботинок хрустел гравий.

— Ну, ему, наверное, пришлось потрудиться, чтобы собрать у себя такой зверинец.

Легкий ветерок всколыхнул серую дымку мехового боа Дейзи.

— По крайней мере, с ними куда интересней, чем с другими нашими знакомыми, — с каким-то усилием произнесла Дейзи.

— Что-то не много в тебе было интереса.

— А вот и был.

Том рассмеялся и повернулся ко мне.

— Ты заметил, какое лицо сделалось у Дейзи, когда та девица попросила ее поставить под холодный душ?

Дейзи начала подпевать музыке хриплым ритмичным шепотом, придавая каждому слову особое значение, которого оно никогда не имело раньше и никогда не обретет после. Когда мелодия взлетала ввысь, ее голос мягко прерывался, следуя за ней, как это бывает с контральто, и при каждом переходе воздух наполнялся частичками ее теплого волшебства.

— Здесь многие приходят без приглашения, — вдруг выпалила она. — Ту девицу тоже не приглашали. Они просто являются сюда, а он слишком хорошо воспитан, чтобы им отказать.

— Хотелось бы знать, кто он такой и чем занимается, — упрямился Том. — Надо будет выяснить.

— Я тебе прямо сейчас скажу, — ответила Дейзи. — У него аптеки, целая аптечная сеть. Он сам ее создал.

Наконец на подъездной аллее показался их запоздалый лимузин.

— Спокойной ночи, Ник, — сказала Дейзи.

Ее взгляд скользнул мимо меня и задержался на приоткрытой двери, из-за которой доносились звуки сентиментального вальса «Три часа ночи», чрезвычайно популярного тем летом. В конце концов, в непринужденной раскованности, царившей на вечеринках Гэтсби, было что-то романтически притягательное, что напрочь отсутствовало в ее повседневном мире. Что же в этой песенке манило ее и тянуло назад? Что же произойдет в эти хмурые и неведомые часы? Возможно, прибудет какой-то потрясающий гость, редкая птица, которой должно восхищаться, или ослепительная молодая девушка, которая одним своим взглядом на Гэтсби, одним мановением руки обратит в прах все пять лет непоколебимой преданности.

В тот раз я пробыл там дольше обычного. Гэтсби просил меня подождать, когда он освободится, и я бродил по саду, пока с темного ночного пляжа не вернулась неизменная компания купальщиков, шумных и вздрагивавших от ночной свежести, пока наверху в гостевых комнатах не погасли огни. Когда он наконец спустился по ступеням, его загорелая кожа на лице как-то еще больше натянулась, а глаза горели каким-то наполовину потухшим огнем.

— Ей не понравилось, — тотчас заявил он.

— Как раз наоборот.

— Нет, ей не понравилось, — настаивал он. — Она заскучала.

Он умолк, и я заметил, насколько он подавлен.

— Как же она от меня далека, — произнес он. — Что бы такое сделать, чтобы она поняла?

— Вы это о танце?

— О каком танце? — Он щелкнул пальцами, стерев из памяти все даваемые им танцевальные вечера. — Танец тут совершенно ни при чем, старина.

Он хотел от Дейзи ни много ни мало, чтобы она пошла к Тому и сказала: «Я никогда тебя не любила». Когда она одной этой фразой выбросит из жизни четыре года, они смогут что-то решить в чисто практическом плане. Одним из возможных решений представлялось их возвращение в Луисвилл после того, как она обретет свободу; он сделает ей предложение в ее родном доме, после чего они поженятся — как и предполагалось пять лет назад.

— А она не понимает, — продолжал он. — Раньше она могла меня понять. Мы часами сидели…

Он умолк и принялся мерить шагами опустевшую дорожку, усыпанную кожурой фруктов,

какими-то мятыми бумажками и раздавленными цветами.

— Я бы не требовал от нее столь многого, — осторожно заметил я. — Прошлого не вернешь.

— Прошлого не вернешь?! — недоуменно воскликнул он. — Очень даже вернешь!

Он с диковатым видом оглянулся по сторонам, словно прошлое затаилось в темных уголках его дома буквально на расстоянии вытянутой руки.

— Я устрою все так, как это было прежде, — заявил он, решительно кивнув головой. — Она в этом убедится.

Он много говорил о прошлом, и я понял, что он хочет что-то возродить, некий образ самого себя, когда-то влюбившегося в Дейзи. С тех пор ему многое довелось пережить, но если бы он однажды смог вернуться к некой отправной точке и заново, не спеша, пройти весь путь, возможно, он бы понял, что именно он утратил…

Пять лет назад осенним вечером они шли по улице сквозь листопад. Потом они оказались там, где кончились деревья, а тротуар казался белым в серебристом свете луны. Они остановились и повернулись друг к другу. Стоял прохладный вечер, полный предвкушения какого-то волшебства, которое обычно ощущается, когда меняются

времена года. Далекие огоньки домов что-то тихонько напевали в ночной тиши, а в небесах царил звездный переполох. Краем глаза Гэтсби увидел, что плиты тротуара словно уходят лесенкой куда-то ввысь, к потаенному уголку над вершинами деревьев. Туда можно взобраться, если пойдешь один, и там можно приникнуть к источнику жизни, жадно глотая его ни с чем не сравнимый чудесный эликсир.

Молочно-белое лицо Дейзи приближалось к его лицу, и его сердце билось все быстрее. Он знал, что, как только он поцелует эту девушку, как только навеки соединит свои невыразимые видения с ее преходящим дыханием, ему уже не свернуть с означенного пути, как Господь не сворачивает со стези своей. Поэтому он ждал еще какое-то мгновение, прислушиваясь к звуку камертона, коснувшегося звезды. Потом он поцеловал ее. От прикосновения его губ она расцвела, словно цветок, только для него, и воплощение завершилось.

Во всем его рассказе, пусть даже чрезмерно сентиментальном, я постоянно улавливал что-то знакомое: какой-то ускользающий ритм, обрывки слов, которые я давным-давно где-то уже слышал. На мгновение у меня в голове даже сложилось

некое подобие фразы, я приоткрыл рот, словно немой, изо всех сил пытающийся произвести нечто большее, чем просто вырывающийся из гортани поток воздуха. Но произнести фразу мне не удалось, и то, что я почти вспомнил, так и осталось невысказанным.

Глава 7

Именно в то время, когда разговоры и домыслы о Гэтсби достигли апогея, однажды субботним вечером в его особняке не зажглись огни — и его карьера Трималхиона закончилась столь же таинственно, как и началась. Я лишь чуть позже заметил, что автомобили, стремительно сворачивавшие на его подъездную аллею, задерживались там буквально на минуту, после чего неторопливо уезжали. Решив, что он заболел, я направился к нему, чтобы все разузнать. Незнакомый дворецкий с бандитским лицом подозрительно уставился на меня из-за входной двери.

— Мистер Гэтсби болен?

— Нет. — После некоторой паузы он неохотно выдавил из себя: — Сэр.

— Я давно его не видел, потому и забеспокоился. Передайте ему, что заходил мистер Каррауэй.

— Кто-кто? — грубо переспросил он.

— Каррауэй.

— Каррауэй. Ладно, передам.

И захлопнул дверь у меня перед носом.

Моя финка рассказала мне, что неделю назад

Гэтсби уволил всех слуг, а взамен нанял пять-шесть новых, которые вообще не ходят в поселок и не принимают подношений от торговцев, а заказывают совсем немного продуктов по телефону. От посыльного из бакалейной лавки стало известно, что кухня сделалась похожей на свинарник; общее мнение в поселке было таково, что эти люди — никакая не прислуга.

На следующий день Гэтсби позвонил мне по телефону.

— Собираетесь уезжать? — поинтересовался я.

— Нет, старина.

— Слышал, что вы уволили всю прислугу.

— Мне нужны такие, кто не станет сплетничать. Дейзи частенько заезжает ко мне — после обеда.

Вот оно что: весь караван-сарай рассыпался, словно карточный домик, от одного ее неодобрительного взгляда.

— Это люди, которых Вольфсхайм хотел куда-то пристроить. Все они — братья и сестры. Когда-то они держали небольшую гостиницу.

— Понимаю.

Звонил он по поручению Дейзи — не мог бы я завтра приехать пообедать у Бьюкененов? Мисс Бейкер тоже ждут. Через полчаса позвонила уже

сама Дейзи и с каким-то облегчением убедилась, что я приеду. Что-то определенно назревало. И все же я не верил, что обед им нужен как повод, чтобы устроить сцену, причем такую душераздирающую, какую Гэтсби описал мне той ночью у себя в саду.

Следующий день выдался просто удушающим, один из последних и самых жарких дней лета. Когда мой поезд выехал из туннеля на солнце, кипящую тишину полудня нарушали лишь раскаленные гудки завода «Нэшнл бискит компани». Соломенные сиденья вагона готовы были загореться; сидевшая рядом со мной женщина некоторое время терпеливо потела в своей белой просторной блузке, а затем, когда газета в ее руках промокла насквозь, перестала сопротивляться жаре, издав жалобный стон. Ее сумочка упала на пол.

— О Господи! — воскликнула она.

Я с трудом наклонился, поднял сумочку и протянул ей, держа за самый угол на расстоянии вытянутой руки, дабы продемонстрировать, что у меня нет никакого злого умысла. Однако все сидевшие рядом, включая владелицу сумочки, все равно заподозрили меня в чем-то предосудительном.

— Жара! — восклицал кондуктор, завидев знакомые лица. — Ну и погодка! Ну и жарища! Вам тоже жарко? А вам? Ну и жа…

Мой билет вернулся ко мне с темными отпечатками его потных пальцев. В такую жару кому какое дело, чьи губы целуешь, чья голова оставляет влажный след на пижамном кармане прямо над сердцем!

В просторном холле дома Бьюкененов гулял легкий ветерок, донося трели телефонного звонка до нас с Гэтсби, пока мы ждали у двери.

— Труп хозяина! — слышался голос дворецкого. — Прошу прощения, мадам, но мы не можем обрядить его, — ревел он в трубку, — в такую жару к нему не прикоснуться!

На самом же деле он говорил:

— Да… Да… Сейчас посмотрю…

Он повесил трубку и направился к нам с немного лоснящимся лицом, чтобы принять наши соломенные шляпы-канотье.

— Мадам ожидает вас в гостиной! — воскликнул он, указывая дорогу, в чем не было никакой необходимости. В такую жару каждый лишний жест грозил тепловым ударом.

В гостиной, затененной внешними тентами, царили полумрак и прохлада. Дейзи и Джордан

возлежали на огромной тахте, словно серебристые куклы, придерживая подолы своих белых платьев, чтобы их не приподнял ветерок, исходивший от напевно жужжавших вентиляторов.

— Мы даже шевельнуться не можем, — хором сказали они.

Джордан на секунду задержала в моей руке свои загорелые пальцы, покрытые слоем белой пудры.

— А где же наш спортсмен, мистер Томас Бьюкенен? — поинтересовался я.

В тот же миг из холла донесся его хриплый приглушенный голос — он говорил по телефону.

Гэтсби стоял на темно-красном ковре посреди комнаты и зачарованным взглядом рассматривал ее убранство. Дейзи наблюдала за ним и рассмеялась своим дивным обворожительным смехом — с ее груди взлетело легкое облачко пудры.

— Есть предположение, — прошептала Джордан, — что на проводе — подружка Тома.

Мы замолчали. Голос в холле зазвучал громче и раздраженнее:

— Прекрасно, тогда я вовсе не стану продавать вам машину… Я вам вообще ничем не обязан… И я не намерен терпеть, когда вы меня беспокоите во время обеда!

— Вот-вот повесит трубку, — цинично заметила Дейзи.

— Отнюдь нет, — заверил я ее. — Речь действительно идет о сделке. Я краем уха слышал о ней.

Том распахнул дверь, на какое-то мгновение заполнив весь проем своим мускулистым телом, и широкими шагами прошел в комнату.

— Мистер Гэтсби! — С тщательно скрываемой неприязнью он протянул ему свою широкую, как лопата, ладонь. — Рад вас видеть, сэр… Ник…

— Сделай нам чего-нибудь холодного попить, — взмолилась Дейзи.

Как только он вышел из комнаты, она встала, подошла к Гэтсби, притянула его лицо к себе и поцеловала в губы.

— Ты же знаешь, как я люблю тебя, — прошептала она.

— Не забывай, что здесь дама, — вставила Джордан.

Дейзи недоуменно оглянулась.

— Так поцелуй Ника.

— Как тебе не стыдно, несносная девчонка!

— А мне все равно! — воскликнула Дейзи и начала приплясывать на полоске кирпичной кладки перед камином. Затем, вспомнив о жаре, она виновато уселась на диван как раз в тот

момент, когда в комнату вошла благоухающая свежестью няня, ведя за руку маленькую девочку.

— Ах ты, моя прелесть! — проворковала Дейзи, протягивая к ней руки. — Иди к маме, мама тебя любит.

Ребенок, освободившись от няни, бегом ринулся к матери и застенчиво спрятался в пышных складках ее платья.

— Прелесть моя! Мамина пудра попала на твои золотистые волосики? Стань же прямо и скажи «Здрав-ствуй-те».

Гэтсби и я по очереди наклонились и пожали смущенно поданную нам крохотную ручку. После этого он с нескрываемым удивлением продолжал смотреть на ребенка. Мне показалось, что раньше он не до конца верил в его существование.

— Меня одели к обеду, — сказала малышка, нетерпеливо повернувшись к маме.

— Это потому, что мама хотела похвастаться перед гостями, какая ты красавица. — Дейзи нагнулась и поцеловала крохотную складочку на детской шейке. — Ты просто сказка. Маленькая волшебная сказка.

— Да, — спокойно согласилась крошка. — А у тети Джордан тоже белое платье.

— Тебе нравятся мамины друзья? — Дейзи повернула девочку лицом к Гэтсби. — Они хорошие? Красивые?

— А где папа?

— Она совсем не похожа на отца, — пояснила Дейзи. — Вылитая я. Мои волосы, мой овал лица — все.

Она снова села на диван. Няня шагнула вперед и протянула руку.

— Пойдем, Пэмми.

— Пока-пока, моя радость.

Тоскливо оглянувшись, благовоспитанное дитя ухватилось за руку няни, и его увели как раз в тот момент, когда вернулся Том. Тут же в комнату внесли четыре порции джина с лимоном и содовой, где позвякивали огромные кубики льда.

Гэтсби взял свой бокал.

— Свежесть и прохлада, — натянуто проговорил он.

Мы принялись пить большими, жадными глотками.

— Я где-то читал, что с каждым годом Солнце раскаляется все больше, — добродушно начал Том. — Похоже, очень скоро Земля упадет на Солнце… Нет, погодите… Как раз наоборот… Солнце с каждым годом остывает. Идемте на воз-

дух, — предложил он Гэтсби. — Я хочу показать вам свое имение.

Я вышел на веранду вместе с ними. По зеленоватой глади пролива, ставшей почти плоской от жары, медленно двигался крохотный парус, стремясь к прохладе океана. Гэтсби несколько мгновений следил за ним, потом поднял руку и показал на противоположный берег бухты.

— Я живу прямо напротив вас.

— Да, действительно.

Наши взоры устремились ввысь над кустами роз, раскаленной лужайкой, выгоревшей от жары травой и спекшимися комками водорослей на берегу. Белые крылья парусника медленно приближались к прохладной черте горизонта. Впереди лежал океан с гребнями волн и бесчисленными благодатными островами.

— Вот это настоящий спорт! — Том кивнул в сторону парусника. — Я бы не отказался провести часок-другой на палубе.

Обедали в столовой с задернутыми от солнца плотными шторами, запивая напускное, какое-то нервное веселье холодным пивом.

— И что нам нынче весь день делать?! — вскричала Дейзи. — И завтра тоже, и следующие тридцать лет?

— Не обостряй, — ответила Джордан. — Жизнь начинается снова с первым осенним похолоданием.

— Но ведь так жарко, — стояла на своем Дейзи, чуть не плача. — И так все надоело. Поедемте все в город!

Ее голос упрямо боролся с жарой, сопротивлялся ей, пытаясь придать раскаленному мареву какую-то форму.

— Я слышал, что из конюшни можно сделать гараж, — говорил Том Гэтсби. — Но я первый переделал гараж под конюшню.

— Кто хочет ехать в город? — спросила Дейзи повелительным тоном.

Гэтсби перевел на нее взгляд.

— Ах! — воскликнула она. — Вы выглядите так свежо.

Их взгляды встретились, и они смотрели друг на друга, словно были одни во вселенной. Сделав над собой усилие, Дейзи посмотрела на стол.

— Вы всегда выглядите свежо, — повторила она.

На самом деле слова Дейзи означали признание в любви, и Том Бьюкенен понял это. Он был потрясен. Рот его слегка приоткрылся, он посмотрел на Гэтсби, потом снова на Дейзи с таким видом,

словно только что узнал в ней какую-то свою почти позабытую знакомую.

— Вы напоминаете мне господина с рекламного плаката, — невинным тоном продолжила она. — Там он, знаете ли…

— Ну ладно! — быстро перебил ее Том. — Согласен — поехали в город. Ну же, мы все едем в город.

Он поднялся, его пылающий взгляд метался между Гэтсби и женой. Никто не шелохнулся.

— Ну же! — Он начинал терять терпение. — В чем дело-то, а? Если едем в город, так поехали.

Дрожащей рукой, выдававшей его попытки овладеть собой, он поднес ко рту бокал и допил остатки пива. Призывный голос Дейзи поднял нас на ноги и вывел на раскаленный гравий подъездной аллеи.

— Вот так прямо сейчас и поедем? — вдруг запротестовала она. — Прямо вот так? Неужели никому не дадут выкурить сигарету?

— Все вдоволь курили за обедом.

— Ну хорошо, давайте веселиться, — несколько виновато произнесла она. — Ссориться слишком жарко.

Том не ответил.

— Ну, будь по-твоему, — сказала Дейзи. — Пой-

дем, Джордан.

Они отправились наверх переодеваться, а мы втроем остались ждать, пиная ногами раскаленные камешки. На западе небосклона уже показался тонкий серебристый серп луны. Гэтсби хотел было что-то сказать, но передумал, однако Том резко повернулся и выжидающе уставился на него.

— У вас конюшни прямо здесь? — спросил Гэтсби с напускной небрежностью.

— Примерно метрах в четырехстах по дорожке.

— Ах, вот как.

Наступила неловкая пауза.

— Не понимаю, зачем это вдруг ехать в город, — внезапно выпалил Том. — Женщинам иногда в голову придет такое…

— Мы возьмем что-нибудь выпить? — раздался голос Дейзи из окна на втором этаже.

— Я прихвачу немного виски, — ответил Том, после чего отправился в комнаты.

Гэтсби резко, всем туловищем повернулся ко мне:

— Не получается у меня в этом доме светская беседа, старина.

— Дейзи выдает ее голос, — заметил я. — В нем

слышен… — Я умолк, стараясь подобрать слова.

— Звон презренного металла, — вдруг закончил он за меня.

Вот оно! Как же я сам-то раньше не понял! Именно звон денег — вот в чем состояло неизбывное обаяние его переливов, призывной песни цимбал… Златая королевна в высокой башне белокаменного дворца…

Том вышел из дома, заворачивая в полотенце литровую бутылку виски, за ним следовали Дейзи и Джордан в миниатюрных шляпках из ткани с металлическим отливом и легкими накидками через руку.

— Поедем в моей машине? — предложил Гэтсби. Он пощупал раскаленные сиденья зеленой кожи. — Надо было поставить ее в тени.

— У вас обычная коробка передач? — спросил Том.

— Да.

— Ну, тогда возьмите мою машину, купе, а я, если позволите, поеду на вашем авто.

Подобное предложение пришлось Гэтсби явно не по душе.

— По-моему, там бензина маловато, — попытался возразить он.

— Вполне достаточно, — резко оборвал его Том.

Он посмотрел на индикатор топлива. — Если кончится, можно остановиться у любой аптеки. Теперь в аптеках продают все что угодно.

После этой явно бессмысленной ремарки повисла неловкая пауза. Дейзи, нахмурившись, смотрела на Тома, а лицо Гэтсби на мгновение приняло какое-то непередаваемое выражение, определенно несвойственное ему и в то же время смутно мне знакомое, словно мне доводилось о нем от кого-то слышать.

— Поехали, Дейзи, — сказал Том и потянул ее к машине Гэтсби. — Повезу тебя в этой цирковой повозке.

Он открыл дверь, но Дейзи вырвалась из его цепкой хватки.

— Возьми Ника и Джордан. А мы поедем за вами в купе.

Она подошла к Гэтсби и прикоснулась к его руке. Мы вместе с Томом и Джордан расположились на переднем сиденье автомобиля Гэтсби. Том неуверенно подергал незнакомые рычаги, и мы рванули с места, рассекая плотный раскаленный воздух, почти сразу потеряв их из виду.

— Нет, ты видел?! — взорвался Том.

— Что — видел?

Он впился в меня острым взглядом, понимая,

что мы с Джордан, очевидно, давным-давно все знаем.

— Может, вы меня считаете тупицей, а? — продолжал он. — Оно, наверное, так и есть, но у меня иногда случаются… ну, озарения… подсказывающие, что мне делать. Вы не поверите, но наука…

Он умолк, но очень скоро вернулся в действительность, не дав себе погрузиться в бездну теоретических рассуждений.

— Я провел небольшое расследование касательно этого субъекта, — произнес он. — Если бы знал, то копнул бы основательнее…

— Вы хотите сказать, что обращались к медиуму? — насмешливо спросила Джордан.

— К кому? — Он недоуменно уставился на наши смеющиеся лица. — К медиуму?

— Ну, насчет Гэтсби.

— Насчет Гэтсби? Нет. Я же сказал, что провел небольшое расследование касательно его прошлого.

— И выяснили, что он учился в Оксфорде, — с готовностью подсказала Джордан.

— В Оксфорде! — язвительно хохотнул он. — Как же, как же! Да в розовом костюме!

— И тем не менее он закончил Оксфорд.

— Оксфорд в штате Нью-Мексико, — с отвраще-

нием фыркнул Том. — Или что-то в этом духе.

— Послушайте, Том, если вы такой сноб, зачем пригласили его на обед? — с вызовом спросила Джордан.

— Его Дейзи пригласила. Она знала его до того, как мы поженились. Откуда — бог весть!

Мы все были раздражены, поскольку начало выветриваться выпитое за обедом пиво, так что какое-то время ехали молча. Когда вдали показались выцветшие глаза доктора Т. Дж. Эклберга, я вспомнил опасения Гэтсби насчет бензина.

— До города хватит, — заявил Том.

— Но вот же гараж, — возразила Джордан. — Я не хочу в такую жару застрять посреди дороги.

Том нетерпеливо нажал на тормоза, и мы свернули на пыльную площадку под вывеской Уилсона. Через секунду из глубин заведения показался его владелец и пустыми глазами уставился на автомобиль.

— Нам бы заправиться, — грубо крикнул Том. — Мы тут что, остановились видом полюбоваться?

— Мне плохо, — ответил Уилсон, не двигаясь. — Весь день плохо.

— В чем дело?

— Сил нет, и все тут.

— Так что же, мне самому заливать в бак? —

удивился Том. — По телефону вы говорили вполне здоровым голосом.

Уилсон, с трудом оторвавшись от дверного косяка и выйдя из спасительной тени, тяжело дыша, отвернул крышку бензобака. На солнце его лицо было совсем зеленым.

— Я не хотел отрывать вас от обеда, — прохрипел он. — Просто мне позарез нужны деньги, и хотелось узнать, что вы собираетесь делать со своей старой машиной.

— А эта вам нравится? — поинтересовался Том. — Купил ее на прошлой неделе.

— Желтая — просто прелесть, — ответил Уилсон, налегая на рычаг.

— Хотите купить?

— Неплохо бы, — слабо улыбнулся Уилсон. — Нет, я и на вашей старой смогу заработать.

— А зачем вам вдруг позарез понадобились деньги?

— Да засиделся я здесь. Хочу уехать. Мы с женой думаем податься на Запад.

— И ваша жена тоже?! — изумленно воскликнул Том.

— Она десять лет твердит мне об этом. — Он на несколько секунд прислонился к насосу, прикрыв глаза рукой. — А теперь она все равно поедет

— хочет или нет. Я увезу ее отсюда.

Мимо нас в облаке пыли пронеслось купе. Я мельком успел заметить махавшую нам руку.

— Сколько я вам должен? — резко спросил Том.

— Я тут за последние пару дней разузнал кое-что забавное, — заметил Уилсон. — Потому-то и хочу уехать. Потому-то и побеспокоил вас насчет машины.

— Сколько я вам должен?

— Доллар двадцать.

От безжалостной, бьющей по голове жары у меня путались мысли, и только через некоторое время я понял, что пока его подозрения не связаны напрямую с Томом. Он обнаружил, что Миртл живет другой жизнью в другом мире — вот почему ему стало плохо. Я пристально посмотрел на него, потом на Тома, который сделал аналогичное открытие меньше часа назад. И тут мне пришло в голову, что никакие различия — расовые, культурные или духовные — не идут в сравнение с разницей между здоровым и больным человеком. Уилсон был настолько болен, что выглядел виноватым, не заслуживающим никакого прощения, словно он только что обесчестил невинную девушку.

— Я продам вам старую машину, — произнес Том. — Ее доставят вам завтра днем.

Эта местность всегда вызывала во мне какое-то смутное беспокойство, даже среди бела дня, и я обернулся, как будто заметил сзади что-то опасное. Огромные глаза доктора Т. Дж. Эклберга по-прежнему зорко взирали на горы шлака, однако через мгновение я осознал, что за нами наблюдает еще одна пара глаз, находящаяся менее чем в шести метрах от нас.

В одном из окон над гаражом занавеска была чуть отдернута, и из-за нее на машину пристально смотрела Миртл Уилсон. Она так увлеклась этим занятием, что не отдавала себе отчета в том, что ее могут заметить. Обуревавшие ее чувства поочередно проявлялись на лице так, как проступают предметы на погруженной в проявитель фотопластине. Выражение ее лица было на удивление знакомым — мне часто доводилось встречать такие женские лица. Но на лице Миртл Уилсон к нему прибавлялись бессмысленность и какая-то несуразность, пока я не сообразил, что ее глаза, расширенные сжигавшей ее ревностью, обращены не на Тома, а на Джордан Бейкер, которую она приняла за его жену.

Нет смятения более разрушительного, нежели

смятение ума, мыслящего незатейливыми штампами, и когда мы отъезжали от гаража, Тома словно подхлестывали бичи паники. Его жена и любовница, всего лишь час назад безраздельно принадлежавшие ему, теперь стремительно ускользали из-под его власти. Он инстинктивно вдавливал педаль газа, преследуя двойную цель — догнать Дейзи и как можно дальше уехать от Уилсона. Поэтому мы мчались к Астории на скорости где-то под восемьдесят километров в час, пока в паутине металлических ферм надземки не заметили неспешно ехавшее синее купе.

— В этих огромных кинотеатрах в районе Пятидесятых улиц всегда прохладно, — сказала Джордан, словно предлагая отправиться туда. — Обожаю Нью-Йорк летом, во второй половине дня, когда он пустеет. Он тогда становится каким-то чувственным, почти перезрелым, и тебе в руки вот-вот упадут самые неожиданные запретные плоды.

Слово «чувственный» еще больше вывело Тома из равновесия, но прежде чем он смог выразить свое раздражение, купе остановилось, и Дейзи помахала рукой, чтобы мы притормозили рядом.

— Куда теперь? — спросила она.

— Как насчет в кино?

— Там очень жарко, — заныла она. — Вы поезжайте, а мы просто покатаемся, а потом где-нибудь встретимся все вместе. — Усилием воли она вернула себе остатки прежней веселости. — Свидание на углу. Я буду курить сразу две сигареты.

— Здесь не место для споров, — нетерпеливо бросил Том, когда позади нас возмущенно загудел грузовик. — Поезжайте за мной к южной границе Центрального парка, напротив «Плаза».

Он то и дело оборачивался и смотрел на их машину, и если они вдруг застревали в потоке, притормаживал, чтобы не упускать их из виду. Мне кажется, он боялся, что они внезапно свернут на боковую улицу и навсегда исчезнут из его жизни.

Но этого не произошло. И непонятно почему мы сняли гостиную в апартаментах отеля «Плаза».

Я уже не помню подробностей долгого и бурного спора, в результате которого мы оказались в этой гостиной, но мне в память отчетливо врезалось пренеприятное ощущение, что мое нижнее белье обвило мои ноги, словно змеи, а по спине безостановочно стекали струйки пота. Идея возникла из предложения Дейзи снять пять ванных и понежиться в прохладной воде; потом она приняла более конкретную форму в виде

«места, где можно выпить мятный джулеп». Все мы без умолку твердили, что это полная жуть, при этом одновременно обращаясь к сбитому с толку портье, полагая или притворяясь, что нам очень весело…

В большой комнате стояла нестерпимая духота, и, хотя было уже четыре часа дня, в распахнутое окно веяло лишь ароматами накаленной листвы из парка. Дейзи подошла к зеркалу и стала поправлять прическу, стоя спиной к нам.

— Шикарный апартамент, — уважительно прошептала Джордан, и все рассмеялись.

— Откройте другое окно, — скомандовала Дейзи, не оборачиваясь.

— Тут больше нет окон.

— Ну, тогда надо заказать по телефону топор…

— Надо постараться забыть о жаре, — нетерпеливо прервал ее Том. — Когда ты все время ноешь, становится в десять раз жарче.

Он развернул полотенце и поставил на стол бутылку виски.

— Может, оставите ее в покое, старина? — заметил Гэтсби. — Это ведь вам захотелось ехать в город.

В воздухе повисло неловкое молчание. Телефонный справочник сорвался с крючка и рухнул

на пол. Джордан прошептала: «Прошу прощения», но на сей раз никто не рассмеялся.

— Я подниму, — предложил я.

— Не стоит. — Гэтсби с интересом посмотрел на лопнувший шнурок, хмыкнул и швырнул справочник в кресло.

— Это ведь ваше любимое словечко, да? — резко спросил Том.

— Какое именно?

— Да вот это ваше «старина». Где вы только набрались подобных словечек?

— Вот что, Том, — сказала Дейзи, отворачиваясь от зеркала, — если ты собираешься переходить на личности, я не останусь здесь ни минуты. Позвони-ка и закажи лед для джулепа.

Не успел Том снять трубку, как стоячий зной прорезали звуки музыки, и мы услышали торжественные аккорды «Свадебного марша» Мендельсона, доносившиеся из танцевального зала под нами.

— Подумать только — кто-то женится в такую жару! — жалобно вскрикнула Джордан.

— Ну и что… Я выходила замуж в середине июня, — вспомнила Дейзи. — Луисвилл в июне. Кто-то хлопнулся в обморок. А кто, Том?

— Билокси, — бросил тот.

— Точно, Билокси! Чурбан Билокси, он еще коробки делал — верно-верно, — а родом он из Билокси, штат Миссисипи.

— Его еще отнесли к нам, — подхватила Джордан, — поскольку мы жили через два дома от церкви. Он прожил у нас три недели, пока папа не велел ему убираться. Он уехал, а назавтра папа умер. — Немного подумав, она добавила, чтобы ее не упрекнули в непочтительности: — Ну, это никак не связано.

— Я в свое время знал некого Билли Билокси из Мемфиса, — заметил я.

— Это его двоюродный брат. Пока он жил у нас, я разузнала все про его семейство. Он подарил мне алюминиевую клюшку для гольфа, которой я пользуюсь и теперь.

Музыка внизу стихла, началась брачная церемония, после чего раздались радостные возгласы и крики «Да-а-а!». Затем грянул джаз, и начались танцы.

— Годы уже не те, — грустно констатировала Дейзи. — Будь мы помоложе, вскочили бы и пустились в пляс.

— Помни о Билокси, — предостерегла ее Джордан. — Откуда вы его знаете, Том?

— Билокси? — Том сосредоточенно размыш-

лял. — Да не знаю я его. Это кто-то из приятелей Дейзи.

— Вовсе нет! — возмутилась та. — Я его до нашей свадьбы никогда не видела. Он приехал в одном из твоих вагонов, Том.

— Ну, мне он сказал, что вы знакомы. И добавил, что вырос в Луисвилле. Его в последнюю минуту притащил Эйса Берд и спросил, не найдется ли у нас для него местечка.

Джордан улыбнулась.

— Он, наверное, решил прокатиться домой за чужой счет. Мне он говорил, что был старостой вашего курса в Йеле.

Мы с Томом недоуменно переглянулись.

— Билокси?

— Во-первых, у нас не было никакого старосты…

Гэтсби отбивал ногой отрывистый, беспокойный ритм. Том вдруг впился в него взглядом.

— Кстати, мистер Гэтсби, как я понимаю, вы окончили Оксфорд.

— Не совсем так.

— Ах да. Я хотел сказать, что вы учились там.

— Да, учился.

Пауза. Затем Том произнес недоверчиво-издевательским тоном:

— Вы, очевидно, учились там примерно тогда же, когда Билокси учился в Йеле.

И снова пауза. В дверь постучали, вошел официант с толченой мятой и льдом, но томительного молчания не нарушили ни его «Спасибо», ни звук осторожно закрываемой двери. Наконец-то должна была проясниться одна из важнейших деталей биографии Гэтсби.

— Я же сказал, что учился там, — произнес Гэтсби.

— Это я слышал, однако хотелось бы знать — когда.

— В тысяча девятьсот девятнадцатом году. Я провел там всего пять месяцев, так что не вполне могу называть себя питомцем Оксфорда.

Том обвел глазами комнату, дабы убедиться, что мы разделяем его подозрения и недоверие. Но все мы смотрели на Гэтсби.

— После Перемирия 11 ноября такую возможность предоставили некоторым особо отличившимся офицерам, — продолжал он. — Мы могли выбрать любой из университетов Англии или Франции.

Мне захотелось встать и дружески хлопнуть его по плечу. Меня вновь охватило полное доверие к нему, что случалось уже не раз.

Дейзи встала, чуть заметно улыбнулась и подошла к столу.

— Открой виски, Том, — велела она, — а я сделаю тебе мятный джулеп. Тогда ты не станешь казаться себе таким идиотом… Смотри, какая мята!

— Минутку! — выпалил Том. — Я хочу задать мистеру Гэтсби еще один вопрос.

— Прошу вас, — учтиво отозвался Гэтсби.

— По какому праву вы пытаетесь учинить скандал в моем доме?

Они наконец вышли на открытое ристалище, и Гэтсби был доволен подобным поворотом.

— Он не учиняет никакого скандала. — Взгляд Дейзи в отчаянии метался между ними. — Это ты скандалишь. Пожалуйста, хоть как-то возьми себя в руки.

— Взять себя в руки! — взвился Том. — Сдается мне, что это последний писк моды: преспокойно сидеть и наблюдать, как мистер Никто из Ниоткуда крутит роман с твоей женой! Ну, если так, то эти веяния не по мне… Сегодня глумятся над семьей и семейными ценностями, а завтра выкинут за борт все моральные устои и разрешат браки между белыми и черными.

Распаленный своей страстной тирадой, он

ощущал себя последним защитником бастионов цивилизации.

— Но мы же здесь все белые, — пробормотала Джордан.

— Я знаю, что не могу похвастаться популярностью. Я не закатываю шикарных вечеринок. Наверное, в нынешние времена нужно превратить свой дом в свинарник, чтобы обзавестись друзьями.

Несмотря на всю свою злость — а злились мы все, — меня так и подмывало расхохотаться всякий раз, когда Том открывал рот. Превращение распутника в резонера было окончательным и бесповоротным.

— Теперь позвольте кое-что сказать *вам*, старина… — начал Гэтсби, но Дейзи тотчас поняла его намерения.

— Пожалуйста, не надо! — робко вмешалась она. — Вот что, поедемте-ка домой. Поехали все домой, а?

— А что, неплохая мысль. — Я поднялся. — Поехали, Том. Пить уже всем расхотелось.

— Желаю знать, что мне соизволит сказать мистер Гэтсби.

— Ваша жена не любит вас, — заявил Гэтсби. — И никогда не любила. Она любит меня.

— Вы с ума сошли! — машинально выпалил Том.

Гэтсби вскочил на ноги, раскрасневшись от волнения.

— Она никогда не любила вас, слышите, вы?! — вскричал он. — А вышла она за вас только потому, что я был беден, а она устала меня ждать. Произошла ужасная ошибка, но в глубине души она никогда не любила никого, кроме меня!

В этот момент мы с Джордан попытались уйти, однако Том и Гэтсби изо всех сил начали наперебой настаивать, чтобы мы остались, словно никому из них нечего скрывать, и нам оказывается огромная честь, что мы приобщились к их искупительной исповеди.

— Сядь, Дейзи. — Том тщетно пытался взять отеческий тон. — Что происходит? Я хочу знать всю правду.

— Я же сказал вам, что происходит, — ответил Гэтсби. — И происходит уже пять лет — а вы ничего не знали.

Том резко повернулся к Дейзи.

— Ты что, пять лет встречалась с этим типом?

— Мы не встречались, — возразил Гэтсби. — Мы даже не виделись. Но все это время мы любили друг друга, старина, а вы ничего об этом не знали.

Иногда я смеялся, думая о том, что вы ничего не знаете.

Но в глазах его не было и намека на смех.

— Ну, вот и все. — Том сложил вместе кончики своих толстых пальцев, словно священник, и откинулся на спинку кресла.

— Вы сумасшедший! — вдруг взорвался он. — Не могу говорить о том, что случилось пять лет назад, потому что тогда я даже не знал, кто такая Дейзи. И, черт меня побери, никак не возьму в толк, как вам вообще удалось приблизиться к ней, если вы не доставляли им бакалею ко входу для прислуги. Но все остальное — чистейшей воды ложь. Дейзи любила меня, когда за меня выходила, и любит сейчас.

— Нет, — ответил Гэтсби, качая головой.

— Однако это так. Беда в том, что иногда ей взбредет в голову бог весть что и она не понимает, что делает. — Он глубокомысленно кивнул. — И более того — я тоже люблю Дейзи. Время от времени я позволяю себе покутить или свалять дурака, однако я всегда возвращаюсь и в глубине души люблю только ее.

— Ты мерзкий, отвратительный тип, — сказала Дейзи. Она повернулась ко мне, и ее голос зазвучал на октаву ниже, заполнив комнату каким-то

вибрирующим презрением: — Ты знаешь, почему мы уехали из Чикаго? Удивляюсь, что они там не поведали тебе историю об одном маленьком кутеже.

Гэтсби подошел и встал рядом с ней.

— Дейзи, теперь все кончено, — твердо сказал он. — Это уже не имеет никакого значения. Просто скажи ему правду — что ты никогда не любила его — и покончим с этим раз и навсегда.

Она посмотрела на него невидящим взглядом.

— Ну… как я могла любить его… вообще?..

— Ты никогда его не любила.

Она вдруг засомневалась. Ее взгляд обращался то к Джордан, то ко мне, словно взывая о помощи, как будто она наконец осознала, что делает, — и как будто никогда не намеревалась делать ничего подобного. Но жребий был брошен.

— Я никогда не любила его, — произнесла она с явной неохотой.

— Даже в парке Капиолани на Гавайях? — внезапно спросил Том.

— Нет.

Снизу, из танцевального зала, на волнах раскаленного воздуха до нас долетали приглушенные обрывки какой-то страстной мелодии.

— Даже в тот день, у водопада Панч-Боул, ко-

гда я нес тебя на руках, чтобы ты не намочила туфли? — В его охрипшем голосе зазвучала нежность… — Дейзи?

— Пожалуйста, не надо, — произнесла она холодно, но без прежней злости. Она взглянула на Гэтсби. — Вот, Джей… — начала она и стала дрожащей рукой прикуривать сигарету. Вдруг она швырнула сигарету и горящую спичку на ковер.

— Ты слишком многого от меня хочешь! — крикнула она в лицо Гэтсби. — Я люблю тебя сейчас — разве этого недостаточно? Я не могу изменить прошлое. — Она начала беспомощно всхлипывать. — Я любила его… когда-то… Но тебя я тоже любила.

Гэтсби широко открыл глаза, после чего устало опустил веки.

— Ты любила и меня… тоже? — повторил он.

— Даже тут она врет! — взвился Том. — Она даже не знала, живы ли вы! Так вот, у нас с Дейзи есть свое прошлое, которого вы никогда не узнаете, прошлое, которое мы с ней не в силах забыть.

Казалось, эти слова причиняли Гэтсби физическую боль.

— Я хотел бы поговорить с Дейзи наедине, — решительно произнес он. — Она так взволнована…

— Даже наедине я не смогу сказать, что нико-

гда не любила Тома, — сквозь слезы призналась она. — Это была бы неправда.

— Конечно, неправда, — согласился Том.

Она повернулась к мужу.

— Как будто тебя это волновало, — сказала она.

— Разумеется — и до сих пор волнует. Теперь я окружу тебя еще большей заботой.

— Вы так ничего и не понимаете, — произнес Гэтсби, едва не впадая в панику. — Вы больше никогда не станете о ней заботиться.

— Неужели? — Том широко раскрыл глаза и рассмеялся. Теперь он мог себе позволить сохранять самообладание. — Это еще почему?

— Дейзи уходит от вас.

— Чепуха.

— Это действительно так, — выдавила из себя Дейзи.

— Никуда она не уходит! — Том обрушил словесный шквал на Гэтсби. — Уж конечно не к заурядному жулику, который украдет кольцо, а потом наденет ей на палец!

— Это невыносимо! — вскричала Дейзи. — Давайте же поскорее уедем!

— Кто вы вообще такой? — бушевал Том. — Что вы из шайки, увивающейся вокруг Мейера Вольфсхайма, — это я уже выяснил. Я тут провел

маленькое расследование касательно ваших делишек — и завтра же его продолжу!

— Сколько вам будет угодно, старина, — ответил Гэтсби, не повышая голоса.

— Я разузнал, что собой представляют эти ваши «аптеки». — Он повернулся к нам и затараторил: — Они с этим Вольфсхаймом скупили множество аптек на окраинах Нью-Йорка и Чикаго и из-под прилавка торговали алкоголем. Это лишь одна из его афер. Как только я его увидел, я сразу принял его за бутлегера — и не очень-то ошибся!

— И что с того? — вежливо возразил Гэтсби. — Полагаю, что ваш друг Уолтер Чейз не побрезговал участием в нашем деле.

— А вы его выбросили за борт, верно? Вы допустили, что он на месяц угодил в тюрьму в Нью-Джерси! Боже мой! Слышали бы вы, что Уолтер порассказал о вас!

— Он пришел к нам без гроша в кармане. И был очень рад немного подзаработать, старина.

— Хватит называть меня «стариной»! — вскричал Том. Гэтсби промолчал. — Уолтер мог бы засадить вас и за букмекерство, но Вольфсхайм угрозами заставил его держать язык за зубами.

Лицо Гэтсби приняло необычное, но в то же время смутно знакомое выражение.

— Все эти махинации с аптеками — так, мелкие делишки, — медленно продолжал Том. — Однако сейчас вы задумали нечто такое, о чем Уолтер побоялся мне рассказать.

Я посмотрел на Дейзи, переводившую полный ужаса взгляд с Гэтсби на мужа, и на Джордан, сосредоточенно принявшуюся выполнять эквилибристические упражнения с невидимым предметом у себя на подбородке. Затем я снова повернулся к Гэтсби — и его вид поразил меня. Он выглядел так — и я говорю это с полным презрением к злобным сплетням, услышанным в его саду, — словно убил человека. В тот момент выражение его лица полностью отвечало этим двум словам, как бы фантастично это ни звучало.

Затем в лице что-то изменилось, и он возбужденно заговорил, обращаясь к Дейзи, отрицая все, защищая свое имя от только что брошенных ему в лицо обвинений. Но с каждым его словом она все больше замыкалась в себе, так что он вскоре умолк. Лишь несбывшаяся мечта продолжала сражаться на излете догоравшего дня, пытаясь дотянуться до того, что уже утратило свои очертания, с отчаянием обреченного прорываясь к голосу в другом конце комнаты, уже ставшему чужим.

И этот голос вновь взмолился:

— Ну, пожалуйста, Том! Уедем! Я больше не в силах это выносить!

Ее испуганные глаза говорили о том, что прежняя решимость и смелость испарились без следа.

— Отправляйся домой, Дейзи, — сказал Том. — С мистером Гэтсби в его машине.

Она метнула на Тома встревоженный взгляд, но тот продолжил великодушно-презрительным тоном:

— Поезжай. Он не станет тебе досаждать. Надеюсь, он понимает, что его беспардонная интрижка окончена.

Они ушли, не сказав ни слова, исчезли, будто случайные видения, лишенные всего — даже нашей жалости.

Спустя мгновение Том встал и начал заворачивать в полотенце неоткрытую бутылку виски.

— Выпить хотите? Джордан? Ник?

Я не ответил.

— Ник? — снова спросил он.

— Что?

— По глоточку, а?

— Нет… Я только что вспомнил, что у меня сегодня день рождения.

Мне исполнилось тридцать лет. Передо мной

простиралась непредсказуемая, полная опасностей дорога длиной в десятилетие.

Было уже семь вечера, когда мы втроем уселись в синее купе и поехали на Лонг-Айленд. Том говорил, не умолкая ни на миг, смеялся и сыпал шутками, но его голос доносился до нас с Джордан словно издалека, наравне с шумом на тротуарах или грохотом надземки. Сочувствие имеет свои пределы, и нам хотелось, чтобы все их душераздирающие ссоры остались где-то там, в большом городе. Тридцатилетие — оно сулило все больше одиночества, все меньше знакомых-холостяков, все меньше энергии и энтузиазма, все меньше волос на голове. Но рядом со мной сидела Джордан, которая, в отличие от Дейзи, была слишком умна, чтобы тянуть за собой давно забытые мечты. Когда мы проезжали по темному мосту, ее бледное лицо неспешно приникло к моему плечу, и жуткий колокольный звон, возвестивший о моем тридцатилетии, смолк от ободряющего пожатия ее руки.

Итак, мы мчались навстречу смерти сквозь прохладные сумерки.

Молодой грек по фамилии Михаэлис, державший кофейню у подножия шлаковых холмов, стал главным свидетелем во время дознания.

Он проспал самое жаркое время дня, а в начале шестого вечера прошелся до гаража, где увидел Джорджа Уилсона в его крошечной конторке. Уилсону было плохо, по-настоящему плохо: он был бледен, как его выгоревшие на солнце волосы, и его всего трясло. Михаэлис посоветовал ему лечь в постель, но Уилсон отказался, говоря, что иначе он упустит клиентов. Когда сосед пытался уговорить Уилсона, у них над головами раздались страшный шум и грохот.

— Это я жену запер наверху, — спокойно объяснил Уилсон. — Пусть посидит там до послезавтра, а потом мы уедем.

Михаэлис пришел в замешательство. Они прожили по соседству четыре года, и даже в мыслях Уилсон никогда не казался ему способным на такое. Вообще-то он относился к тем, кого называют «побитыми жизнью»: когда он не работал, то сидел на стуле у порога и глазел на прохожих и проезжавшие машины. Если с ним кто-то заговаривал, он в ответ всегда смеялся приятным, но каким-то бесцветным смехом. Он состоял при своей жене, а не она при нем.

Поэтому вполне естественно, что Михаэлис попытался разузнать, что же случилось, но Уилсон молчал как рыба. Он начал бросать на своего

визитера косые, подозрительные взгляды и принялся допытываться, что тот делал в такой-то день и в такой-то час. Михаэлису уже надоел этот допрос, и тут мимо них прошли несколько рабочих, направлявшихся в его заведение, так что Михаэлис воспользовался возможностью убраться восвояси, намереваясь чуть позже заглянуть еще разок. Но так и не заглянул — похоже, просто забыл, и все. Когда он снова вышел на улицу в начале восьмого, он вспомнил разговор с Уилсоном, поскольку услышал раздававшийся из гаража громкий и злой голос миссис Уилсон.

— Бей, бей! — кричала она. — Повали и бей, бей, грязный, плюгавый трус!

Через секунду она выскочила в сгущавшиеся сумерки, размахивая руками и что-то крича. Но не успел Михаэлис отойти от двери, как все было кончено.

«Машина смерти», как ее потом окрестили газеты, даже не притормозила. Она появилась из сгущавшейся темноты, на какое-то мгновение с трагическим визгом завиляла на дороге и исчезла за поворотом. Михаэлис не смог даже точно определить ее цвет — первому из приехавших полицейских он сказал, что машина была светло-зеленая. Встречная машина, ехавшая в

Нью-Йорк, проскочила метров сто, и ее водитель побежал туда, где лежала, поджав колени, Миртл Уилсон, чья жизнь была варварски оборвана, и кровь огромным черным пятном расплывалась в дорожной пыли.

Михаэлис и водитель подбежали к ней первыми, но, разорвав еще мокрую от пота блузку, они увидели, что ее левая грудь болтается, словно лоскут, и поняли, что нет смысла прикладывать ухо к сердцу. Рот ее был широко раскрыт и надорван по углам, как будто она захлебнулась, исторгая кипучую жизненную силу, которую так долго в себе копила.

Мы еще издали увидели три-четыре автомобиля и разраставшуюся толпу.

— Авария! — сказал Том. — Это хорошо. Уилсону наконец-то найдется работенка.

Он сбросил скорость, но останавливаться не собирался, пока мы не подъехали поближе и вид испуганных хмурых лиц не заставил его машинально нажать на тормоза.

— Посмотрим, что случилось, — неуверенно произнес он. — Взглянем и поедем дальше.

Тут я услышал несмолкающее глухое завывание, доносившееся из гаража. Когда мы вышли из машины и подошли поближе, в нем можно было

разобрать слова «О боже мой!», беспрестанно повторявшиеся со сдавленным стоном.

— Тут что-то серьезное, — взволнованно сказал Том.

Он приподнялся на цыпочки и поверх голов заглянул в гараж, освещенный лишь болтавшейся на проводе тусклой желтой лампочкой, обтянутой металлической сеткой. Затем он натужно захрипел и, раздвигая толпу своими могучими плечами, подался вперед.

Толпа снова сомкнулась с недовольным ропотом, и прошла целая минута, прежде чем я смог вообще что-то увидеть. Люди продолжали подходить, и напиравшие сзади вдруг с силой втолкнули нас внутрь.

Тело Миртл Уилсон, завернутое в два одеяла, словно ее знобило душным вечером, лежало на верстаке у стены. Том, стоявший спиной к нам, неподвижно склонился над ней. Рядом с ним полицейский в мотоциклетном шлеме записывал фамилии свидетелей, что-то постоянно исправляя в блокноте взмокшей рукой. Сначала я не мог определить, откуда доносятся сдавленные стоны, гулким эхом отражавшиеся от стен пустого гаража. Потом я увидел Уилсона — он стоял на высоком пороге своей конторки, обеими руками

вцепившись в косяк и раскачиваясь из стороны в сторону. Какой-то человек что-то тихо говорил ему, время от времени пытаясь положить руку на плечо, но Уилсон ничего не видел и не слышал. Его взгляд медленно блуждал от качавшейся лампочки к лежавшему на верстаке телу и обратно; при этом он нескончаемо издавал пронзительные, леденящие душу стоны:

— О бо-оже мо-о-й! О бо-оже мо-о-й! О бо-о-же! О бо-оже мо-о-й!

Наконец Том рывком поднял голову и, обведя гараж остекленевшими глазами, обратился к полицейскому, пробормотав что-то неразборчивое.

— М-а-й, — по буквам говорил полицейский, — о…

— Нет, «р», — поправил его какой-то человек. — М-а-в-р-о…

— Послушайте меня! — свирепо прохрипел Том.

— Р, — продолжал полицейский. — О…

— Г…

— Г… — Тяжелая ладонь Тома с силой ударила его по плечу, и он поднял на него глаза: — Чего тебе, парень?

— Что случилось? Я хочу знать, что случилось, и все.

— Ее сбила машина. Насмерть.

— Насмерть… — повторил Том, уставившись в пространство.

— Она выбежала на дорогу. А сукин сын даже не остановился.

— Там две машины было, — сказал Михаэлис. — Одна шла оттуда, другая туда.

— Куда это — туда? — нетерпеливо спросил полицейский.

— В разные стороны. Значит, она… — Он было поднял руку, чтобы показать на одеяла, но тотчас же опустил ее. — Она выбежала вон туда, а та машина, что шла из Нью-Йорка, врезалась прямо в нее. Шла она километров под пятьдесят-шестьдесят.

— Как называется это место? — спросил полисмен.

— Никак не называется.

К ним подошел хорошо одетый негр.

— Это была желтая машина, — сказал он, — большая желтая машина. Новая.

— Вы видели происшествие? — спросил полицейский.

— Нет, но машина обогнала меня дальше отсюда по шоссе, и шла она за шестьдесят. Где-то под восемьдесят, а то и девяносто.

— Идите сюда, я запишу вашу фамилию. Осади, осади назад! Мне надо записать его фамилию.

Очевидно, обрывки этого разговора долетели до Уилсона, по-прежнему раскачивавшегося в дверном проеме, потому что к его стонам добавились новые крики:

— Не надо мне говорить, что это была за машина! Я знаю, что это была за машина!

Глядя на Тома, я увидел, как у него под пиджаком налились стальные мышцы. Он быстро подошел вплотную к Уилсону и крепко схватил его за плечи.

— Возьмите же себя в руки, — прохрипел он, стараясь успокоить его.

Уилсон взглянул на Тома. Он приподнялся на цыпочки и непременно рухнул бы на колени, если бы Том не поддержал его.

— Послушайте, — начал Том, слегка встряхнув его. — Я подъехал сюда буквально минуту назад. Из Нью-Йорка. Я подогнал вам купе, о котором мы говорили. Та желтая машина, за рулем которой я был сегодня днем, — не моя. Слышите? С тех пор я ее не видел.

Только мы с негром стояли достаточно близко, чтобы расслышать эти слова, но полицейский уловил что-то в интонациях Тома и впился в него

жестким взглядом.

— Что там еще за разговорчики? — вмешался он.

— Я его знакомый. — Том повернул голову к стражу порядка, продолжая крепко держать Уилсона руками. — Он говорит, что знает машину, которая все это натворила… Это была желтая машина.

Повинуясь профессиональному чутью, полицейский с подозрением посмотрел на Тома.

— А какого цвета ваша машина?

— Синее купе.

— Мы только что прямо из Нью-Йорка, — добавил я.

Кто-то из подъехавших сразу за нами подтвердил это, и полицейский повернулся к свидетелю.

— Так, давайте снова вашу фамилию по буквам…

Подняв Уилсона, словно тряпичную куклу, Том отнес его в конторку, усадил на стул и вернулся.

— Надо бы с ним посидеть… кому-нибудь из вас, — бросил он не терпящим возражений тоном. Он проследил, как двое стоявших ближе всех мужчин переглянулись и с явной неохотой вошли в конторку. Затем Том закрыл за ними дверь и шагнул вниз, стараясь не смотреть на

верстак. Проходя мимо меня, он прошептал:

— Поехали отсюда.

С подавленным видом, следуя за Томом, который локтями прокладывал нам путь, мы продрались сквозь продолжавшую прибывать толпу. Навстречу нам спешил врач с чемоданчиком в руке, которого вызвали полчаса назад в отчаянной надежде на чудо.

До самого поворота Том ехал медленно, а потом вдавил в пол педаль газа, и автомобиль понесся, рассекая ночной мрак. Чуть позже я услышал глухое хриплое всхлипывание и увидел, как по его лицу текут слезы.

— Проклятый трус! — еле слышно причитал он. — Даже не остановился.

Дом Бьюкененов неожиданно надвинулся на нас из-за темных, шелестящих листвой деревьев. Том остановился у крыльца и посмотрел вверх, на второй этаж, где на увитой плющом стене горели два окна.

— Дейзи дома, — произнес он. Когда мы вышли из машины, он взглянул на меня и слегка нахмурился.

— Надо было забросить тебя в Уэст-Эгг, Ник. Делать-то сегодня все равно нечего.

Что-то в нем изменилось, и он говорил реши-

тельно и с достоинством. Пока мы шли к крыльцу по залитому лунным светом гравию, он разрешил сложившуюся ситуацию несколькими отрывистыми фразами.

— Я вызову по телефону такси, чтобы тебя отвезли домой, а пока ты ждешь, вам с Джордан лучше пройти на кухню и распорядиться, чтобы вам подали что-нибудь поужинать — если вы проголодались. — Он открыл дверь. — Заходите.

— Нет, спасибо. Буду рад, если ты вызовешь мне такси. Я подожду на улице.

Джордан положила мне руку на плечо.

— Так вы не зайдете, Ник?

— Нет, спасибо.

Меня чуть-чуть подташнивало, и хотелось побыть одному. Но Джордан задержалась еще на мгновение.

— Всего лишь полдесятого, — сказала она.

Будь я проклят, если зайду; за день я по горло нахлебался их компанией, и это «их» вдруг стало относиться и к Джордан. Она, очевидно, что-то заметила в выражении моего лица, поскольку резко повернулась и по ступенькам побежала в дом. Несколько минут я сидел, обхватив голову руками, пока из дома не донесся голос дворецкого, вызывавшего по телефону такси. Тогда я

медленно пошел от дома по подъездной аллее, намереваясь подождать у ворот.

Не успел я сделать и двадцати шагов, как меня кто-то окликнул, после чего из кустов на аллею вышел Гэтсби. Наверное, к тому времени нервы у меня были на последнем пределе, поскольку я не смог подумать ни о чем ином, кроме как о том, что его розовый костюм ярко сияет в лунном свете.

— Что вы здесь делаете? — спросил я.

— Просто стою, и все, старина.

Его присутствие показалось мне по меньшей мере странным, если не подозрительным. Мне вдруг показалось, что он собирается ограбить дом, и я бы ничуть не удивился, увидев в кустах зловещие физиономии «людей Вольфсхайма».

— Вы видели какое-нибудь происшествие на дороге? — спросил он после недолгого молчания.

— Да.

Он замялся.

— Она погибла?

— Да.

— Я так и думал. Я так и сказал Дейзи. Лучше пережить потрясение сразу, одним ударом. Она его выдержала весьма неплохо.

Он говорил так, словно значение имела лишь реакция Дейзи — и ничего больше.

— Я добрался до Уэст-Эгга по объездной дороге, — продолжал он, — и оставил машину у себя в гараже. Не думаю, чтобы нас кто-то видел, однако, разумеется, нельзя быть абсолютно уверенным.

К этому моменту он стал мне настолько противен, что я не счел нужным сказать ему, что он ошибается.

— Кто была эта женщина?

— Ее звали Миртл Уилсон. Ее муж — владелец гаража. Черт подери, как это произошло?

— Ну, я попытался вывернуть руль… — Он умолк, и я вдруг понял, как все случилось на самом деле.

— Так за рулем была Дейзи?

— Да, — ответил он, помедлив. — Но, разумеется, я скажу, что машину вел я. Понимаете, когда мы выехали из Нью-Йорка, она ужасно нервничала, и ей казалось, что за рулем она успокоится, придет в себя. А эта женщина буквально ринулась на нас как раз тогда, когда мы разъезжались с встречной машиной. Все произошло в какие-то секунды, мне показалось, что она хотела нам что-то сказать, потому что приняла нас за своих знакомых. Ну, Дейзи сперва отвернула от женщины к встречной машине, потом у нее сдали нервы, и она крутанула руль в обратную сторону.

Не успел я его перехватить, как почувствовал удар… она, наверное, погибла на месте…

— Разорвало…

— Не надо, старина. — Он содрогнулся. — Так вот, Дейзи продолжала гнать. Я пытался заставить ее остановиться, но она ни в какую, так что мне пришлось дернуть ручной тормоз. Тут она рухнула мне на колени, а дальше я повел сам. — Он помолчал и через несколько мгновений продолжил: — Завтра она окончательно придет в себя. А я просто останусь здесь на случай, если он попытается скандалить из-за того, что произошло днем. Она закрылась у себя в комнате, а если он вздумает силой вломиться к ней, она выключит, а потом снова включит свет.

— Он ее пальцем не тронет, — возразил я. — Сейчас он думает совсем не о ней.

— Я не доверяю ему, старина.

— И долго вы собираетесь ждать?

— Всю ночь, если нужно. В любом случае до тех пор, пока они не лягут спать.

И тут я увидел все в совершенно ином свете. А вдруг Том узнает, что за рулем была Дейзи? Он может подумать, что тут есть какая-то связь… он вообще может подумать что угодно. Я посмотрел на дом: внизу ярко горели два-три окна, а наверху

от окон Дейзи исходило розоватое свечение.

— Ждите здесь, — сказал я. — А я посмотрю, все ли там тихо.

Я прошел вдоль самого края газона, неслышно пересек посыпанную гравием дорожку и на цыпочках подкрался к ступеням веранды. Шторы в гостиной были раздвинуты, и я увидел, что там никого нет. Миновав веранду, где мы ужинали июньским вечером три месяца назад, я приблизился к небольшому прямоугольнику света, лившегося, как я полагал, из окна буфетной. Штора была задернута, но я обнаружил крохотный просвет у самого подоконника.

За кухонным столом друг напротив друга сидели Том и Дейзи, между ними стояло блюдо с холодной жареной курицей и две бутылки пива. Он что-то сосредоточенно ей втолковывал, и в доказательство своей правоты то и дело сжимал ее руку в своей. Время от времени она поднимала на него глаза и согласно кивала.

Они не были счастливы, и ни один из них не притронулся ни к курице, ни к пиву. Но и совершенно несчастными их тоже нельзя было назвать. Во всей этой картине ощущалось несомненное родство душ, и любой решил бы, что они о чем-то сговариваются.

Когда я на цыпочках уходил прочь от веранды, я услышал, как мое такси неуверенно пробирается к дому по темной дороге. Гэтсби ждал меня на том же месте.

— Все спокойно? — нетерпеливо спросил он.

— Да, все спокойно. — Я замялся. — Вам лучше отправиться домой и немного поспать.

Он покачал головой.

— Я хочу дождаться, когда Дейзи ляжет. Спокойной ночи, старина.

Он засунул руки в карманы и снова стал пристально наблюдать за домом, отвернувшись от меня, словно мое присутствие оскверняло его священное бдение. Я повернулся и пошел прочь, а он продолжал стоять, озаренный лунным светом, оберегая то, на что никто не покушался.

Глава 8

В ту ночь я почти не спал; над проливом надрывался ревун маяка, и я метался в каком-то полубреду между чудовищной реальностью и жуткими, пугающими видениями. Ближе к рассвету я услышал, как к дому Гэтсби проехало такси, тотчас же вскочил с кровати и начал одеваться. Я чувствовал, что мне надо ему что-то сказать, о чем-то предупредить — а утром будет уже поздно.

Идя напрямик по лужайке, я увидел, что входная дверь распахнута, а сам он сидит, прислонившись к столу, в большом зале, охваченный то ли унынием, то ли сном.

— Ничего не произошло, — грустно сказал он. — Я стоял и ждал, и где-то около четырех она подошла к окну, постояла там с минуту, а потом выключила свет.

Никогда еще его дом не казался мне таким громадным, как в ту ночь, когда мы метались по огромным комнатам в поисках сигарет. Мы раздвигали шторы, похожие на театральные занавесы, и ощупывали необъятные темные стены

в надежде найти выключатели. Я даже налетел на призрачно-черный рояль, разразившийся нестройной гаммой. Везде лежал толстенный слой пыли, воздух в комнатах казался затхлым, словно их много дней не проветривали. На каком-то столике мне попался на глаза ящичек для сигар, где обнаружились две почти окаменевшие сухие сигареты. Распахнув в гостиной французские окна, мы сели и закурили, пуская дым в предрассветный мрак.

— Вам надо уехать, — сказал я. — Они наверняка вычислят вашу машину.

— Уехать сейчас, старина?

— Поезжайте на недельку в Атлантик-Сити или в Монреаль.

Он об этом и слышать не желал. Возможно, он не мог оставить Дейзи, пока не узнает, что же она решит и что намеревается делать дальше. Он цеплялся за последнюю надежду, и у меня не хватило смелости вернуть его в реальный мир.

Именно той ночью он поведал мне загадочную историю своих юношеских странствий с Дэном Коуди — поведал потому, что «Джей Гэтсби» разбился, словно стекло, о циничное злословие Тома, и многолетняя тайная буффонада подошла к концу. Мне кажется, что тогда он мог легко при-

знаться в чем угодно, но ему хотелось говорить о Дейзи.

Она была первой «девушкой из приличной семьи», которую ему довелось встретить. Ему и раньше доводилось общаться с людьми ее круга при различных обстоятельствах, о которых он предпочел не распространяться, однако его и их разделяла невидимая колючая проволока. Дейзи оказалась для него неимоверно желанной. Он начал бывать в ее доме — сначала в компании других офицеров из Кемп-Тейлора, потом один. Дом поразил его — он никогда в жизни не видел такого прекрасного дома. Но еще большую остроту его ощущениям придавал тот факт, что там жила Дейзи: для нее это было столь же обыденно, как для него палатка в военном лагере. Там царила какая-то тайна, что вот-вот откроется, загадка спален на верхних этажах, куда более красивых и прохладных, чем остальные, таинственная атмосфера веселья, разливавшегося по коридорам, и любовных признаний — не давнишних, переложенных цветками лаванды и спрятанных в дальний ящик, — а только что произнесенных, благоухающих запахами сияющих авто последней модели и званых танцевальных вечеров, цветочное убранство которых еще не

успело увянуть. Его волновало и то, что в Дейзи были влюблены многие мужчины, — это еще больше возвышало ее в его глазах. Он ощущал ее присутствие в любом уголке дома, оно наполняло сам воздух отзвуками еще не смолкших пылких слов.

Однако он отдавал себе отчет в том, что оказался в доме Дейзи лишь благодаря невероятно благоприятному стечению обстоятельств. Какое бы блистательное будущее ни открывалось перед Джеем Гэтсби, в ту пору он был практически нищим молодым человеком без прошлого, и призрачный покров мундира мог в любое мгновение свалиться с его плеч. Поэтому он в полной мере воспользовался отпущенным ему временем. Он брал все, до чего мог дотянуться, хватал жадно и бесцеремонно — и, в конце концов, одним тихим октябрьским вечером он взял Дейзи, взял, прекрасно понимая, что не имеет никакого права даже коснуться ее руки.

Возможно, он мог презирать себя за это, поскольку, несомненно, добился ее путем обмана. Я не хочу сказать, что он морочил ей голову сказками о немыслимых миллионах, однако он намеренно вызвал у Дейзи чувство уверенности; он позволил ей поверить, что принадлежит к

тому же кругу, что и она, и что он целиком и полностью может взять на себя все заботы о ней. На самом же деле он не обладал такими возможностями: за его спиной не стояло состоятельное семейство, и каждую минуту по прихоти безликого правительства он мог отправиться в любую точку земного шара.

Однако он не презирал себя, и все повернулось совсем не так, как он воображал. Возможно, он намеревался взять то, что мог, и отойти в тень — однако вдруг обнаружил, что связал себя неким рыцарским обетом. Он знал, что Дейзи какая-то особенная и восхитительная, но до конца не понимал, насколько особенной и восхитительной может оказаться «девушка из приличной семьи». Она исчезла в своем роскошном доме, в своей богатой, насыщенной жизни, оставив Гэтсби… — да ничего ему не оставив. Он считал себя ее мужем — вот и все.

Когда два дня спустя они встретились вновь, именно у Гэтсби перехватывало дыхание, и именно он чувствовал себя в чем-то преданным. Веранда ее дома ярко светилась покупной роскошью сияния звезд, плетеное канапе импозантно скрипнуло, когда она повернулась к нему и он поцеловал ее в сложенные кокетливым банти-

ком губы. Она немного простудилась, и легкая хрипота придавала еще большее очарование ее голосу. Гэтсби с превеликим удивлением созерцал таинственную юность в чертогах и узилищах богатства, вдыхал свежий запах одежд, своим взором вбирая в себя Дейзи, сиявшую серебром, гордую и надежно защищенную от всех жизненных невзгод и страданий бедняков.

— Не могу вам описать, старина, насколько я поразился, осознав, что люблю ее. Какое-то время я даже надеялся, что она меня бросит, но этого не произошло, поскольку она тоже в меня влюбилась. Ей казалось, что я много знаю, потому что я жил совсем иной жизнью и знал совсем не то, что знала она. Так вот, я и думать забыл о каких-то там честолюбивых планах, с каждой минутой все больше поглощаемый любовью. Мне вдруг стало все равно. Какой смысл чего-то добиваться, если мне было куда приятнее говорить ей о том, чего я собираюсь добиться.

Накануне его отправки за границу они с Дейзи долго сидели обнявшись и молчали. Стоял холодный осенний день, в комнате горел камин, и ее щечки разрумянились от жара. Иногда она шевелилась, и он чуть передвигал обнимавшую ее руку. Лишь однажды он поцеловал ее темные,

блестящие волосы. В тот день им было так светло и покойно в объятиях друг друга, словно они старались получше запомнить каждую минуту перед предстоявшей назавтра разлукой. За месяц своей любви они никогда не были так близки друг другу и никогда столь безгранично друг в друге не растворялись, как в тот прощальный день, когда она молча прикасалась губами к его обтянутому кителем плечу, а он нежно гладил кончики ее пальцев, словно она спала и он боялся потревожить ее сон.

На войне он сделал головокружительную карьеру. На фронт отправился капитаном, а после аргоннских боев его повысили до майора и назначили командиром пулеметного полка дивизии. После Перемирия 11 ноября он отчаянно рвался домой, однако из-за каких-то сложностей или просто в результате неразберихи оказался в Оксфорде. Он очень волновался, поскольку в письмах Дейзи проскальзывали нервозность и даже отчаяние. Она не понимала, почему он не может вернуться. Внешний мир все больше давил на нее, и ей хотелось видеть его рядом с собой и убедиться, что она поступает правильно.

Ведь Дейзи была так молода, а ее замкнутый, искусственный мир был наполнен орхидеями,

легким, ненавязчивым снобизмом и оркестрами, задававшими ритм всему году и выражавшими в новых мелодиях всю грусть и печаль жизни. Ночь напролет саксофоны стонали в безысходной тоске «Бил-стрит блюза», в то время как сотни пар золотых и серебряных туфель поднимали сверкающую пыль. Даже в час унылого чаепития в дальних комнатах продолжала бушевать нескончаемая сладостная лихорадка; тут и там мелькали и исчезали новые лица, словно лепестки роз, гонимые звуками грустных тромбонов.

С началом нового светского сезона Дейзи снова погрузилась в эту сумеречную вселенную. Она вдруг опять стала каждый день назначать десяток свиданий пяти-шести молодым людям и засыпать на рассвете рядом со сброшенным на пол вечерним платьем, где жемчуга и шифон переплетались с увядающими орхидеями. И все это время в глубине души она металась в поисках решения. Ей хотелось устроить свою жизнь сейчас же, немедленно, а к решению ее должна подтолкнуть некая сила — любовь, деньги, безусловный практицизм, — которая бы находилась рядом.

В середине весны эта некая сила обрела реальные черты в лице Тома Бьюкенена, прибывшего в Луисвилл. Надежность и основательность

присутствовали как в его облике, так и в положении в обществе, и Дейзи льстило его внимание. Безусловно, она пережила определенную внутреннюю борьбу и несомненное облегчение. Гэтсби получил ее письмо, когда еще находился в Оксфорде.

На Лонг-Айленде уже почти рассвело, и мы отправились открывать окна во всех комнатах первого этажа, впуская в дом серо-золотистую утреннюю зарю. На покрытую росой лужайку вдруг упала тень дерева, а в синеватой листве запели невидимые птицы. Воздух шевельнулся, подул еле заметный ласковый ветерок, обещая дивный прохладный день.

— Не думаю, что она вообще его когда-нибудь любила. — Гэтсби отвернулся от окна и посмотрел на меня с каким-то вызовом во взгляде. — Хочу вам напомнить, старина, что вчера днем она очень нервничала и волновалась. Он выложил ей все таким тоном, что она испугалась: в ее глазах я предстал каким-то дешевым шулером или мелким жуликом. В результате она едва понимала, что говорит.

Он с мрачным видом опустился на стул.

— Конечно, она могла любить его какую-то минуту, когда они только поженились. Но и тогда

она больше любила меня, понимаете?

Он вдруг произнес удивившую меня фразу.

— В любом случае, — сказал он, — это было ее сугубо личным делом.

Что я мог из этого заключить? Разве что предположить, что он чувствовал в их отношениях такую глубину, которую невозможно измерить.

Он вернулся из Франции, когда Том и Дейзи еще были в свадебном путешествии. На остатки своего армейского жалованья он совершил печальное паломничество в Луисвилл, куда его влекла какая-то неодолимая сила. Он пробыл там неделю, бродя по улицам, где ноябрьскими вечерами гулко отдавались их шаги, и обходя заветные места, куда они ездили на ее белом авто. Так же, как дом Дейзи всегда казался ему куда более загадочным и веселым по сравнению с остальными, сам город, хоть уже и без нее, преисполнился для него еще большей меланхолической прелести.

Он уехал с чувством, что, поищи он получше, возможно, и нашел бы ее, что она все-таки осталась там. В сидячем вагоне — на более комфортабельный денег уже не осталось — было невыносимо жарко. Он вышел в открытый тамбур и сел на откидное сиденье, глядя, как вдаль уплывают вокзал и незнакомые дома. Потом

потянулись весенние поля; какую-то минуту параллельно поезду бежал желтый трамвай, где сидели люди, возможно, когда-то видевшие на улицах Луисвилла волшебную бледность ее лица.

Поезд повернул и стал отдаляться от солнца, которое своими закатными лучами словно благословляло таявший вдали город, некогда осененный ее дыханием. Он в отчаянии протянул руку, стараясь сохранить хотя бы прикосновение ветерка, овевавшего то место, где он любил и был счастлив. Но поезд шел все быстрее, город растворился в расплывчатой дымке, и он понял, что лучшие и счастливейшие дни его жизни ушли безвозвратно.

Было уже девять утра, когда мы закончили завтрак и вышли на крыльцо. За ночь погода резко переменилась, и воздух дышал ароматами осени. К нам подошел садовник, последний из прежних слуг Гэтсби.

— Я нынче собираюсь спустить воду в бассейне, мистер Гэтсби. Скоро листья начнут опадать, а от них всегда беда с трубами.

— Только не сегодня, — ответил Гэтсби. Он с каким-то виноватым видом повернулся ко мне. — Знаете, старина, я ведь так за все лето и

не поплавал в бассейне.

Я посмотрел на часы и поднялся.

— У меня до поезда осталось двенадцать минут.

Мне не хотелось ехать в город. Работать все равно не получится, но главное было не в этом — мне не хотелось оставлять Гэтсби одного. Я пропустил свой поезд, потом еще один, прежде чем все-таки решился.

— Я вам позвоню, — в конце концов сказал я.

— Обязательно позвоните, старина.

— Где-то около полудня.

Мы медленно спустились по ступеням.

— Наверное, Дейзи тоже позвонит. — Он с надеждой посмотрел на меня, словно ожидая подтверждения.

— Да, наверное.

— Ну, до свидания.

Мы пожали друг другу руки, и я пошел. Чуть-чуть не дойдя до живой изгороди, я вдруг вспомнил что-то и обернулся.

— Все они — жалкие пигмеи! — прокричал я во весь голос. — Они и мизинца вашего не стоят!

Я никогда не жалел об этих своих словах. Это была моя единственная похвала в его адрес, поскольку с первого до последнего дня я отно-

сился к нему с неодобрением. Сначала он просто вежливо кивнул, а потом его лицо расплылось в ослепительной понимающей улыбке, словно все это время только мы с ним знали об этом. Его роскошный розовый костюм показался мне кучей тряпья, ярким пятном, сиявшим на фоне белого мрамора ступеней. И тут я вспомнил самый первый вечер, когда я пришел в его «родовое гнездо» три месяца назад. На лужайке и аллее толпились гости и зубоскалили о его пороках, а он стоял на тех самых ступенях и махал им рукой на прощание, свято храня свою нетленную мечту.

Я поблагодарил его за гостеприимство. Мы всегда благодарили его за радушие — и я, и другие.

— До свидания! — крикнул я. — Спасибо за прекрасный завтрак, Гэтсби!

Приехав в Нью-Йорк, я какое-то время пытался вносить котировки в биржевой реестр акций, а потом вдруг заснул во вращающемся кресле. Где-то около полудня меня разбудил телефонный звонок, и я вскинулся, вытирая вспотевший лоб. Это была Джордан Бейкер; она часто звонила мне в это время, поскольку из-за ее непредсказуемых перемещений между гостиницами, клубами и домами друзей сам я практически не мог ее разыскать. Обычно от ее голоса веяло свежестью

и прохладой, словно в контору вдруг влетал кусочек зеленой лужайки для игры в гольф, однако сегодня он звучал жестко и сухо.

— Я уехала из дома Дейзи, — сказала она. — Сейчас я в Хемпстеде, а днем отправляюсь в Саутгемптон.

Возможно, она правильно поступила, что уехала, но меня это почему-то раздосадовало, а ее следующая реплика попросту разозлила.

— Вы не очень-то были со мной галантны вчера вечером.

— Неужели вас вчера заботила моя галантность?

После недолгого молчания она произнесла:

— И все же — я бы хотела с вами увидеться.

— Я тоже.

— Тогда я отложу поездку в Саутгемптон и ближе к вечеру приеду в город, а?

— Нет… Я думаю, сегодня не получится.

— Прекрасно…

— Сегодня никак невозможно. Столько всего…

Мы немного поболтали в том же духе, а потом разговор вдруг прервался. Я не знаю, кто из нас первым повесил трубку, но точно помню, что меня это не волновало. В тот день я не смог бы говорить с ней за чашкой чая даже под страхом

того, что впредь мне вообще не доведется говорить с ней.

Через несколько минут я позвонил Гэтсби, но было занято. Я четыре раза подряд набирал его номер, но безуспешно. Наконец телефонистка раздраженно сообщила мне, что линию держат открытой в ожидании междугородного звонка из Детройта. Достав расписание, я обвел кружком поезд, отходивший в 15.50. Затем я откинулся на спинку кресла и попытался сосредоточиться. Часы показывали полдень.

Проезжая тем утром на поезде долину шлака, я нарочно пересел на другую сторону вагона. Мне казалось, что толпа любопытствующих простоит там целый день, мальчишки станут выискивать в пыли темные пятна, а какой-нибудь словоохотливый очевидец примется вновь и вновь рассказывать о происшествии, пока оно не начнет становиться все менее реальным даже для него; в конце концов его красноречие иссякнет, и трагедия Миртл Уилсон окончательно забудется. Теперь я хочу вернуться немного назад и рассказать, что происходило в гараже после того, как мы уехали оттуда предыдущим вечером.

Сестру Миртл, Кэтрин, удалось разыскать с большим трудом. Она, очевидно, в тот вечер

изменила правилам трезвости, и когда ее привезли, была пьяна до полусмерти и никак не могла уяснить, что санитарная машина уже увезла тело во Флашинг. Когда же ей это наконец втолковали, она тут же хлопнулась в обморок, словно не могла вынести горечи утраты. Кто-то по доброте душевной или просто из любопытства посадил ее в машину и отвез вслед за телом сестры.

Толпа у гаража простояла далеко за полночь. Кто-то уходил, кто-то приходил, а Джордж Уилсон продолжал раскачиваться из стороны в сторону, сидя на диванчике в конторке. Некоторое время дверь туда оставалась открытой, и подходившие к гаражу не могли удержаться, чтобы не заглянуть внутрь. В конце концов кто-то крикнул «Как вам не стыдно!» и закрыл дверь. Михаэлис с приятелями оставался рядом с ним: сначала впятером-вчетвером, чуть позже втроем или вдвоем. Под конец Михаэлису пришлось попросить последнего из стражей подождать минут пятнадцать, пока он сходит к себе и заварит побольше кофе. После этого он один до самого рассвета пробыл с Уилсоном.

Где-то часа в три ночи Уилсон прекратил бессвязное бормотание, и его речь сделалась более внятной. Он немного успокоился и заговорил о

желтой машине. Он объявил, что знает способ выяснить, кому принадлежит это желтое авто, а затем вдруг выпалил, что пару месяцев назад его жена вернулась из города с разбитым лицом и сломанным носом.

Но услышав эти свои слова, он весь передернулся и снова начал причитать «о боже мой!». Михаэлис кое-как попытался отвлечь его.

— А вы давно женаты, Джордж? Да погоди ты, посиди хоть минутку смирно и послушай меня. Давно вы женаты?

— Двенадцать лет.

— Дети были? Да сядь же ты спокойно! Тебя спрашивают: дети-то у вас были?

Большие коричневые жуки слетались на тусклый свет лампочки и бились о нее. Каждый раз, когда Михаэлис слышал снаружи рев проносившейся мимо машины, ему казалось, что это та самая «машина смерти». Ему не хотелось заходить в сам гараж, потому что на верстаке темнело пятно — там, где лежало тело. Из-за этого он тоскливо кружил по конторке — к рассвету он мог перемещаться по ней вслепую — и время от времени присаживался подле Уилсона, стараясь успокоить его.

— Ты хоть изредка ходишь в церковь? Может,

давно не ходил? Может, мне позвонить в церковь и попросить, чтобы сюда пришел священник и поговорил с тобой, а?

— Не хожу я в церковь.

— Надо ходить, Джордж, чтобы душу облегчить. К примеру, как сейчас. Когда-то ведь ты, наверное, ходил. Венчались-то вы в церкви? Да послушай ты меня! В церкви, говорю, венчались-то?

— Давно это было.

Он ответил с таким усилием, что перестал раскачиваться и на какое-то мгновение затих. Затем в его тусклых глазах появилось прежнее выражение озлобленности и растерянности.

— Посмотри в ящике вон там, — сказал он, показав на стол.

— В каком ящике?

— Вот в этом, да, в этом.

Михаэлис открыл самый ближний к нему ящик. Там лежал лишь небольшой дорогой собачий поводок, кожаный с серебряной оплеткой. На вид он казался совсем новым.

— Это? — спросил он, вынув поводок.

Уилсон впился в него взглядом и кивнул.

— Я нашел его вчера днем. Она пыталась отовраться, но я понял, что тут дело нечисто.

— То есть твоя жена его купила?

— Он лежал в обертке из папиросной бумаги у нее на комоде.

Михаэлис не видел в этом ничего странного и сразу же выложил Уилсону с десяток причин, по которым его жена могла купить поводок. Но, очевидно, Уилсон уже слышал те же объяснения от Миртл, потому что снова принялся шептать «о боже мой!», так что его утешитель оставил некоторые доводы при себе.

— А потом он убил ее, — сказал Уилсон. Его рот вдруг широко открылся.

— Кто это — он?

— Вот я и вызнаю.

— Джордж, ты не в себе, — заявил Михаэлис. — У тебя голова идет кругом от пережитого, и ты сам не знаешь, что говоришь. Лучше посиди-ка спокойно до утра.

— Он убил ее.

— Это был несчастный случай, Джордж.

Уилсон покачал головой. Глаза его сузились, а рот растянулся, и из него донеслось высокомерное «хм!».

— Я, конечно, парень доверчивый, — решительно начал он, — и никому не желаю зла. Но если я что-то знаю, то знаю наверняка. Это был человек в той машине. Она выбежала на улицу, чтобы с

ним поговорить, а он даже не остановился.

Михаэлис тоже это видел, но как-то не придал особого значения. Он считал, что миссис Уилсон спасалась от собственного мужа, а не хотела остановить именно эту машину.

— А с чего это она вдруг?

— Она та еще штучка, — сказал Уилсон, словно исчерпывающе ответил на вопрос. — А-а-а…

Он снова принялся раскачиваться, и Михаэлис встал, вертя в руке поводок.

— Джордж, может, у тебя есть друг, которому я бы позвонил, а?

Напрасные слова — он почти не сомневался, что у Уилсона нет друзей: ведь у него не находилось времени даже для жены. Чуть позже он обрадовался, заметив в комнате некоторую перемену: тьма за окном чуть посинела, и он понял, что до рассвета уже недолго. К пяти утра просветлело настолько, что можно было выключить свет.

Остекленевшие глаза Уилсона уставились на горы шлака, над которыми клубились серые облачка, принимая самые причудливые формы и исчезая под дуновением рассветного ветерка.

— Я говорил с ней, — пробормотал Уилсон после долгого молчания. — Я сказал, что она может одурачить меня, но Бога ей провести не удастся.

Я подвел ее к окну… — Он с усилием поднялся и подошел к окошку, наклонился и прижался лбом к стеклу. — И сказал ей: «Бог знает, что ты делаешь, все твои деяния. Ты можешь обмануть меня, но Бога — никогда!»

Стоя рядом с ним, Михаэлис с ужасом заметил, что Уилсон смотрит в огромные выцветшие глаза доктора Т. Дж. Эклберга, только что показавшиеся из предрассветной мглы.

— Бог все видит, — повторил Уилсон.

— Это же реклама, — пытался разубедить его Михаэлис.

Что-то заставило его отвернуться от окна и посмотреть в глубь комнаты. Но Уилсон еще долго стоял там, почти прижавшись к стеклу, и кивал, глядя в отступавшие сумерки.

К шести утра Михаэлис совершенно вымотался и с облегчением вздохнул, услышав, как на улице остановилась машина. Это был один из дежуривших прошлым вечером, обещавший вернуться. Михаэлис приготовил завтрак на троих, который они съели вдвоем с вновь прибывшим. Уилсон совсем было успокоился, и Михаэлис отправился домой поспать. Когда четырьмя часами позже он проснулся и бегом вернулся в гараж, Уилсон уже исчез.

Его передвижения вычислили уже потом: он все время шел пешком — сначала до Порт-Рузвельта, потом до Гэдсхилла, где купил сандвич, к которому не притронулся, и чашку кофе. Он, очевидно, устал и шел очень медленно, поскольку в Гэдсхилле его видели где-то около полудня. До этого момента установить его маршрут не представляло труда — мальчишки видели человека, похожего на чокнутого, а некоторые водители подтвердили, что он странно таращился на них с обочины. Затем на три часа он совершенно пропал из виду. Полиция, основываясь на словах Михаэлиса, что «вот он и вызнает», предположила, что в это время он обходил окрестные гаражи в поисках желтой машины. С другой стороны, ни один из владельцев гаражей этого не подтвердил, так что, скорее всего, Уилсон нашел более простой и надежный способ вызнать то, что он хотел. К половине третьего он оказался в Уэст-Эгге, где он спросил у кого-то дорогу к дому Гэтсби. Значит, в то время он уже знал фамилию Гэтсби и искал именно его.

В два часа Гэтсби надел купальный костюм и наказал дворецкому, что если кто-нибудь позвонит, немедленно ему доложить. Он зашел в гараж за надувным матрацем, который все лето

вызывал восхищение гостей, и шофер помог ему накачать его. Затем он распорядился ни в коем случае не выводить из гаража открытую машину. Это было весьма странно, поскольку переднее правое крыло нуждалось в ремонте.

Гэтсби вскинул матрац на плечо и направился к бассейну. На какое-то мгновение он остановился, чтобы поудобнее перехватить его; шофер спросил, нужна ли ему помощь, он только отрицательно покачал головой и через минуту скрылся за желтеющими деревьями.

Никто так и не позвонил, но дворецкий продолжал ждать до четырех часов — довольно долго после того, когда докладывать стало уже некому. Мне кажется, Гэтсби сам не верил, что кто-то позвонит, или ему уже было все равно. Если это так, то он, очевидно, понимал, что его старый уютный мир рухнул и он дорого заплатил за то, что столь долго жил одной-единственной мечтой. Наверное, он смотрел на незнакомые небеса сквозь грозно сгустившуюся листву и думал о том, как затейливо устроена роза и сколь первозданно солнце бросает свет на наспех сотворенную траву. Перед ним открылся новый мир, реальный и одновременно эфемерный, где бесцельно бродили робкие призраки, дышавшие его мечтами,

словно воздухом… подобные пепельно-серой фантастической фигуре, скользившей к нему сквозь бесформенные деревья.

Шофер, один из людей Вольфсхайма, слышал выстрелы. После он смог лишь сказать, что не придал им особого значения. Со станции я поехал прямо к дому Гэтсби; то, что я торопливо взбежал по ступенькам парадного крыльца, кого-то встревожило. Однако я твердо уверен, что они уже все знали. Едва перекинувшись парой слов, мы вчетвером — шофер, дворецкий, садовник и я — ринулись к бассейну.

Легкое, чуть видимое движение воды указывало на ее течение от заборного отверстия на одной стороне бассейна к стоку на другой. Поднимая некое подобие волн, в бассейне плавал матрац с распростертым на нем грузом. Слабого ветерка, поднимавшего едва заметную рябь, вполне хватало для того, чтобы сбить его с шального курса. Столкнувшись с кучкой опавших листьев, он медленно закрутился, шлейфом оставляя за собой на поверхности воды тонкий красный круг.

Когда мы уже несли Гэтсби к дому, садовник заметил чуть поодаль в траве тело Уилсона. Смертельный треугольник замкнулся.

Глава 9

Теперь, два года спустя, остаток того дня, ночь и следующий день вспоминаются мне лишь как бесконечное мельтешение полицейских, фотографов и репортеров, сновавших по особняку Гэтсби. Поперек главного въезда натянули веревку и поставили рядом полицейского, чтобы отгонять любопытных, однако мальчишки очень скоро проведали, что туда можно пробраться через мой сад, и толклись у бассейна, с открытыми ртами таращась на место преступления. Какой-то мужчина представительного вида, возможно, детектив, склонился над телом Уилсона и произнес слово «безумец». Это брошенное вскользь, но прозвучавшее довольно веско словечко задало тон всем публикациям, появившимся в газетах на следующее утро.

Почти все репортажи представляли собой сущий кошмар — гротескное нагромождение домыслов и сплетен, основанное на ничего не значащих мелких деталях. Когда показания Михаэлиса на следствии пролили свет на то, что Уилсон подозревал жену в неверности, мне каза-

лось, что вскоре всю эту историю преподнесут в виде похабного пасквиля. Однако Кэтрин, которая могла бы кое-что рассказать, не произнесла ни слова. Она проявила удивительную стойкость — смотрела на следователя твердым взглядом из-под подведенных бровей и клялась, что ее сестра никогда не видела Гэтсби, что с мужем она жила очень счастливо и что никогда не давала повода заподозрить ее в чем-то предосудительном. Она настолько верила собственным словам, что рыдала, вытирая слезы платком, словно малейшее сомнение в добропорядочности сестры повергает ее в отчаяние. Поэтому Уилсона объявили невменяемым от горя, чтобы до предела упростить следственное разбирательство. Всех это вполне устраивало.

Однако мне вся судебно-газетная часть происшествия представлялась второстепенной и несущественной. Обнаружилось вдруг, что рядом с Гэтсби оказался фактически я один. С того самого момента, как я позвонил в полицию и сообщил о трагедии, все связанные с ней догадки, а также чисто практические вопросы адресовались мне. Сначала я удивился и пришел в замешательство; затем, когда он час за часом лежал в доме, не двигаясь, не дыша и не говоря, во мне стало расти

чувство ответственности. Ни одна живая душа не проявила ни малейшего интереса в смысле личного внимания, на которое, мне кажется, каждый имеет право по окончании своего земного пути.

Я позвонил Дейзи через полчаса после того, как мы нашли тело, позвонил не раздумывая и без всяких колебаний. Однако они с Томом уехали сразу после полудня, взяв с собой багаж.

— Адреса не оставили?

— Нет.

— Не сказали, когда вернутся?

— Нет.

— А вы не знаете, куда они могли поехать? Как мне с ними связаться?

— Не знаю. Не могу сказать.

Мне хотелось найти хоть кого-нибудь, хотелось пойти в комнату, где он лежал, и пообещать ему: «Я обязательно кого-нибудь разыщу, Гэтсби. Не беспокойтесь. Верьте мне — разыщу обязательно».

Мейера Вольфсхайма в телефонном справочнике не оказалось. Дворецкий дал мне адрес его конторы на Бродвее, и я позвонил в справочное бюро. Однако когда мне все-таки удалось получить его номер, рабочий день уже закончился, и к телефону никто не подходил.

— Пожалуйста, попробуйте еще раз, — попросил я телефонистку.

— Я уже звонила три раза.

— Это очень важно.

— Извините. Боюсь, там никого нет.

Я вернулся в гостиную, и в какой-то момент мне показалось, что ее заполнили случайные гости; чуть позже до меня дошло, что это представители власти. Однако когда они откинули простыню и посмотрели на Гэтсби неподвижными глазами, внутри меня словно зазвучал его встревоженный голос: «Послушайте, старина, вы должны кого-то разыскать. Вы уж постарайтесь. Так тяжело переносить все это одному».

Кто-то начал задавать мне вопросы, но я выскочил из гостиной и, взбежав наверх, стал торопливо рыться в незапертых ящиках стола — он ведь никогда определенно не утверждал, что его родители умерли. Но я не нашел там ничего стоящего — лишь Дэн Коуди, свидетель его минувшей бурной юности, взирал на меня с фотографии на стене.

На следующее утро я отправил дворецкого в Нью-Йорк к Вольфсхайму с письмом, в котором справлялся о родственниках Гэтсби и просил его приехать первым же поездом. Вторая просьба

казалась мне излишней. Я был уверен, что он примчится, как только откроет газеты; я также не сомневался, что самое позднее в полдень придет телеграмма от Дейзи. Однако я напрасно надеялся — ни телеграммы, ни Вольфсхайма, лишь очередное нашествие полицейских, фотографов и репортеров. Когда вернулся дворецкий с ответом Вольфсхайма, меня охватило презрение пополам с отвращением, а также солидарность с Гэтсби в его неприятии всех и вся.

Уважаемый мистер Каррауэй!

Полученное от вас известие явилось для меня одним из самых тяжелых потрясений, которые мне довелось испытать, и я до сих пор не могу поверить, что это правда. Подобное безумное деяние этого человека должно заставить всех нас задуматься. В настоящий момент я не могу приехать, поскольку занят чрезвычайно важным делом и не могу ввязываться в этот процесс. Если впредь я смогу чем-то помочь, известите меня письмом через Эдгара. Я места себе не нахожу, узнав об этой трагедии, и совершенно потрясен и подавлен.

Искренне ваш

Мейер Вольфсхайм.

Чуть ниже — торопливая приписка без знаков препинания:

Дайте знать о похоронах и т. д. совсем не знаю его родственников.

Когда днем зазвонил телефон и междугородная сообщила, что на проводе Чикаго, я подумал, что это наконец Дейзи. Но после соединения в трубке раздался мужской голос, очень тихий и далекий.

— Это Слэгл говорит…

— Да-да? — Имя было мне незнакомо.

— Ничего себе дельце, а? Телеграмму получили?

— Не было никаких телеграмм.

— У младшего Парка большие неприятности, — затараторил голос. — Его взяли, когда он протягивал облигации через конторку. Они получили циркулярку из Нью-Йорка со всеми номерами буквально за пять минут до этого. В этих городишках никогда не знаешь…

— Алло! — оборвал его я, задыхаясь от волнения. — Послушайте, это не мистер Гэтсби. Мистер Гэтсби скончался.

Ответом мне стало долгое молчание на другом конце провода, затем послышалось неясное восклицание… щелчок — и связь прервалась.

По-моему, где-то на третий день из городка в штате Миннесота пришла телеграмма за подписью Генри К. Гетца. В ней лишь сообщалось, что отправитель выезжает немедленно и просит отсрочить похороны до его приезда.

Это был отец Гэтсби, убитый горем старик, беспомощный и растерянный, закутанный в длинное дешевое пальто, несмотря на теплый сентябрьский день. От волнения у него непрерывно слезились глаза, и, когда я принял у него саквояж и зонт, он принялся дергать свою редкую седую бороду, поэтому мне с трудом удалось снять с него пальто. Он находился на грани обморока, так что я провел его в музыкальную гостиную и заставил сесть, тем временем распорядившись принести что-нибудь поесть. Однако есть он не мог, взял было стакан молока, но расплескал его — так у него тряслись руки.

— Я прочел чикагскую газету, — произнес он. — В чикагской газете все написали. Я сразу выехал.

Его невидящие глаза непрестанно скользили по комнате.

— Это был сумасшедший, — сказал он. — На-

верняка сумасшедший.

— Может, чашечку кофе? — продолжал уговаривать я.

— Нет, ничего не надо. Мне уже полегчало, мистер…

— Карраузэй.

— Да, мне уже лучше. А где Джейми?

Я проводил его в гостиную, где лежало тело его сына, и вышел. Несколько мальчишек стояли на крыльце и заглядывали в холл; когда я им сказал, кто приехал, они неохотно разошлись.

Через некоторое время мистер Гетц открыл дверь и вышел; рот у него был открыт, лицо немного покраснело, а из глаз текли редкие крупные слезы. Он находился в том возрасте, когда смерть уже не кажется какой-то жуткой неожиданностью, и когда он впервые за все время оглянулся по сторонам и увидел великолепие холла и роскошь открывавшейся перед ним анфилады комнат, к его печали прибавилось чувство благоговейной гордости. Я помог ему подняться наверх, в одну из спален; пока он снимал пиджак и жилет, я сказал ему, что все приготовления к похоронам были отложены до его приезда.

— Я не знал, что бы вы захотели, мистер Гэтсби…

— Моя фамилия Гетц.

— Мистер Гетц. Я предполагал, что вы, возможно, захотите увезти тело на Запад.

Он покачал головой.

— Джейми всегда больше нравилось на Востоке. Именно здесь он достиг своего положения. А вы были другом моего мальчика, мистер?..

— Мы были близкими друзьями.

— Перед ним, знаете ли, открывалось большое будущее. Он хоть и молодой, но ума ему было не занимать.

Он со значением постучал себя по лбу, и я кивнул.

— Поживи он еще, то стал бы великим человеком. Вроде Джеймса Дж. Хилла. Он бы помог строить державу.

— Да, верно, — несколько принужденно ответил я.

Он начал возиться с вышитым покрывалом, пытаясь снять его с постели, потом лег, вытянув ноги, и мгновенно заснул.

Вечером позвонил какой-то явно напуганный человек и стал допытываться, кто я такой, прежде чем назвал свое имя.

— Это мистер Каррауэй, — сказал я.

— О! — с явным облегчением воскликнул он. —

Это Клипспрингер.

У меня тоже отлегло от сердца, поскольку я решил, что у могилы Гэтсби постоит еще кто-то. Я не хотел давать некролог в газеты, чтобы не собралась толпа зевак, поэтому сам обзванивал немногих, кого знал. Но разыскать их было нелегко.

— Похороны завтра, — сказал я. — Сбор в три часа здесь, в особняке. И, пожалуйста, сообщите всем, кто смог бы присутствовать.

— О, конечно! — торопливо заговорил он. — Я, знаете ли, вряд ли кого-нибудь увижу, но если все-таки…

Его тон показался мне подозрительным.

— Но сами-то вы, разумеется, приедете.

— Да, непременно постараюсь. Я звоню вот по какому…

— Минуточку, — прервал я его. — Так вы приедете или нет?

— Ну, знаете ли… дело в том, что я сейчас в гостях у друзей из Гринвича, и на завтра у них намечено… мероприятие. Пикник или что-то в этом роде. Разумеется, я сделаю все возможное, чтобы вырваться.

У меня непроизвольно вырвалось «Ага!», которое он услышал и еще больше занервничал:

— Я, собственно, звоню по поводу пары туфель, которую я там оставил. Не затруднит ли вас прислать мне их с посыльным. Понимаете, это теннисные туфли, и я без них как без ног. Мой адрес: для передачи Б. Ф…

Полного имени я не услышал, потому что повесил трубку.

После этого я испытал острый приступ стыда перед Гэтсби — некий господин, которому я позвонил, высказался в том смысле, что Гэтсби получил по заслугам. Однако винить мне следовало себя самого, поскольку этот субъект больше других зубоскалил по поводу Гэтсби, накачавшись выпивкой за его счет, так что надо было хорошенько подумать, прежде чем звонить ему.

Наутро в день похорон я отправился в Нью-Йорк к Мейеру Вольфсхайму, поскольку не смог связаться с ним никаким другим способом. На двери, которую я открыл по совету мальчишки-лифтера, висела вывеска «Холдинговая компания «Свастика», однако внутри, как мне показалось на первый взгляд, было пусто. Но после того как я несколько раз впустую прокричал «Есть тут кто-нибудь?», за перегородкой послышались обрывки спора, и чуть позже из-за внутренней двери показалась миловидная еврейка, впивша-

яся в меня злобным взглядом темных глаз.

— Никого нет, — заявила она. — Мистер Вольфсхайм уехал в Чикаго.

Первая часть ее фразы явно не соответствовала действительности, поскольку за перегородкой кто-то стал фальшиво насвистывать песенку «Розарий».

— Пожалуйста, передайте, что его хочет видеть мистер Каррауэй.

— Не могу же я вернуть его из Чикаго, а?

В этот миг из-за двери раздался возглас «Стелла!»; голос, вне всякого сомнения, принадлежал Вольфсхайму.

— Напишите свое имя и оставьте на столе, — быстро сказала она. — Я передам ему, когда он вернется.

— Но я же знаю, что он здесь.

Она шагнула вперед и уперла руки в бедра.

— Вы, молодежь, думаете, что сюда можно врываться в любое время, — заворчала она. — Сил больше никаких нет. Сказано вам — в Чикаго, значит, в Чикаго.

Я упомянул фамилию Гэтсби.

— О-о! — Она снова оглядела меня. — Одну… Как, вы сказали, вас зовут?

Она исчезла. Через мгновение в дверном

проеме появилась скорбная фигура Мейера Вольфсхайма, протягивавшего мне обе руки. Он провел меня в свой кабинет, печальным голосом заметив, какой это горестный день для всех нас, и предложил сигару.

— Я вспоминаю время, когда мы с ним только познакомились, — начал он. — Молодой майор, только что из армии, вся грудь в медалях. И ни гроша за душой: ему приходилось ходить в форме, поскольку он не мог себе позволить купить штатский костюм. Впервые я его увидел, когда он зашел в бильярдную Вайнбреннера на Сорок третьей улице и спросил, нет ли какой работы. Он уже два дня ничего не ел. «Пойдемте пообедаем со мной», — пригласил я его. Так вот, за полчаса он съел на четыре с лишним доллара.

— Так вы помогли ему начать свое дело? — спросил я.

— Помог начать? Да я его в люди вывел!

— Вот как?

— Я поднял его из грязи, из сточной канавы. Я сразу его приметил: красивый молодой человек с хорошими манерами, а когда он мне сказал, что учился в Оксфорде, я тут же понял — из него выйдет толк! Я убедил его вступить в Американский легион, и там он взлетел довольно высоко.

Потом для него подвернулось одно дельце с моим клиентом в Олбани. Мы были с ним всегда заодно. — Он поднял вверх два толстых пальца. — Всегда вместе.

Я вдруг подумал, не включало ли их «партнерство» аферу с результатами матчей «Мировой серии» в 1919 году.

— Теперь его не стало, — произнес я после некоторой паузы. — Вы были его ближайшим другом, так что я уверен, что нынче днем вы придете на его похороны.

— Очень бы хотелось.

— Ну так приходите.

Волосы у него в ноздрях чуть шевельнулись, он покачал головой, и глаза его наполнились слезами.

— Я не могу… Не могу впутываться в это, — произнес он.

— Тут не во что впутываться. Все кончено.

— Если человека убивают, я никогда не впутываюсь. Никоим образом. Я в стороне. Когда я был молодым — другое дело. Если кто-то из моих друзей уходил из жизни, неважно как, я стоял за него до конца. Можете считать меня сентиментальным, но именно так — до самого конца.

Я понял, что по каким-то сугубо личным при-

чинам он решил не приходить на похороны, и поднялся.

— А вы заканчивали колледж? — вдруг спросил он.

На какое-то мгновение я подумал, что он собирается предложить мне «деловые контакты», но он лишь кивнул и пожал мне руку.

— Давайте научимся по-настоящему дружить с человеком, пока он жив, — заметил он. — После смерти, я считаю, надо оставить его в покое.

Когда я вышел из его конторы, небо заволокли темные тучи, и в Уэст-Эгг я вернулся уже под дождем. Переодевшись, я направился в особняк и увидел, что мистер Гетц возбужденно расхаживает по холлу. Он все больше и больше гордился своим сыном и его достижениями и хотел мне что-то показать.

— Джейми прислал мне эту карточку. — Он вынул бумажник дрожащими пальцами. — Вот, глядите.

Это оказалась фотография особняка, с надтреснутыми углами и грязная от следов многих и многих рук. Он с жаром указывал мне на все архитектурные детали, вскрикивая «Посмотрите же!» и заглядывая мне в глаза в поисках восхищения. Он показывал ее так часто, что, по-моему, она

стала для него куда реальнее, чем сам особняк.

— Джейми мне ее прислал. Прекрасное фото, да? Хорошо смотрится.

— Очень хорошо. Когда вы его видели в последний раз?

— Он приезжал два года назад и купил дом, в котором я теперь живу. Конечно, у него не было ни гроша, когда он сбежал из дома, но теперь-то я знаю, что на то была причина. Он знал, что его ждет большое будущее. И как только он пробился, то для меня ничего не жалел.

Ему определенно не хотелось убирать фотографию, и он снова медленно поднес ее к моим глазам. Потом он все-таки спрятал ее в бумажник и достал из кармана потрепанную книжку под названием «Попрыгунчик Кэссиди».

— Вот поглядите, это одна из его детских книжек. Вы сами все увидите.

Он перевернул ее и показал мне. На заднем форзаце печатными буквами было выведено слово РАСПИСАНИЕ и стояла дата: 12 сентября 1906 года. Чуть ниже я прочел следующее:

Подъем 6.00

Упражнения с гантелями и на стенке 6.15 – 6.30

Изучение электричества и т. д. 7.15 – 8.15

Работа 8.30–16.30

Бейсбол и спорт 16.30–17.00

Ораторское искусство и выработка осанки 17.00–18.00

Изучение полезных изобретений 19.00–21.00

ОСНОВНЫЕ ЦЕЛИ

Не тратить время у Шафтерса или (имя, неразборчиво)

Не курить и не жевать резинку

Принимать ванну через день

Прочитывать одну полезную книгу или журнал в неделю

Откладывать 5 (зачеркнуто) 3 доллара в неделю

Лучше вести себя с родителями

— Я случайно наткнулся на эту книжку, — произнес старик. — Это ведь говорит само за себя, верно? Он всегда стремился выбиться в люди. И все время ставил перед собой цели вроде этих. Вы заметили, как он развивал свой ум? Это у него всегда здорово получалось. Он как-то мне сказал,

что я ем, как свинья, а я его за это поколотил.

Ему не хотелось закрывать книгу, он читал вслух каждую строчку, а потом выжидающе смотрел на меня. Мне казалось, что он ждет, пока я не перепишу список как собственное руководство к действию.

Около трех из Флашинга приехал лютеранский священник, и я начал непроизвольно выглядывать в окно — нет ли там других машин. Моему примеру последовал отец Гэтсби. Время шло, собрались слуги и стали ждать в холле, он начал нетерпеливо моргать и озабоченно сказал, что собирается дождь. Священник то и дело поглядывал на часы, так что я отвел его в сторону и попросил подождать еще минут тридцать. Но напрасно. Никто не появился.

Примерно в пять часов наша похоронная процессия из трех машин добралась до кладбища и остановилась у ворот под проливным дождем. Впереди катафалк, черный и жутковато отсвечивающий мокрыми бортами и крышей, за ним мистер Гетц, священник и я в лимузине, замыкали кортеж промокшие до нитки четверо-пятеро слуг и почтальон из Уэст-Эгга в фургоне Гэтсби. Когда мы проходили через ворота на кладбище, я услышал скрип тормозов и торопливые шаги по

насквозь промокшей земле. Я оглянулся и увидел мужчину в очках, который три месяца назад восторгался книгами в библиотеке Гэтсби.

С того вечера я его ни разу не видел. Я понятия не имел, как ему стало известно о похоронах, и даже имени его не знал. Дождь заливал его очки с толстыми линзами, он снял их и протер, чтобы посмотреть, как с могилы Гэтсби сворачивают защищавший ее от дождя брезент.

Я пытался думать о Гэтсби, но он был уже слишком далеко, и я лишь вспомнил, безо всякого возмущения или обиды, что Дейзи не прислала ни телеграммы, ни единого цветочка. Откуда-то издали я услышал, как кто-то пробормотал: «Блаженны мертвые, по коим дождь восплакал», а затем очкарик бодро провозгласил: «Аминь».

Мы беспорядочно заторопились к машинам, а дождь все хлестал. Очкарик заговорил со мной у самых ворот.

— Я не смог заехать на виллу, — удрученно заметил он.

— И никто не смог.

— Да полноте вам! — вскинулся он. — Господи помилуй! К нему же сотнями наезжали!

Он снял очки и снова тщательно протер их.

— Бедный сукин сын, — проговорил он.

Одно из моих самых ярких воспоминаний — возвращение в отчий дом на Рождество сначала из подготовительной школы, а потом из колледжа. Те, кому ехать дальше Чикаго, собирались в шесть часов декабрьским вечером на старом полутемном вокзале Юнион-стейшн в сопровождении нескольких друзей-чикагцев, чтобы наспех попрощаться с ними, уже охваченными атмосферой праздника. Помню меховые шубки девушек, возвращавшихся от мисс Такой-то и Такой-то, болтовню, морозное дыхание и машущие поверх голов руки, если заметишь старых знакомых; разговоры о том, кто куда приглашен: «Ты идешь к Ордуэям? К Херси? К Шульцам?». Помню зеленые билеты, зажатые в затянутых перчатками руках. И, наконец, желтые вагоны линии Чикаго — Милуоки — Сент-Пол, яркие, как само Рождество, стоявшие у перрона.

Когда поезд скрывался в зимней ночи, перед нами простирались настоящие, наши снега, поблескивая в отсвете окон. Мимо проносились полутемные висконсинские станции и полустанки, а иногда вдруг налетала метель. Мы глубоко вдыхали свежий воздух холодных тамбуров, возвращаясь с ужина, осознавая свое единение с этим краем, а потом без остатка в нем раство-

рялись.

Это мой Средний Запад — не пшеничные поля, не прерии, не захолустные городки, населенные иммигрантами-шведами, а веселые поезда моей юности, везшие меня домой, фонари и перезвон колокольчиков на санях в морозной мгле, тени праздничных гирлянд в светлых квадратах окон на снегу. Я — часть всего этого, немного печальный от долгих зим, немного самонадеянный оттого, что вырос в доме Каррауэев в городе, где уже какой десяток лет дома называют по фамилии их владельцев. Сейчас я понимаю, что рассказанная мной история посвящена Западу. В конечном итоге Том и Гэтсби, Дейзи, Джордан и я — все мы с Запада, и, возможно, нам всем не хватало той «закваски», которая помогла бы нам приспособиться к жизни на Востоке.

Даже когда Восток неодолимо манил меня, когда я наиболее остро осознавал его подавляющее превосходство над скучными, сонными и провинциально-самодовольными городками за рекой Огайо, где бесконечные сплетни не щадят никого, кроме детей и стариков, — даже тогда я ощущал в нем какую-то ущербность, если не сказать — извращенность. Особенно в Уэст-Эгге, который преследует меня в ночных кошмарах. Он

предстает передо мной, словно ночной пейзаж Эль Греко: сотня домов, вполне обычных и одновременно нелепых, сгорбившихся под темным низким небом с мутной, полупогасшей луной. На переднем плане четверо мрачных мужчин во фраках идут по тротуару с носилками, на которых лежит пьяная женщина в белом вечернем платье. На ее руке, свесившейся вниз, ледяным огнем горят бриллианты. В гробовом молчании мужчины сворачивают и входят в дом — но не в тот, куда направлялись. Никто не знает имени женщины, и никому нет до нее дела.

После смерти Гэтсби Восток наполнился для меня призраками и видениями, настолько уродливыми, что мое сознание отказывалось их воспринимать. Поэтому, когда закурились синие дымки от сжигаемых опавших листьев, а порывистый ветер стал парусить развешанное на веревках белье, я решил вернуться домой.

До отъезда надо было сделать одно дело, щекотливое и неприятное, за которое очень не хотелось браться. Однако я знал, что следует расставить все точки над «i», а не полагаться на то, что равнодушное море окажет мне услугу и поглотит оставленный мной мусор. Я встретился с Джордан Бейкер и поговорил с ней о том, что

произошло с нами, и о том, что произошло потом со мной. Она слушала меня, почти без движения полулежа в огромном кресле.

Она оделась для игры в гольф, и я подумал, что она словно сошла со страниц иллюстрированного журнала: игриво вздернутый подбородок, волосы цвета осенней листвы, золотисто-коричневый загар на лице и такого же цвета перчатка без пальцев на колене. Когда я закончил свой рассказ, она без всяких комментариев заявила мне, что с кем-то обручена. Про себя я усомнился в этом, хотя знал, что стоит ей кивнуть головой, как со всех сторон сбегутся женихи, и поэтому изобразил притворное изумление. На какое-то мгновение у меня мелькнула мысль, не совершаю ли я ошибку, однако, снова все вспомнив, я встал, чтобы попрощаться с ней.

— И все-таки это вы меня бросили, — вдруг сказала Джордан. — Тогда, по телефону. Теперь-то мне на вас наплевать, но тогда это стало для меня неожиданностью, и я долго не могла прийти в себя — впервые бросили меня, а не я.

Мы пожали друг другу руки.

— Да, вы помните наш давнишний разговор о вождении? — добавила она.

— Ну, не совсем.

— Вы сказали, что плохой водитель в безопасности лишь до тех пор, пока ему не попадется другой плохой водитель. Так вот, я встретила еще одного плохого водителя. Не понимаю, как я так ошиблась. Мне казалось, что вы честный, прямой человек. Я считала, что это предмет вашей тайной гордости.

— Мне тридцать, — ответил я. — Я уже пять лет как вышел из того возраста, когда можно лгать самому себе и почитать это за честь.

Она не ответила. Я повернулся и ушел: злой, наполовину влюбленный и бесконечно несчастный.

Как-то днем в конце октября я встретил Тома Бьюкенена. Он шел впереди меня по Пятой авеню — как всегда, начеку, агрессивно расставив руки, готовые смести любую преграду, и вертя головой по сторонам. Не успел я сбавить шаг, чтобы не нагнать его, как он остановился и, нахмурившись, стал рассматривать витрину ювелирного магазина. Он вдруг заметил меня и повернул назад, еще издали протягивая руку.

— В чем дело, Ник? Ты не хочешь пожать мне руку?

— Нет, не хочу. Ты знаешь, что я о тебе думаю.

— Да ты спятил, Ник! — вскричал он. — Совсем

спятил. Уж не знаю, что там с тобой случилось.

— Том, что ты сказал Уилсону? Тогда, днем? — спросил я.

Он молча уставился на меня, и тут я понял, что моя догадка относительно выпавших из поля зрения следствия нескольких часов полностью подтвердилась. Я было повернулся, чтобы уйти, но он шагнул вперед и схватил меня за руку.

— Я сказал ему правду. Он явился ко мне домой, когда мы уже собирались уезжать. Когда дворецкий по моему приказанию ответил, что нас нет дома, он попытался силой прорваться наверх. Он был настолько не в себе, что убил бы меня, если бы я ему не сказал, кто владелец машины. В кармане он сжимал револьвер.

Он умолк, а потом дерзко бросил мне в лицо:

— Да и что с того, скажи я ему *всю* правду? Этот субъект рано или поздно все равно бы нарвался. Напустил пыли в глаза и тебе, и Дейзи, а сам — бандит, да и только. Переехал Миртл, как собачонку, и даже не притормозил.

Я не мог ничего возразить, кроме того, что все это неправда, но промолчал.

— А что до страданий… Слушай, когда я пошел отказываться от квартиры и увидел на буфете эту проклятую коробку корма для собак, я сел на пол

и заревел, как ребенок. Господи, какой ужас…

Я не мог ни простить, ни посочувствовать ему, но было понятно, что с его точки зрения все его действия полностью оправданны. Он до крайности запутался из-за своей беспечности. Они были беспечны, Том и Дейзи, — ломали вещи и людские судьбы, а затем отступали под защитой своих денег или своей безграничной легкомысленности, или чего-то еще, что удерживало их вместе, оставляя другим разбираться с тем, что они сделали…

Я все-таки пожал ему руку: мне показалось глупым отказываться от этого, поскольку я вдруг почувствовал, что говорю с ребенком. Потом он зашел в ювелирный магазин, чтобы купить жемчужное ожерелье или просто запонки, и навсегда избавил себя от моей провинциальной щепетильности.

Накануне моего отъезда дом Гэтсби по-прежнему пустовал — трава на лужайке разрослась так же буйно, как и на моем участке. Один из местных таксистов никогда не упускал случая, чтобы остановиться у ворот Гэтсби и показать на особняк. Возможно, именно он вез Гэтсби и Дейзи в Ист-Эгг в ту роковую ночь, и не исключено, что он сочинил об этом собственный рассказ. Мне не

хотелось слушать эти байки, и, сойдя с поезда, я всегда обходил его стороной.

Субботние вечера я проводил в Нью-Йорке — мне настолько врезались в память ослепительно великолепные вечеринки у Гэтсби, что я постоянно слышал отзвуки музыки и смеха, доносившиеся из сада, и рокот машин, сновавших туда-сюда по подъездной аллее. Однажды ночью я наяву услышал, как к самому крыльцу подкатила машина, и яркий свет фар выхватил из мрака опустевшие ступени. Однако вникать я не стал. Возможно, прибыл какой-то запоздалый гость, пропадавший неведомо где и не знавший, что вечеринка закончилась.

В последний вечер перед отъездом, уложив вещи и отогнав машину ее новому хозяину — бакалейщику, я вновь отправился взглянуть на этот огромный аляповатый монумент дурному вкусу. Луна высветила нецензурное слово на ступеньке — кто-то из мальчишек нацарапал обломком кирпича. Я стер его, со скрежетом водя подошвой по мрамору. Потом я добрел до пляжа и растянулся на песке.

Большинство прибрежных особняков было уже закрыто. Огни погасли, и лишь вдали тускло светился паром, шедший через пролив. Луна под-

нималась все выше, и в ее свете таяли постройки, пока передо мной не предстал остров в его первозданной красе — такой, каким он открылся взорам голландских моряков — девственно-зеленый форпост нового, неведомого мира. Его деревья, со временем исчезнувшие и уступившие место особняку Гэтсби, некогда ласково нашептывали этим морякам последнюю и величайшую мечту человечества. На какой-то мимолетный, чарующий миг люди затаили дыхание, завидя неведомый дотоле континент, невольно восхищаясь красотой, которой они не понимали и которой не жаждали, в последний раз в истории воочию лицезря то, что соизмерялось с дарованной им свыше способностью удивляться чуду.

Размышляя о древнем, неведомом мне мире, я подумал о том, с каким восхитительным удивлением Гэтсби впервые заметил зеленый огонек на краю причала у дома Дейзи. Он прошел долгий путь к этой залитой лунным светом лужайке, и мечта его казалась столь близкой, что стоит протянуть руку, и… Он не знал, что она уже где-то позади, где-то в темных пространствах далеко за городом, где в ночном мраке простиралась огромная страна.

Гэтсби верил в зеленый огонек, в ослепительно

сияющее будущее, что с каждым годом от нас все дальше и дальше. Вот оно вновь ускользнуло, но не беда — завтра ускорим бег, протянем руки чуть дальше… И в одно прекрасное утро…

Так мы и плывем вперед, против течения, а оно неустанно сносит наши утлые челны в прошлое.